

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH / RGGU BULLETIN

№ 4 (14)

Academic Journal

Series:

Political Science. History. International Relations

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4 (14)

Научный журнал

Серия

«Политология. История. Международные отношения»

Москва

2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Певедская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Колов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., проф. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), А.В. Гушин, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Е.С. Мелкумян, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), В.С. Мирзаханов, д-р ист. н. (ИВИ РАН), П. Руггенталер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А. Филлер (Ун-т Париж-VIII), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Б. Штельцель-Маркс (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., проф. (РГГУ), Е.Н. Жукова, канд. полит. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования современных общественно-политических процессов

<i>С.В. Клягин</i>	
Феномен медиа в современном обществе: к вопросу о становлении политического	9
<i>О.И. Зазнаев, В.В. Сидоров</i>	
Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца?	24
<i>Г.М. Нарсия</i>	
История становления туристического проекта в Грузии: анализ политических и исторических оснований	36
<i>О.Г. Давыдова</i>	
Гендерные исследования и категория гендера: вопросы актуализации в системе обыденного знания	44
<i>Ф.И. Уланов</i>	
200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.: практики коммеморации	54

История и современность: актуальные исследования

<i>В.П. Буданова</i>	
Античная матрица современного латентного варварства	65

<i>О.В. Сидорович</i>	
Авгуры и жертвоприношения животных	82
<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
Семантика пояса в описании мусульман в Повести временных лет	91
<i>К.А. Медведев</i>	
«Восточничество» Э.Э. Ухтомского: основы формирования геополитической концепции	106
<i>А.Ю. Бахтурина</i>	
Кадровая политика генерал-губернатора Н.Н. Герарда в Финляндии в 1905–1906 гг.	119
<i>Р. Савосткина</i>	
Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов	130

Книжная полка

<i>Н.В. Иллерицкая</i>	
«Монументальная» версия истории Великой российской революции 1917 г. в современной российской историографии	141

CONTENTS

Researches of modern socio-political processes

S.V. Klyagin

- On the constitutive transit in media phenomena.
Investigations for political studies 9

O.I. Zazanev, V.V. Sidorov

- Presidential systems in the post-Soviet space.
Is Juan Linz's hypothesis correct? 24

G.M. Narsia

- History of formation of the tourism project in Georgia.
Analysis of political and historical basis 36

O.G. Davydova

- Gender studies and the category of gender. Issues of actualization
in the system of ordinary knowledge 44

Ph.I. Ulanov

- 200th anniversary of the Patriotic War 1812.
Commemoration practices 54

History and modernity: current researches

V.P. Budanova

- Antique matrix of modern latent barbarity 65

O.V. Sidorovich

- Augurs and animal sacrifice 82

<i>M.Yu. Andreycheva</i>	
Semantics of belt in the description of Muslims in the Tale of Bygone Years	91
<i>K.A. Medvedev</i>	
The Easternism of E.E. Ukhtomskii. Geopolitical concept formation	106
<i>A.Yu. Bakhturina</i>	
Appointments to administrative positions in Finland in the policy of the Finnish governor-general N.N. Gerard in 1905–1906	119
<i>R. Savostkina</i>	
Social role of women in the Soviet society in the discourse of “Rabotnitsa” and “Krestjanka” magazines in the mid-1920s	130

Bookshelf

<i>N.V. Illeritskaya</i>	
“Monumental” version of the Great Russian revolution history in modern historiography	141

Исследования современных общественно-политических процессов

УДК 32:070

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-9-23

Феномен медиа в современном обществе:
к вопросу о становлении политического

Сергей В. Клягин

*Российский государственный гуманитарный университет;
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия, sklyagin@gmail.com*

Аннотация. В статье предлагается уточненная трактовка феномена медиа как основы социальных и политических процессов в современном обществе. Подчеркивается предпосылочный характер медиа относительно коммуникации, преимущественно конститутивная («полагающая»), а не только транзитивная («передающая») роль медиа в жизни общества. Медиа само по себе есть сообщение, ибо меняет реальность, за счет чего создается возможность для ее переструктурирования и возникновения нового. Медиа обнаруживает порождающую транспарентность среды, открывает и сохраняет проводящее качество реальности. Онтологический локус медиа отличается внутренней динамикой, смешением (mess) реальности как со-общением (mess-age).

Уточнение природы феномена медиа позволяет лучше понять медиальную составляющую политического. Медиа – это «место» вовлеченности и согласования разных частей реальности проявленности, «высвечивания», некоего нового общего. Так же и политика есть «место переработки» социальной неопределенности. Акцент на медиальной природе политического позволяет выявить подвижную основу социальных артефактов порождения политического, которое совершается в «колебаниях» качеств (не)политических акторов. Медиа политического – это полагание возможности политики в неопределенности социального, а также непрерывное обновление содержания политики на границе политического. По аналогии с медиа полагание политического самодостаточно в своем полагающем присутствии в социальной реальности. Примеры такой аналогии показаны в статье с учетом моделей нестабильных и объектно-ориентированных онтологий.

Ключевые слова: медиа, коммуникация, сообщение, политическое, политика, онтология

Для цитирования: Клягин С.В. Феномен медиа в современном обществе: к вопросу о становлении политического // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 9–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-9-23

On the constitutive transit in media phenomena: investigations for political studies

Sergey V. Klyagin

*Russian State University for the Humanities; Financial University under the Government
of the Russian Federation Moscow, Russia, sklyagin@gmail.com*

Abstract. The author specifies the interpretation of the media phenomenon. Medium phenomenon and communication are described as the background and the supportive framework for social and political processes. Medium precedes communication. For understanding media phenomena constitutive role of the medium is more meaningful than its transmission functioning in social life. The constitutive potential of the medium determines the very essential sense of the famous thesis “The Medium is the Message”. It is even more clear following the cross-cultural interpretations of this thesis in English and Russian languages.

Constitutive understanding of the medium phenomena influences the treatments of the political processes. The medium messes, mixes the certain place of reality and as if it lights up social spaces. According to this metaphor, the phenomenon of policy also forms the ontological locus where through the processing of informational uncertainty one can establish commonly shared values and norms for social consolidation and activities. The author characterizes the policy medium patterns proceeding from the unstable (E. Laclau, C. Mouffe) and object-oriented (G. Harman) ontology.

Keywords: medium, media, communication, message, policy, ontology

For citation: Klyagin SV. On the constitutive transit in media phenomena: Investigations for political studies. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;4:9-23 DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-9-23

Введение

По мере распространения информационно-коммуникативных технологий в современном социуме все большее внимание исследователей привлекает феномен медиа в качестве сложной основы социальных процессов. Становится очевидно, что феномен медиа есть нечто гораздо большее, чем средство, канал коммуникации или даже массовидные практики коммуницирования. Расширительное, приближенное к новейшей реальности понимание феномена медиа влечет за собой изменение представлений о том, как складываются социальные сообщества и структуры. Так, при рассмотрении социальной интеграции акцент делается не столько на связующей роли

привычных коммуникативных практик, сколько на объединяющих потенциалах их социально-культурных опосредований, сопутствий. Именно они образуют «силовое поле» социального притяжения, информационно-смысловое и функциональное многообразие которого пока еще только проступает в языке метафор и первичных концептуальных обобщений: медиа социального, сообщительность, медиальность, коммуникативные пространства и среды, социальные практики совместности слова.

Многообразие проявления и особого рода действенности в социуме феноменов коммуникации и медиа подчеркивается в ряде авторитетных научных трудов. Э. Гидденс, учитывая масштабность влияния информационных технологий на общество, предложил концепт «коммуникативная революция» [1 с. 87]. З. Бауман обращает внимание на социальные последствия распространение коммуникативных практик [2]. Трансцендентальность коммуникации как некоего метауровня социального подчеркивается в трудах К.-О. Апеля [3 с. 193–237]. Г. Йоас подробно анализирует конструктивную роль коммуникативных интеракций и знаковых репрезентаций социального действия [4 с. 147,153]. Роль социальной коммуникации в современном обществе выразительно подчеркнул Ю. Хабермас, говоря о ее противодействии «холистским замыканиям» и «системному своенравию» производственных отношений [5 с. 92].

В новейших исследованиях факторов полагания и учреждения социального принимается во внимание не только наличный горизонт коммуникативных практик, но подчеркивается относительно самостоятельная роль феномена медиа. Эта идея систематическим образом обоснована в трудах Н. Лумана [6] и Р. Дебре [7], в ряде обобщающих публикаций [8], а также представлена рядом статей [9].

Для характеристики сути тезиса о расширительном понимании феномена медиа важно замечание Р. Дебре о том, что медиа и коммуникация взаимодополнительны: «Коммуникация и передача являются регистрами, которые надо не сопоставлять, но координировать» [7 с. 32]. Заметим от себя, что, образно говоря, это похоже на игру оркестра, где очень разные инструменты, например контрабас и скрипка, по-своему участвуют в согласованном исполнении – сообщении – музыкального произведения.

В изучении медиа и коммуникации сохраняются плюрализм подходов и вариативность результатов. Исследования в этой области знания преимущественно описательны и собирательны. Поэтому в теории коммуникации предлагаются обобщающие средства

отображения исследовательского содержания, которые ориентированы на его динамику, эволюционный характер, открытость и незавершенность: «коммуникативный универсум», «коммуникация как пространственно-временной опыт». При ином варианте осмысления коммуникации, как отмечает И. Клюканов, «картина становится фрагментарной, а сама научная мысль предстает мятущейся и нервной» [10 с. 28].

Учитывая эту методологическую особенность, отметим, что ключевым вопросом изучения коммуникативных явлений остается вопрос о том, что же все-таки представляет собой феномен медиа. Подчеркивается настоятельная необходимость «онтологизации коммуникации» [10 с. 41–44]. Трудно не согласиться с утверждением: «Необходимо попытаться выявить тот мир, который составляет истинный фундамент научного осмысления коммуникации. Какова эта земля, эта почва на/из которой может разворачиваться территория коммуникативных исследований?» [11 с. 15–16,19]. Принятие этой актуальной потребности позволяет отграничить проблемное поле статьи, а именно: необходимо уточнить содержание феномена медиа, показать, в чем состоит возможная тенденция в перспективных трактовках медиа и его социальных опосредований. Если решение показанной проблемы есть цель предлагаемого рассуждения об объектном поле изучения медиа, то исследовательские задачи обнаруживаются в том, чтобы в предметном рассмотрении исходных тезисов о феномене медиа показать важные смысловые нюансы в осмыслении его содержания и, далее, в контексте рассмотрения новейших моделей социальных онтологий указать на некоторые практические политические следствия из этих уточнений. Иными словами, появляется возможность еще раз обратить внимание на устроение медиа, систематизировать положения и идеи по этой теме с учетом новейших тенденции в теории медиа, а также в современной социальной и политической философии.

В исследовании для изучения материалов предметной области использованы методы качественного исследования (отбор материала для изучения, аналитические и интерпретативные подходы, описание результатов, обоснование теоретических выводов (grounded theory)) [12 с. 10–12], а также общенаучные методы (анализ, сравнение, синтез, абстрагирование, обобщение). Основное внимание уделено теоретическому и лингвистическому кросскультурному анализу ряда ключевых тезисов о феномене медиа и природе политического.

Что (нам) сообщает медиа?

Интерпретации понятия «медиа» не только обычного пользователя информации, но и специалиста-исследователя нередко искушают простотой и кажущейся понятностью привычного словоупотребления одноименного слова. Помимо поисковых словарных запросов, когда многое зависит от добросовестности и информационной осведомленности того или иного автора, необходимо признать, что исходным тезисом для ответа о природе медиа остается знаменитый тезис М. Маклюена “The Medium is the Message” [13 с. 16]. Отметим, что и сам тезис, и его перевод, в значительной степени обусловленный социальными практиками коммуникации («средство коммуникации есть сообщение»), требуют уточнения, ибо в их привычных формулировках, смысловая точность в некоторой степени ставится в зависимость от ситуативной лингвистической нормативности.

Трудности толкования тезиса в смысловом ареале русского языка относятся к обоим составляющим высказывания (*medium, message*) и к тезису в целом.

Отметим, что более корректный перевод тезиса, если следовать контексту оригинального текста источника выглядит следующим образом: «Средство коммуникации (а точнее, *медиа* – С. К.) само по себе есть сообщение». Заметим, именно со-общение, смешение, соединение и следовательно, изменение самой структуры реальности в ситуации «коммуникация» или «медиа». Как подчеркивает М. Маклюен, в этой ситуации «последовательность уступает место одновременности, человек оказывается в мире структуры и конфигурации» [13 с. 16].

Важным пунктом остается определение приоритетов в понимании природы медиа. Феномен медиа – это в содержательном аспекте нечто более обширное и в онтологическом плане более «раннее» относительно предметно явленного горизонта средств, каналов и технологий коммуникации, а также «передающей», трансмитационной, роли медиа в целом [7].

Полагание «медиа» предшествует его возможной средственности и тем более функциональности. Зафиксировать изначальную суть рассматриваемого феномена не просто. Даже перевод слова «медиа» на русский весьма затруднен. Исходя из проступающих смыслов в контексте таких слов, как «медиа», «медиатор», «медиация», «медиана», «медианта», можно предположить, что медиа – это область реальности, в которой обнаруживается некая соединяющая «серединность» по отношению к целостности «места» медиа и его границам.

По-видимому, М. Маклюен, будучи не только глубоким ученым, но и ярким литератором, научным публицистом, сознавал сложность передачи в языке адекватного смысла понятия «медиа». Поэтому он использовал различные образы, игру слов для разъяснения своего тезиса. Маклюен сравнивал феномен медиа с осветительной лампой (light bulb), которая создает особую среду просто фактом своего присутствия (“a light bulb creates an environment by its mere presence”) [14 с. 8]. Этот же смысл усиливается и в другой работе Маклюена “The Medium is the Massage”: «Медиа – это массаж. Любое понимание социального и культурного изменения невозможно без знания о том, как медиа работает именно в качестве части среды» [15].

Указанные исходные, «располагающие», свойства медиа нельзя не учитывать. В генетическом аспекте соответствующие им трактовки медиа ориентированы на процессуальность проявления, «проступания», феномена, а в плане исходного неразличения качеств его отдельных компонентов и на его хаотичность как основу обнаружения в дальнейшем структур общительности и коммуникации. Отметим в этой связи, что и в обобщающих научных статьях подчеркивается важность задачи исследовать феномен медиа именно интегрально – как средство, посредника, среду, промежуток, различающий процесс и т. д. [16 с. 97].

Каким образом присутствие «места» медиа становится сообщением, может быть более понятно, если обратить внимание на этимологию слова «message». В английском языке в происхождении и прагматиках этого слова опять-таки обнаруживаются «до-общительные», предпосылочные содержания относительно сообщения как уже явленного различения, тем более представленного в той или иной «порционной» знаковой форме. Как следует из толкового словаря Дугласа [17] слово message заимствовано из старо-французского, а то, в свою очередь, восходит к латинскому “missus” – «брошенный», «посланный». Похожие смыслы отмечает также И. Клюканов. Ссылаясь на словарь У. Морриса [18], исследователь обращает внимание на оригинальное значение слова “message”, которое заключается в его корне “smeit” – «бросать», «отпускать». Но импульс движения, сдвига здесь оказывается весьма специфичным, ибо «коммуникация» происходит также от латинского “communicare” («делать общим»), что предполагает некий риск, связанный не только с выходом в некую общность, но также со смешением и даже загрязнением (греческий корень “κοινοο”) [11 с. 22]. Показанные смыслы можно дополнить и с помощью морфологической аналогии, например: “message” и “usage”. Получается, что слово “message” образовано довольно многозначным глаголом “mess” (в том числе,

«загрязнять», «вносить беспорядок») и суффиксом ‘-age’, который обозначает некий процесс, длящееся действие и его результат. Другими словами, “message” и “usage” через суффикс выражают некие образования, в которых заложены процессные действия: в рамках использованной аналогии «посылание», «пользование».

В итоге становится понятно, почему «медиа» как некое расположение, соединяющее «срединность» места, само по себе является сообщением. Это происходит за счет изменения реальности, такого ее рискованного перемешивания, ожидающего трепета, в котором возможна встреча нового, что мы и различаем в качестве основы медиасреды и, далее, коммуникации. Суть медиа проявляется в возобновляемом обнаружении и сохранении границы (не)определенности между различающейся (в-себе) и проявляемой (для-себя) областями реальности. Поэтому проживание и высказывание этого колыбельного непокоя становится для человека как бы «дыханием» живого ожидающего присутствия, где и откуда феномен медиа наполняется и расчерчивается порциями опредмеченных функциями и знаками сообщений.

Медиа обнаруживает порождающую транспарентность среды, открывает и сохраняет проводящее качество реальности. Идею того, что медиа само по себе является сообщением, продолжает тезис Ф. Киттлера: «медиа – это медиа и еще раз медиа» (“A medium is a medium is a medium”). М. Фуллер использует указанный тезис Ф. Киттлера, который также сложно однозначно перевести на русский язык, для характеристики состояния реальности, где проявляются предпосылки со-общения и коммуникации прежде всего как распространения и редупликации существований, «местоимений» и «глаголов» медиа самого по себе. При этом Фуллер подчеркивает, что наполнение и объектное структурирование обнаруживаемых в медиа областей реальности непрерывно меняется [19 с. 3–12].

Ф. Киттлер в работе “Discourse Networks 1800/1900” [20] предложил свой выразительный и лаконичный тезис, чтобы подчеркнуть неконвертируемость медиа, самодостаточность этого феномена («медиа – это медиа»). Переход от одного медиа к другому – это тоже медиа: переход произволен, случаен и со-общителен прежде всего сам по себе. Кроме того, Киттлер обращает внимание на медиум языка как такового. Язык – это идеальный, своего рода сверхпроводящий медиум, который своим присутствием, различая и размечая реальность, действует как нечто гораздо большее, чем трансляция содержательных языковых выражений.

Исследователи отмечают, что Ф. Киттлер, обращая внимание на специфику феномена медиа, в своем тезисе использовал эвристический потенциал высказывания Гертруды Штайн

“A rose is a rose is a rose is a rose” (“Poetry and Grammar”, *Lectures in America*) [21].

В своей интерпретации этого тезиса Г. Штайн дополнительно показывает «текущность», внутреннюю динамику феномена медиа. На примере языка это обнаруживается в проблематизации, расшатывании грамматической структуры, что происходит на третьем повторе (не ясно, это конец предыдущего предложения или начало нового) и завершается на четвертом повторе очевидным переходом к языковой игре. Кроме того, динамика медиа языка проявляется в мерцании именованного/указанного для существительного «роза», в вариатизации способа презентации предмета (полагание качества ‘red rose’ через его явленное прочтение ‘read’) и, наконец, в фонетических переходах от залога полагания и существования (‘a rose’) к глагольному залогу (‘arose’). Тезис Г. Штайн на примере языка выявляет особую материальность феномена медиа, его нетривиальную «внутреннюю» жизнь, несводимость к средству и инструментам передачи тех или иных текстовых содержаний.

Завершая характеристику феномена, отметим, что медиа своей по сути передает таким образом, что нечто «еще-не-передает». И медиа совсем не обязательно передает «нам» – какой-то конкретной аудитории или адресату. Медиа просто передает, и потому проявляется как медиа и тем самым (нам) сообщает. Подчеркнем, что в феномене медиа важен не только аспект «передачи», но и аспект присутствия, полагания иной, порождающей, реальности. Конституирующий потенциал медиа важен для демаркации и объектного наполнения области политического.

Медиа (не)политического

Уточнение природы феномена медиа позволяет лучше понять медиальную феномена политики. Медиа – это «место» вовлеченности и согласования разных частей реальности проявленности, «высвечивания», некоего нового общего. Так же и политика есть «место переработки» социальной неопределенности. Области социальной реальности как таковые не принадлежат сфере политического. Они ситуативно включаются в область процессуально нормируемого и консолидируемого общественного действия, в котором объединяется частное (интересы, позиции) ради общего (ценности, идеалы, проекты). Политика – это возобновляемое построение согласованной формы социальной активности, которая принимается и в качестве привлекательной и мобилизующей для себя теми или иными общественными группами.

Медиа политического связано с динамикой различных состояний общества, в которых происходит самоопределение и социализация политических субъектов. Акцент на медиальной природе политического позволяет выявить подвижную основу социальных артефактов порождения политического, которое совершается в «колебаниях» качеств (не)политических акторов. Медиа (не)политического – это непрерывное обнаружение границы области политического, где в живой конструктивной форме происходит выявление и становления приемлемого для всего общества «горизонта» социальной нормы.

Возвращаясь к образу медиа, предложенного М. Маклюеном (bulb of light), можно по аналогии охарактеризовать медиа (не)политического как «лампу», указывающий луч прожектора, в смысловом свете которого строятся, опробуются и изменяются правила общественной жизни. В этой связи можно по-новому, не только в конкретном политико-идеологическом контексте, понять поэтическую пронизательность известного призыва В.В. Маяковского: «Хочу сиять заставить заново величественное слово – Партия!».

Медиальная динамика политического – медиа (не)политического – на материале актуальных политико-философских концепций может быть рассмотрена в плане становления и формирования субъектной определенности этой области.

Привычные ответы на вопросы о «кто» и «что» в обыденной социальной реальности, как отмечает Э. Левинас, на самом деле не так просты, как может показаться. Они относятся к исходным различениям бытия и сущего, к «вибрациям» инаковости в наличном присутствии. Ответ на вопрос «что и кто есть?» находится в самом начале явления бытия, между Тожественным и Иным, где «от Иного, властвующего над Тожественным, завязывается ядро субъективности» [22 с. 185].

Большое внимание порождающим «смещениям» в становлении политической субъектности и в проявлении политического уделяет Ж. Рансьер. Он, в частности, призывает к тому, чтобы «помыслить осуществление политического синхронным с ритмами мира, с шумом вещей, с круговоротом энергий, информации и желаний» [23 с. 22]. Начало политического Рансьером относится к искусству, которое «умиротворяет улаживанием страстей множественного» [23 с. 12]. При этом рассматриваются многочисленные «прожилки» и «просветы» в свечении политического: парадоксальное в социальных сообществах идеи и практик осуществление равенства [23 с. 142], миграции инаковости и близости, активности и неделания, установленного и проявляющегося. Интегративный, общительный потенциал политического обнаруживается в том, чтобы

«собрать Единое, сохранить соединительную черту, удерживающую общество на краю бездны» [23 с. 26].

Итак, медиа (не)политического в различных аспектах проявляется как самодостаточность границы, обнаружения и обновления политического. Возможные примеры такой аналогии с самодостаточностью полагания феномена медиа дел могут быть показаны в рамках моделей нестабильных социальных онтологий.

Эти модели предназначены для отображения особых, но вместе с тем весьма распространенных в современном социуме ситуаций – ситуаций «разрыва», «ускользания» – и, соответственно, проблематизации использования инструментов социальной регуляции и политической власти в современном социуме, в большей степени ориентированных на фиксацию и контроль [24]. Нестабильные онтологии описывают динамично изменяющуюся реальность. Особенность ее состоит в том, что не только в формате процесса, но и в формате полагания отсутствуют постоянные, фундирующие эту реальность основания.

Обращение к нестабильным онтологиям важно и потому, что их принципы указывают на роль субъективного фактора, который в силу свойственной людям сложности и непредсказуемости, способствует «размыванию» застывших форм псевдополитического. Нестабильные онтологии помогают компенсировать уникальную способность нынешнего социума имитировать политическое и даже формы его критики. Так, например, С. Жижек считает, что жест самоустранения, о котором сигнализирует форма как бы скользящего социального позиционирования «я предпочел бы не», относится к такому многообразию форм сопротивления, которые помогают общественной системе воспроизводить себя, обеспечивая наше участие в ней [25 с. 461–462].

Идеи нестабильных онтологий учитывают в становлении и «оживлении» политического возможную незавершенность (прекарность) субъектности политических акторов, роль воображения в политике, динамику нехваток, избытков и динамически проявляющихся различий в использовании в социуме социальных и символических ресурсов. Эти идеи представлены влиятельной современной интеллектуальной традицией (Дж. Агамбен, Э. Лаклау, Ш. Муфф, Ж. Рансьер, М. Бланшо, Ж.Л. Нанси, Ж. Деррида) [24 с. 8]. К этой же традиции обращается Дж. Урри, отмечая, что в этом подходе предусматривается «выпадение» социального как предмета осмысления из рамок строгого определенного дискурса. Соответственно, нестабильные онтологии могут быть применимы «к сложным последствиям разных типов мобильности, переплетающихся чувственных отношений людей с различными объектами...

выходящих за пределы социетальных границ, сложных и непредсказуемых взаимоналожений многих регионов, сетей и потоков [26 с. 29–30].

Для содержания медиа (не)политического важно также понимание нового качества объектности как таковой, когда изменяются представления об объектах социальной реальности, а рассмотрение объектов все более отличается от простого полагания и нерефлексивного принятия «поверхностных» и потому упрощенных описаний социальной реальности. Новый подход к объектности медиа возможен на основе объектно-ориентированной онтологии. Обоснование и подробный обзор этой концепции предлагает Грэм Харман. Он показывает различия между идеями акторно-сетевой теории (Б. Латур), где объекты и их свойства определяются действиями, связями и отношениями, традиционным материализмом (объекты из чего-то состоят) и своей концепцией. С точки зрения Хармана, объекты просто есть: «...все объекты в равной степени являются объектами, но не все одинаково реальны: надо различать автономию *реальных* объектов и зависимость *чувственных* объектов от любой встречающей их сущности» [27 с. 11].

Медиа (не)политического сообщает (нам) напряженным присутствием социального. Эта идея вполне соответствует положениям объектно-ориентированной онтологии. «Вещи действуют, – пишет Г. Харман, – потому что существуют, а не существуют, потому что действуют. Объекты – это спящие гиганты, берегущие свои силы и не проявляющие их все сразу» [27 с. 14].

Заклучение

Результатом исследования является уточнение содержания базовых понятий медианауки и теории коммуникации – «медиа» (mediun) и «сообщение» (message). Показано соотношение феноменов медиа и коммуникации, где медиа являются полагающим и поддерживающим явлением. Медиа и коммуникация не только передают нечто (порции информации, сигналы, тексты). Медиа сообщает самим своим наличием (а при такой трактовке и коммуникация тоже). Соответственно, сообщение медиа есть изменение реальности, где в соединении ее различных областей просвечивает и проявляется новое, т. е. значим не только трансмитационный, но и конститутивный аспект трактовки феномена медиа.

Глубинная связь политики и медиа проявляется в их онтологическом подобии. Медиа политического связано со смешением и смещением – сообщением – различных состояний общества. В этих

сдвигах происходит становление политических акторов и субъектов. Так же, как и медиа в целом, медиа политического изменяет реальность, меняет ее пространственно-временные характеристики и объектную наполненность, что находит выражение в моделях динамических нестабильных социальных онтологий.

Проведенное исследование относится к широкому кругу работ и продолжающимся дискуссиям о природе феномена медиа, о соотношения медиа и коммуникации, а также о влиянии медиа на социально-политические явления и процессы.

В этой группе работ, с одной стороны, могут быть учтены обобщающие публикации, в которых предлагаются и сравниваются различные варианты онтологической интерпретации феноменов медиа [8,11,28].

С другой стороны, тема активно обсуждается в контексте взаимодействия классического, линейно ориентированного и инструментально выраженного, механистического подхода к коммуникации и коммуникативным технологиям [29 с. 12–13; 10 с. 56–59] и подхода, в котором обосновывается экстрасоциальная, конститутивная природа феноменов медиа и коммуникации [30 с. 4–9]. К тому же предусматривается определенная перспектива этого методологического диалога. «Конститутивный подход нацелен как раз на то, чтобы преодолеть механистический взгляд на коммуникацию и показать, что коммуникация не столько вещь, сколько (пред)вестие и что ее сущность постоянно ускользает...» [10 с. 58].

Обоснование значимости конститутивной роли медиа в становлении и обновлении феномена политического связано с дискуссиями о природе политического и политического проектирования [31 с. 18–27]. Внимание исследователей привлекают публикации о новейших трактовках моделей социальных онтологий, где подчеркивается их динамическая, гетерогенная природа. Таким образом, создается перспектива для изучения феноменов медиа и политического с учетом значимости конститутивного подхода к этим явлениям.

Литература

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
2. Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
3. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2004. С. 193–236.

4. *Йоас Х.* Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
5. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 175 с.
6. *Луман Н.* Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
7. *Дебре Р.* Введение в медиологию. М.: Праксис, 2009. 368 с.
8. *Кириллова Н.Б.* Медиалогия как синтез наук. М.: Академ. проект, 2013. 366 с.
9. *Клягин С.В.* Человек как медиа в динамике политического пространства // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 6 (149). С. 13–25.
10. *Клюканов И.* Коммуникативный универсум. М.: РОССПЭН, 2010. 256 с.
11. *Клюканов И.* Сообщение и забытие. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 286 с.
12. *Страус А., Корбир Дж.* Основы качественного исследования. М.: УРСС, 2001. 256 с.
13. *Маклюен М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 464 с.
14. *McLuhan M.* Understanding Media. N. Y.: McGraw-Hill, 1964. 359 p.
15. *McLuhan M., Fiore Q.* The Medium is the Massage. Harmondsworth: Penguin, Penguin Books, 1967. 406 p.
16. *Чубаров И.* Медиа, медианаука и философия медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 2 (104). С. 92–105.
17. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com (дата обращения 16.11.2018).
18. The American heritage dictionary of the English language / Ed. by W. Morris. Boston: Houghton Mifflin Harcourt; New college edition, 1986. 1550 p.
19. *Fuller M.* Media Ecologies. Materialist Energies in Art and Technologies. L.: MIT Press, 2007. 265 p.
20. *Kittler F.* Discourse Networks, 1800/1900. Stanford University Press, 1990. 459 p.
21. Sensorium Journal. Vol. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://liu.se/sensorium/a-medium-is-a-medium-is-a-medium-2/> (дата обращения 16.11.2018).
22. Эмманюэль Левинас: Путь к другому / Ред. Н.В. Голик, И.Н. Зайцев, О.К. Кошмило и др. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 236 с.
23. *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
24. *Жеребкин С.* Нестабильные онтологии в современной философии. СПб.: Алетейя, 2013. 349 с.
25. *Жижек С.* Устройства разрыва: Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
26. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
27. *Харман Г.* Имматериализм: Объекты и социальная теория. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 153 с.
28. Философия коммуникации: Теоретико-методологические аспекты / Под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 272 с.
29. *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации: Учеб. для академ. бакалавриата 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 262–273.
30. Современные коммуникативные науки: социальные практики как совместность слова / Отв. ред. А.П. Логунов. М.: УРСС, 2014. 197 с.
31. Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы XI Междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 28 окт. 2016 г. / Отв. ред. А.П. Логунов. М.: Мир философии, 2016. 477 с.

References

1. Giddens A. Runaway World. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 120 p. (In Russ.)
2. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 188 p. (In Russ.)
3. Apel K-O. Communicative community as a transcendental premise of social studies. V: Apel K-O. Transformation of the Philosophy. Moscow: Logos Publ.; 2004. p. 193-236. (In Russ.)
4. Joas H. Creativeness of Action. Sankt-Peterburg: Aleteia Publ.; 2005. 320 S. (In Russ.)
5. Habermas J. Democracy. Mind. Moral. Moscow: Nauka Publ.; 1992. 175 p. (In Russ.)
6. Luhnam N. Medium of the Communication. Moscow: Logos Publ.; 2005. 280 p. (In Russ.)
7. Debray R. Introduction into the mediology. Moscow: Praxis Publ.; 2009. 368 p. (In Russ.)
8. Kirillova N. Mediology as the Synthesis of Sciences. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2013. 366 p. (In Russ.)
9. Klyagin SV. A Man as the medium in the Political Space Dynamics. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations. International relations. Area Oriental Studies"*. 2015;6:13-25. (In Russ.)
10. Klyukanov I. The Communicative Universe. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. 256 p. (In Russ.)
11. Klyukanov I. Message and Forgetting. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2018. 286 p. (In Russ.)
12. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research. Moscow: URSS Publ.; 2001. 256 p. (In Russ.)
13. McLuhan M. Understanding media. External Human Extensions. Moscow: KANON-press-Ts Publ.; 2003. 464 p. (In Russ.)
14. McLuhan M. Understanding Media, New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.
15. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage. Harmondsworth: Penguin, Penguin Books, 1967. 406 p.
16. Chubarov I. Media. Media Science and Media Philosophy. *Logos*. 2015;2:92-105. (In Russ.)
17. Online Etymology Dictionary [Internet]. [data obrashcheniya 16 Nov. 2018]. URL: www.etymonline.com
18. Morris W., ed. The American heritage dictionary of the English language. Boston: Houghton Mifflin Harcourt; New college edition, 1986. 1550 p.
19. Fuller M. Media Ecologies. Materialist Energies in Art and Technologies. London. MIT Press, 2007. 265 p.
20. Kittler F. Discourse Networks, 1800/1900. Stanford University Press, 1990. 459 p.
21. Sensorium Journal. Vol. 1 [Internet]. [data obrashcheniya 16 Nov. 2018]. URL: <https://liu.se/sensorium/a-medium-is-a-medium-is-a-medium-2/>
22. Golik NV., Zaitsev IN., Koshmilo OK. ets., eds. Emmanuel' Levinas: The Way to the Other. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ.; 2006. 236 p. (In Russ.)
23. Ranciere J. At the boundary of the politic. Moscow: Praxis Publ.; 2006. 240 p. (In Russ.)
24. Zherebkin S. Unstable Ontologies in the Modern Philosophy. Sankt-Peterburg: Aleteia Publ.; 2013. 349 p. (In Russ.)

25. Zizek S. The instruments for social gaps. The Parallacs Vision. Moscow: Evropa Publ.; 2008. 516 p. (In Russ.)
26. Urry J. Sociology beyond societies. Mobility types for the 21st century Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ.; 2012. 336 p. (In Russ.)
27. Harman G. Immaterialism. Objects and Social Theory. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ.; 2018. 153 p. (In Russ.)
28. Klyagin SV., Shipunova OD, eds. Philosophy of Communication. Theoretical and Methodological Aspects. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta Publ.; 2017. 272 p. (In Russ.)
29. Gavra DP. Fundamentals of Communication Theory. A Textbook for Academic Baccalaureate. Moscow: Yurait Publ.; 2016. p. 262-73. (In Russ.)
30. Logunov AP., ed. The modern communication studies. Social practices as word consistency. Moscow: URSS Publ.; 2014. 197 p. (In Russ.)
31. Logunov AP., ed. Political Projecting in the Social Communication Space: Proceedings of the XI International Conference. Moscow, RGGU/RSUH, October 26, 2016. Moscow: Mir filosofii Publ.; 2016. 477 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей В. Клягин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49; sklyagin@gmail.com

Information about the author

Sergey V. Klyagin, Dr. in Philosophy, professor. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, bld.49, Leningradski av., Moscow, Russia, 125993; sklyagin@gmail.com

Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца?

Олег И. Зазнаев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, Oleg.Zaznaev@kpfu.ru*

Виктор В. Сидоров

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, Viktor.Sidorov@kpfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению политических последствий применения президентской формы правления на материалах ряда постсоветских государств.

Гипотеза известного политолога Хуана Линца о недостатках президентской системы правления находит свое подтверждение в постсоветской политике. Здесь государства с сильными президентами демонстрируют тенденции к установлению персоналистских режимов. Концентрация власти в руках президента приводит к ослаблению оппозиции. Электоральные процессы часто носят имитационный характер, а конкуренция в политике остается на крайне низком уровне.

Проведенный эмпирический анализ постсоветской политики показал, что политические кризисы в президентских режимах порой заканчиваются «цветными революциями», общество подвержено глубоким расколам, а режимы лишаются временной гибкости. Невозможность быстрой смены утратившего легитимность президента приводит к потере стабильности всей системы. Политическая стабильность при таких системах правления может быть обеспечена только за счет отказа от политической конкуренции. Находит свое подтверждение утверждение Линца о возможности конфликта между президентом и парламентом как следствие двойной демократической легитимности, а также о стремлении президента к неэффективным тратам. Эмпирический анализ политических процессов на постсоветском пространстве доказывает правоту гипотезы Линца.

Ключевые слова: форма правления, парламентаризм, президенциализм, президент, постсоветская политика, цветная революция

Для цитирования: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 24–35. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-24-35

Presidential systems in the post-Soviet space. Is Juan Linz's hypothesis correct?

Oleg I. Zaznaev

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Victor V. Sidorov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia Viktor.Sidorov@kpfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the political consequences of exercising the presidential form of government by the materials of a number of some post-Soviet States.

The hypothesis of the well-known political scientist Juan Linz about the shortcomings of the presidential system of government is confirmed in post-Soviet politics. Here, states with strong presidents demonstrate tendencies toward establishing personalist regimes. Concentration of power in the hands of the president tends to make the opposition weaker. Electoral processes are often imitative by nature, while competition in politics remains at an extremely low level.

An empirical analysis of post-Soviet politics demonstrated that political crises in presidential regimes sometimes lead to "color revolutions", society is subject to deep splits, and regimes are deprived of time flexibility. The fact that it is impossible to quickly replace the president who lost legitimacy leads to a loss of stability of the entire system. Political stability in such systems of government can only be achieved by rejecting political competition. Linz's assertion about the possibility of conflict between the president and parliament as a consequence of double democratic legitimacy, as well as the president's striving for inefficient spending, is confirmed. An empirical analysis of political processes in the post-Soviet space proves the validity of the Linz hypothesis.

Keywords: form of government, parliamentarism, presidentialism, president, post-Soviet politics, color revolution

For citation: Zaznaev OI., Sidorov VV. Presidential systems in the post-Soviet space. Is Juan Linz's hypothesis correct? *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:24-35. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-24-35

На протяжении последних 30 лет в западной политической науке идет дискуссия о преимуществах и недостатках разных форм правления. Ее начало было положено американским политологом Хуаном Линцем, который в 1989 г. выступил с докладом в Джорджтаунском университете на симпозиуме, посвященном сравнению президентской и парламентской форм правления. На основе этого доклада в «Журнале демократии» в 1990 г. была опубликована статья под характерным названием «Опасности президентализма» [1]. В статье Линц приводил веские аргументы

в пользу парламентской системы и, соответственно, против президентской системы. Идеи Линца вызвали горячую дискуссию в академической среде.

Каковы основные тезисы гипотезы Линца? Во-первых, парламентская система чаще приводит к установлению стабильной демократии, особенно в тех странах, где глубоки политические расхождения и существует множество политических партий; во-вторых, парламентская система выступает гарантом сохранения демократии [1 с. 52]. К «опасностям» президентской формы правления Линц относит следующие черты: отсутствие временной гибкости, мажоритарные тенденции, двойную демократическую легитимность президента и парламента, поощрение политических аутсайдеров, отсутствие арбитража, склонность к утверждению режима личной власти, нестабильность и неэффективность системы.

Один из способов проверить гипотезу Линца – обратиться к кейсам стран с президентской формой правления. Постсоветское пространство дает широкий эмпирический материал. Подавляющее большинство стран этого региона могут быть отнесены к президентским системам [2 с. 11] (кроме стран Прибалтики и Молдовы) или системам с сильными президентскими чертами (их в литературе называют «президентализированными») [2 с. 13].

Цель данной статьи – на основе конкретных кейсов постсоветских стран с президентской системой доказать, что доводы Линца против президентской системы находят свое подтверждение.

1. *Отсутствие временной гибкости.* По мнению Линца, серьезным недостатком президентской системы является отсутствие гибкости – потерявшего легитимность президента практически невозможно сместить со своего поста [1 с. 52]. В противоположность президентской системе парламентская система демонстрирует гибкость, столь важную в кризисных ситуациях. В парламентской системе роспуск парламента, досрочные выборы или внутрипартийная смена лидера являются эффективными инструментами, позволяющими не допустить перерастания кризиса легитимности в общенациональный политический кризис. Линц отмечает, что смещение премьера не означает кризиса всего режима. Премьер может повысить легитимность своего политического курса, инициируя процедуру голосования о вотуме доверия парламента правительству или через процедуру досрочных парламентских выборов. В президентских системах таких возможностей у главы государства нет.

Украинский политический кризис 2013–2014 гг. отлично иллюстрирует аргументацию Линца. Центральный вопрос, расколовший украинское общество, – вопрос о евроинтеграции. В ноябре

2013 г. президент В. Янукович принял решение приостановить процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, что вызвало недовольство среди части населения – сторонников евроинтеграции. Массовые протесты в центре Киева приняли насильственный характер, конфликт фактически перешел в вооруженное противостояние, а в оппозиции стали доминировать радикально настроенные политики [3]. Несмотря на то что в феврале 2014 г. В. Януковичу удалось подписать соглашение с оппозицией, где был закреплен пункт о проведении досрочных президентских выборов, угроза личной безопасности со стороны оппозиционных радикалов вынудила президента покинуть страну.

Украинский политический кризис фактически проходил по линии противостояния «президент–оппозиция». Способы его разрешения не имели институционального измерения в условиях, когда оппозиционные протесты проходили под руководством радикально настроенных политиков [4]. Непримириемые противоречия радикальной оппозиции с президентом, обладающим большим объемом полномочий, привели в итоге к тяжелейшему политическому кризису и фактическому развалу государства.

2. Мажоритарные тенденции. Линц отмечает, что президентская система функционирует в соответствии с принципом «победитель получает все». Избранный президент самостоятельно формирует правительство, которое он полностью контролирует в течение всего срока своих полномочий. Мажоритарный принцип делает политику игрой с нулевой суммой (*zero-sum*), а ведь подобные игры, отмечает Линц, чреваты конфликтом [1 с. 56]. Выборы по принципу «победитель получает все» слишком высоко поднимают ставки при выборе президента, что неизбежно ведет к обострению отношений в обществе и его дальнейшей поляризации, отмечает Линц.

Конституция Киргизии 1993 г. предусматривала создание системы с сильным президентом, контролирующим все ветви власти, и получающим мандат «из рук народа». В дальнейшем президент А. Акаев как «победитель, который получил все», предпринял шаги по усилению президентской власти: в конституцию были внесены существенные поправки, нацеленные на укрепление личной власти главы государства. Это привело к внутриэлитному и межрегиональному конфликту, возникшему на основе традиционного кланово-земляческого раскола между севером и югом, что вызвало отставку А. Акаева («революция тюльпанов» 2005 г.) и перераспределение полномочий между президентом и парламентом в сторону парламента [5]. Новый президент К. Бакиев продолжил политику «победитель получает все», пытаясь консолидировать личную власть президента, что вновь привело к насильственной смене по-

литической элиты в 2010 г. и к установлению формы правления с ослабленным президентом [6 с. 420–425].

Таким образом, мажоритарные тенденции президентского режима Киргизии проявились в стремлении президентов получить максимальную выгоду от доминирующего положения на политической сцене, что привело к поляризации общества, росту недовольства со стороны оппозиции и народа и в конечном итоге – к вынужденной отставке президентов. В обоих случаях реакцией общества на мажоритарные тенденции президентского режима стало значительное ослабление президентской власти и дрейф в сторону парламентской системы.

3. *Двойная демократическая легитимность президента и парламента.* Ситуация, когда и президент, и парламент избираются всенародно, может стать источником конфликта между законодательной и исполнительной властью [1 с. 53], утверждает Линц. В президентском режиме отсутствуют демократические принципы разрешения споров между ветвями власти в отношении того, какая же из них фактически является «выразительницей воли народа», «подлинным носителем демократической легитимности» [1 с. 64]. Особенно опасно, по мнению Линца, то, что президент может использовать чисто идеологические формулировки для дискредитации своих противников, а соперничество между институтами власти может приобрести характер взрывоопасного конфликта. Президентский режим оставляет меньше места для достижения консенсуса, молчаливо разделяемого всеми, изменения коалиций и заключения компромиссов, которые, какими бы дальновидными они ни представлялись, трудно оправдать в глазах общественности [1 с. 68].

В России двойная демократическая легитимность (и президент, и парламент избирались всенародно) стала одним из факторов напряженных отношений между президентом Б. Ельциным и парламентом в 1991–1993 гг., которые вылились в серьезный политический кризис, роспуск парламента и расстрел Белого дома. 17 марта 1991 г. состоялся всероссийский референдум о введении поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием. На референдуме «да» ответили 69,85% избирателей, принявших участие в голосовании, «нет» – 21,4%. Первые всеобщие выборы Президента России состоялись 12 июня 1991 г. На них победу одержал Б. Ельцин, который получил изначально более высокий уровень легитимности по сравнению с первым Президентом СССР, который был избран парламентом, а не народом. Съезд народных депутатов России как парламент страны избирался также всенародно. При этом он имел значительные полномочия и был высшим орга-

ном государственной власти России; парламент не мог быть распущен президентом. Тем самым возникла институциональная основа для конфликта между президентом и парламентом. Оба субъекта апеллировали к народу и ссылались на то, что именно они являются выразителем интересов народа, представителями народа и, следовательно, могут принимать любые решения [7].

Таким образом, двойная демократическая легитимность вкупе с иными факторами (стремление Ельцина неограниченно расширить свою власть, идеологическое противостояние, несговорчивость парламента и др.) в 1992–1993 гг. привела к масштабному политическому конфликту между президентом и парламентом, завершившемуся победой Ельцина и принятием пропрезидентской конституции 1993 г. Институциональный порок президентализма вылился в серьезный политический кризис и в конечном итоге – в создание системы со сверхсильным президентом.

4. *Поощрение политических аутсайдеров.* Линц пишет, что в президентской системе отсутствует механизм преемственности власти президента. Четко определенный срок президентских полномочий приводит к тому, что политический процесс автоматически распадается на жестко разграниченные периоды, что практически не оставляет возможности для проведения «преемственной политики тактических корректировок» [1 с. 54]. Законодательные механизмы этой системы могут в случае досрочного прерывания президентских полномочий вынести наверх человека, который при обычной избирательной процедуре никогда бы не стал главой государства, т. е. власть сваливается в руки политических аутсайдеров.

На постсоветском пространстве случаи вхождения в элиту аутсайдеров встречаются редко: стать президентами, не имея политического опыта и необходимых элитных связей, смогли лишь А. Эльчибей в Азербайджане в 1992 г. и А. Лукашенко в Белоруссии в 1994 г. [8 с. 391].

В конце 1980-х годов в Азербайджане возникло национально-демократическое движение, одной из организаций которого стал Народный фронт. В 1989 г. председателем Народного фронта был избран диссидент и филолог А. Алиев (позже он взял себе имя Эльчибей). Спустя три года Эльчибей был избран президентом Азербайджана. На выборах за него проголосовало 59,4% избирателей. Победе Эльчибея предшествовала общественное недовольство политикой прежнего президента А. Муталибова, который под давлением оппозиции сначала ушел в отставку, затем пытался вернуться к власти, но в конечном итоге под натиском Народного фронта и его сторонников бежал из страны. На посту президента Эльчибей продержался недолго – всего 15 месяцев, не сумев справиться с тя-

желым экономическим кризисом, политическими распрями и обострившейся ситуацией в Нагорном Карабахе. Парламент принял решение об отстранении Эльчибея от власти и наделил Г. Алиева полномочиями «осуществляющего обязанности президента». Затем был проведен референдум о доверии президенту страны, на котором за отставку Эльчибея высказалось 97,5% избирателей [9 с. 50–61]. Итак, политик, за которого на волне популярности проголосовали трое из пяти избирателей, спустя год с небольшим вызывает полное неприятие народа. Одной из причин этого стало отсутствие опыта ведения государственных дел: Эльчибей не занимал никаких должностей ни в коммунистической партии, ни в органах государственной власти, всю жизнь оставаясь диссидентом и оппозиционером, слабо подготовленным к политической деятельности.

Внеэлитный переворот 1992 г. в Азербайджане, связанный с приходом к власти оппозиционера Эльчибея, ярко демонстрирует, что избрание народом политического аутсайдера в условиях президентской республики ведет к обострению существующих в стране проблем.

5. *Отсутствие арбитража.* С одной стороны, президент в президентской системе – глава государства и представитель всего народа, а с другой – он выражает вполне определенный политический курс. Линц приходит к выводу, что такой двойственный характер должности президента отражается на стиле его политики: «Наиболее тревожным следствием взаимодействия между президентом и его избирателями является возникновение ложных представлений и подмена “народа” в целом группой своих сторонников. При этом есть опасность, что он будет рассматривать свою политику как отражение народной воли, а политику своих оппонентов – как злые козни, направленные на защиту узких интересов» [1 с. 61]. Таким образом, президент в силу своего двойственного положения не может выступать в роли нейтрального арбитра в политических спорах.

В Таджикистане пост президента (Президент Таджикиской ССР) с широкими полномочиями был учрежден в 1990 г. За два года, с ноября 1990 г. по ноябрь 1992 г., в стране сменились 6 президентов (К. Махкамов, К. Аслонов, Р. Набиев, А. Искандаров, Р. Набиев, А. Искандаров). Борьба за пост президента превратилась в борьбу между разными этнорегиональными кланами. Институт президента в этой ситуации стал не способом решения общественных проблем (как в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане) и не способом борьбы представителей национального движения с альтернативным центром власти в виде ЦК Компартии (как в Кыргы-

стане), а средством реализации интересов разных кланов и устранения политических противников [8 с. 143]. При этом президент находился под значительным давлением оппозиции, зачастую принимая несамостоятельные решения. Это привело к кризису института президента и его ликвидации в 1992 г. в условиях начавшейся гражданской войны (институт президента был восстановлен в 1994 г. после стабилизации ситуации в Таджикистане).

Таким образом, в условиях расколотого таджикского общества двойственная роль президента (с одной стороны, лидера нации, воплощающего всеобщие интересы, и с другой – главы исполнительной власти и лидера определенной группы, реализующего некий политический курс) привела к тому, что президент не смог реализовывать интересы всего общества, не смог подняться над интересами кланов и политических группировок. Это означало, что Президент Таджикистана не был арбитром в политических спорах между соперниками, принимая то одну, то другую сторону. Это стало одной из причин многочисленных конфликтов, перешедших в гражданскую войну. Пост президента, который обычно рассматривается в качестве одного из способов разрешения противоречий и публичного арбитра, был упразднен. Тем самым Таджикистан начал 1990-х годов доказал тезис Линца об отсутствии арбитража в президентской системе.

6. *Склонность к утверждению режима личной власти.* По мнению Линца, институциональные особенности президентской системы ведут к формированию персоналистского режима вне зависимости от социально-экономических и культурных факторов [1 с. 55]. Это выражается в отказе президента признавать границы и ограничения своей власти, что ведет к полному неуважению и игнорированию мнения оппозиции [1 с. 61]. Ограничение власти проявляется, в частности, в виде конституционных положений об ограничении сроков президентских полномочий. В мировой практике наиболее распространенным является ограничение, когда одно лицо не может занимать должность президента более двух сроков. Однако на постсоветском пространстве мы наблюдаем ситуацию, когда президенты находятся у власти гораздо больше времени, чем два срока. Так, первый Президент Казахстана Н. Назарбаев находится у власти с 1991 г. по настоящее время. Пункт 5 статьи 42 Конституции Казахстана определяет условие, что один человек не может быть избран президентом более двух раз подряд, делая при этом исключение для первого президента. Иными словами, ограничения по срокам распространяется на всех президентов в будущем, но не применительно персонально к Назарбаеву – он может быть избран президентом неограниченное количество раз

подряд. Данное положение было внесено в Конституцию Казахстана в 2007 г. Наибольшая персонализация политики произошла в Туркменистане, где президент С. Ниязов фактически ликвидировал институт выборов президента, ввел в оборот титул Туркменбаши – Отца всех туркмен – и установил жесткий режим единоличного правления с элементами культа личности.

Президенты на постсоветском пространстве подавляют оппозицию, оставляя лишь небольшое пространство для политической конкуренции. Существование системных оппозиционных лидеров и партий, парламента, института выборов объясняется необходимостью поддерживать легитимность режима на необходимом уровне. Многие политологи говорят в таких случаях об имитации конкуренции: оппозиция не имеет реальных шансов получить власть [10].

7. Нестабильность системы. Механизмы смены лидеров и передачи власти стоят в самом центре политики в любом государстве. Линц утверждает, что президентская система отнюдь не лишена недостатков в виде склонности к нестабильности. Он пишет, что «вопрос о смене президента, потерявшего доверие своей партии или народа, чрезвычайно сложен. Даже когда поляризация сил приводит к актам насилия и противозаконным действиям, упрямый носитель власти может делать вид, что ничего не случилось». Именно в момент наивысшей поляризации политических сил проявляется слабость президентской системы. Мы уже отмечали, что невозможность быстрой смены президента ведет к серьезным политическим кризисам. Но постсоветском пространстве данная институциональная особенность президентских систем вела к острым политическим кризисам в виде «цветных» революций. Наиболее серьезные политические кризисы произошли в 2003 г. в Грузии, в 2004 г. и 2013–2014 гг. в Украине, в 2005 г. в Киргизии [11]. Безусловно, факторы, приведшие к подобным кризисам, многочисленны, однако глубина кризиса во многом связана с формой правления. Высокие ставки в «игре» за пост президента, отсутствие гибкости системы, конфронтация президента и оппозиционной коалиции – эти особенности президентской системы создают дополнительные условия, благоприятствующие политической нестабильности.

8. Неэффективность системы. Говоря о неэффективности президентской системы Линц пишет, что «президент склонен к неразумной трате денежных средств и рискованным действиям, вызывающим поляризацию сил в стране». Хорошей иллюстрацией данного тезиса на постсоветском пространстве является проведение крупных спортивных соревнований в России или перенос столицы Казахстана в Астану. Основная критика проведения крупных спортивных соревнований, таких как Олимпийские игры в Сочи 2014 г.

или Чемпионат мира по футболу 2018 г., заключается в том, что часто расходы на данные мегасобытия сильно превосходят первоначально запланированные. Многие объекты, построенные для мегасобытий, затем используются лишь частично, имеют небольшую загрузку и дороги в эксплуатации [12]. Однако с точки зрения политики данные события имеют большое значение. Они поднимают имидж президента и престиж страны, способствуют формированию и укреплению общенациональной идентичности [13]. Таким образом, политические амбиции часто ставятся выше экономического расчета. Безусловно, такая логика присуща не только президентским системам. Государство в первую очередь должно иметь средства для проведения мегасобытий. Президентские системы являются лишь благоприятной средой для их проведения, поскольку дискуссия в обществе по поводу целесообразности и эффективности мегасобытий практически не ведется, а решение отдается на откуп президенту и правительству.

Итак, постсоветская практика демонстрирует, что гипотеза Линца о пороках президентской системы находит свое эмпирическое подтверждение. Президентская система на постсоветском пространстве демонстрирует крайнюю степень персонализации режимов. Следствием концентрации власти в руках президентов и подавления оппозиции стали многочисленные внутренние конфликты: цветные революции, конфликты между президентом и парламентом, расколы внутри общества. Аргументация Линца, основанная на материале Латинской Америки, оказалась подходящей для процессов на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Linz J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. № 1. P. 51–69.
2. *Зазнаев О.И.* Организация государственной власти в Республике Татарстан: проблемы и противоречия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 2. С. 7–27.
3. *Khmelko I., Pereguda Y.* An Anatomy of Mass Protests: The Orange Revolution and Euromaidan Compared // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. № 2. P. 227–236.
4. *Aliyev H.* End to informality? Examining the impact of institutional reforms on informal institutions in post-Euromaidan Ukraine // Debatte. 2016. Vol. 24. № 3. P. 207–221.
5. *Beissinger M.* Structure and example in modular political phenomena: The diffusion of bulldozer/rose/orange/tulip revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. № 2. P. 259–276.

6. *Борисов Н.А.* Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. М.: РГГУ, 2018. 537 с.
7. *Brown A.* The October crisis of 1993: Context and implications // *Post-Soviet Affairs*. 1993. Vol. 9. № 3. P. 183–195.
8. *Борисов Н.А.* Институт президентства на постсоветском пространстве: генезис и трансформация моделей [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 593 с. URL: https://kpfu.ru/dis_card?p_id=2627 (дата обращения 18.11.2018).
9. *Bolukbasi S.* Azerbaijan: A Political History. N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 2013. 312 p.
10. *March L.* Managing opposition in a hybrid regime: Just Russia and parastatal opposition // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 3. P. 504–547.
11. *Coloured Revolutions and Authoritarian Reactions* / Ed. by E. Finkel, Y. Brudny. N.Y.: Routledge, 2014. 152 p.
12. *Müller M.* After Sochi 2014: Costs and impacts of Russia's Olympic Games Eurasian // *Geography and Economics*. 2015. Vol. 55. № 6. P. 628–655.
13. *Gorokhov V.* Forward Russia! Sports mega-events as a venue for building national identity // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. № 2. P. 267–282.

References

1. Linz J. The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*. 1990;1:51-69.
2. Zaznaev OI. The organization of state power in the Republic of Tatarstan: problems and contradictions. *Political expertise: POLITEX*. 2010;2:7-27. (In Russ.)
3. Khmelko I., Pereguda Y. Anatomy of Mass Protests: The Orange Revolution and Euromaidan Compared. *Communist and Post-Communist Studies*. 2014;2:227-236.
4. Aliyev H. End to informality? Examining the impact of the institutional reforms in post-Euromaidan Ukraine. *Debatte*. 2016;3:207-21.
5. Beissinger M. Structured in the modular political phenomena: The diffusion of the bulldozer / rose / orange / tulip revolutions. *Perspectives on Politics*. 2007;2:259-76.
6. Borisov NA. Presidency in the post-Soviet space. The processes of genesis and transformations. Moscow: RGGU Publ.; 2018. 537 p. (In Russ.)
7. Brown A. The October crisis of 1993: Context and implications. *Post-Soviet Affairs*. 1993;3:183-95.
8. Borisov NA. The institution of presidency in the post-Soviet space: the genesis and transformation of models [dis. ... d-ra polit. nauk]. Moscow, 2018. 593 p. [data obrashcheniya 8 Nov. 2018]. URL: https://kpfu.ru/dis_card?p_id=2627 (In Russ.)
9. Bolukbasi S. Azerbaijan: A Political History. N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 2013. 312 p.
10. March L. Managing opposition in a hybrid regime. Just for Russia and the parastatal opposition. *Slavic Review*. 2009;3:504-27.
11. Finkel E., Brudny Y., eds. *Colored Revolutions and Authoritarian Reactions*. N.Y.: Routledge, 2014. 152 p.
12. Müller M. After Sochi 2014: Costs and Effects of Russian's Olympic Games Eurasian. *Geography and Economics*. 2015;6:628-55.
13. Gorokhov V. Forward Russia! Sports mega-events for national identity. *Nationalities Papers*. 2015;2:267-82.

Информация об авторах

Олег И. Зазнаев, доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Россия, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Виктор В. Сидоров, кандидат политических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Россия, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Viktor.Sidorov@kpfu.ru

Information about the authors

Oleg I. Zaznaev, LL.D., professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlyovskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russia; Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Victor V. Sidorov, Ph.D. in Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlyovskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russia; Viktor.Sidorov@kpfu.ru

История становления туристического проекта в Грузии: анализ политических и исторических оснований

Гоча М. Нарсия

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, xmaci@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка комплексного рассмотрения истории становления индустрии туризма и гостеприимства в Республике Грузия после 1995 г.

После распада СССР Республика Грузия начала развивать новые направления в экономике, в результате чего быстро вышла на первый план индустрия туризма и гостеприимства. Максимизация природных ресурсов Грузии позволила этой индустрии быстро развиваться в условиях постсоветской жизни республики, подстраивая новую инфраструктуру, как региональную, так и общегосударственную, под нужды нового направления развития экономики.

Уже ко второй половине 1990-х гг. туризм был определен грузинскими властями как ведущая индустрия, что повлекло полный пересмотр последовавших реформ в сферах медицинского обслуживания, дорожно-транспортного строительства и т. д. Более того, уже к началу президентского срока Михаила Саакашвили, после повышения и установления стабильного потока туристов из России и постсоветских государств, Грузия стала рассматривать туризм как способ улучшения имиджа страны и продвижения политических целей правительства страны.

В данной статье будут рассмотрены ключевые законы, позволившие Грузии выстроить доверительные отношения с европейскими и постсоветскими государствами, и контекст принятия этих законов. Автор статьи сосредотачивается на недостатках каждого из этих законов и причинах их последующих коррекций.

Ключевые слова: Грузия, туризм, гостеприимство, индустрия туризма, инфраструктура

Для цитирования: Нарсия Г.М. История становления туристического проекта в Грузии: анализ политических и исторических оснований // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 36–43. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-36-43

History of formation of the tourism project in Georgia. Analysis of political and historical basis

Gocha M. Narsia

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; xmaci@mail.ru

Abstract. The article attempts to comprehensively review of the development of the tourism and hospitality industry in the Republic of Georgia after 1995.

After the collapse of the USSR, the Republic of Georgia began to develop new directions in the economy, so that the tourism and hospitality industry quickly came to the fore. Maximizing the natural resources of Georgia allowed that industry to progress rapidly under conditions of the republic post-Soviet life, adjusting the new infrastructure, both regional and national, to the needs of the economy development in new direction.

Already by the second half of the 1990s. tourism was defined by the Georgian authorities as a leading industry, what resulted in a complete revision of the subsequent reforms in the areas of medical care, road construction, etc. Moreover, by the beginning of Mikhail Saakashvili presidential term, after the increase in volume and establishing a stable flow of tourists from Russia and post-Soviet states, Georgia began to consider tourism as a way to improve the country's image and promote the political goals of the government.

This article will examine the key laws that allowed Georgia to build trusting relationships with European and post-Soviet states, and the context for the adoption of these laws. This article will also focus on the shortcomings of each of these laws and the reasons for their subsequent corrections.

Keywords: Georgia, tourism, hospitality, tourism industry, infrastructure

For citation: Narsia GM. History of formation of the tourism project in Georgia. Analysis of political and historical basis. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:36-43. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-36-43

Введение

По официальным данным статистических исследований, в последние годы Грузия принимает туристические потоки равные и даже превосходящие общую численность населения республики¹. Естественно, что для страны, не обладающей мощными энергетическими или природными ресурсами, сфера туризма становится важнейшей для решения целого комплекса задач.

¹ См.: Деменкова М. FAQ Отдых в Грузии самостоятельно – цены, маршруты [Электронный ресурс]. URL: <http://bptrip.ru/posts/kak-poehat-na-otdyh-v-gruziyu-samostoyatelno-tseny-marshrut-faq/> (дата обращения 19.11.2018).

Первое место занимает комплекс экономических задач. В среднем турист, приезжающий в Грузию, тратит за время своего пребывания в республике от 700 до 2200 долларов². Этот факт делает туризм не только одной из важнейших сфер для инвестиций в грузинскую экономику; туризм также способствует созданию новых рабочих мест (в настоящее время в туристическом бизнесе и в сфере обслуживания заняты 489 000 человек)³. Одновременно с развитием туризма меняется вся инфраструктура экономики Грузии. Эти перемены имеют как региональный, так и общегосударственный характер. Такие регионы, как Самегрело-Земо Сванетия, Аджария, Кахетия, существенным образом изменили свою традиционную инфраструктуру. На общегосударственном уровне изменения заметны по развитию дорожно-транспортного обслуживания, придорожного строительства, по повышению уровня медицинского обслуживания и т. д.

Во-вторых, феномен грузинского туризма имеет явно выраженный политический контекст. Например, когда правительство М. Саакашвили отменило визовый режим для граждан России, поток туристов из России вырос в несколько раз. Сочетание усиления мер для обеспечения безопасности туристов, предпринимаемых правительством Грузии, и резкое увеличение доли российских туристов в грузинской туристической сфере привело к росту доверия к Грузии как к безопасной и дружелюбной для россиян стране.

Третьим комплексом становится улучшение имиджа страны за счет туристического бизнеса. Страна демонстрирует свою открытость, продвигает собственные национально-культурные ценности, формирует позитивное отношение к своим этнокультурным традициям. То, что Евросоюз предоставил безвизовый режим для граждан Грузии, во многом определялось не только европейской политической целесообразностью, но и мощным фактором доверия, который возник благодаря усилиям государства по внедрению современных коммуникативных основ.

Конечно, многое, что сделано в сфере туризма, непосредственно связано с правительством М. Саакашвили. Однако мне бы хотелось обратить внимание на два документа принципиальной важности – законы Грузии о туризме 1995 и 1997 гг., принятые еще во время руководства Э. Шеварднадзе.

² По уровню занятости населения в туристической сфере Грузия занимает 78-е место в мире // Business. Грузия [Электронный ресурс]. 2018. 17 апр. URL: <http://bizzone.info/tourism/2018/1523994047.php> (дата обращения 19.11.2018).

³ Закон Республики Грузии о туризме от 6 марта 1997 г. № 599-II с. Статья 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/31303251-Zakon-gruzii-o-turizme-i-kurortah.html> (дата обращения 19.11.2018).

*Принятие закона о туризме 1995 г.
и контекст строительства новой индустрии*

Чтобы оценить содержание и значимость данных законов необходимо вспомнить несколько существенных моментов, определявших жизнь и развитие Грузии в данный период:

- глубокий экономический кризис, вызванный разрывами традиционных связей с советским пространством; выход из коммунизма для Грузии обернулся значительными экономическими, политическими и социальными потерями;
- Грузия пережила несколько внутренних войн с Абхазией, Южной Осетией, а также серию не прекращающихся конфликтов в Аджарии и гражданскую войну; все это поставило отдельные регионы Грузии (Сванетию, Самегрело, Имеретию, Кахетию) в крайне трудное положение;
- постоянные конфликты с Россией приводили к тому, что Грузия часто оказывалась отрезанной от основных источников энергии;
- внешнеполитический климат также не всегда благоприятствовал успехам развития Грузии. Ведущие западные державы оказывались перед необходимостью делать выбор между Россией и Грузией в их конфликтных отношениях, и не всегда этот выбор был в пользу Грузии. Уровень коррупции, преступности, нищеты в республике не просто вызывал настороженность, а заставлял думать о неспособности политического руководства Грузии вывести страну из кризиса.

В этой ситуации 1995 г. президент Э. Шеварднадзе подписывает знаковый закон о развитии туризма в Грузии.

Закон «О развитии туризма и курортов Грузии» состоит из 9 глав и 18 статей, создавших основу для формирования одного из стратегических векторов развития республики. Чтобы уйти от простого комментирования статей закона, следует сосредоточиться на содержащихся в законе смысловых блоках. Тем не менее хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний. Одним из наиболее устойчивых мифов советского времени был миф об особом гостеприимстве, роли и значении гостя в грузинской этнокультурной традиции. При этом как бы не замечалось, что приезжающих в Грузию могут плохо обслуживать, обсчитывать в магазинах и транспорте, не принимать действенных мер по поводу жалоб и предложений. Теперь же речь шла о совершенно ином – «традиционное» гостеприимство должно было превратить переживающую кризис республику в привлекательный центр для туризма.

В законе 1995 г. закладывались основы для развития международного туризма. Отчасти это было обусловлено тем, что само население Грузии не обладало достаточными материальными ресурсами для поддержания внутренних туристических проектов. В этой связи мне представляется чрезвычайно важным обратить внимание на несколько важнейших пунктов данного закона.

Уже при формировании основных задач развития туристической отрасли в законе Э. Шеварднадзе выделилось характерное сочетание нескольких навсегда согласованных установок. Внимание привлекает наличие в перечне задач таких пунктов, как «*улучшение здоровья населения*», «*поощрение населения, участвующего в туристической деятельности*», «*развитие туризма, связанного с сельским хозяйством*», «*решение экологических проблем*», «*защита национально-культурных традиций*» и т. д.⁴

Наряду с этим в перечне задач присутствуют и другие не менее значимые и актуальные: *развитие патриотизма и гуманизма, распространение информации о политической, социальной и культурной жизни страны, стимулирование регионального участия в туристической деятельности.*

Наконец, очень важными являются еще две установки. Первая – создание рабочих мест для трудоустройства граждан Грузии, вторая – наиболее интересная и противоречивая. Закон ориентируется на «*подъем уровня жизни граждан Грузии*», и это, конечно, можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, здесь можно видеть стремление правительства с помощью развития туристического бизнеса добиться повышения уровня жизни собственного населения. С другой стороны – и именно эта интерпретация представляется мне наиболее значимой, – без повышения уровня жизни населения невозможно сделать страну привлекательной для инвестиций в туристическую сферу. Достаточно вспомнить примеры стран Восточной Европы и бывшего СНГ, где туризм стал превращаться в своеобразные формы сексуального бизнеса, направленного на удовлетворение низменных потребностей граждан развитых стран. Это коснулось и Украины, и Чехии, и Румынии. Именно поэтому, мне кажется, в законе Э. Шеварднадзе вводятся три существенных ограничения:

- 1) защита собственных культурных традиций;
- 2) сохранение природо-социальной среды;

⁴ საქართველოს რესპუბლიკის კანონი ტურიზმის შესახებ N 746-11ს [Закон Республики Грузии о туризме от 1 июня 1995 г. № 746-11 с.] [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/33370?publication=9> (дата обращения 19.11.2018).

3) пресечение негативных последствий и тенденций туристической деятельности.

Данный закон интересен прежде всего тем, что он выстраивается на проектных основаниях, совокупность которых как раз и создает синергетический потенциал общего проекта.

Можно выделить несколько крупных проектов, заложенных в основании определения туристической деятельности:

1. Правовое регулирование туристической деятельности. Естественно, закон о туризме должен корректно вписываться в систему публично-правовых и конституционно-правовых законов Грузии.

2. Разработчики проекта учитывали то, что Грузия обладает особыми климатологическими условиями: горы, субтропический климат, морские побережья.

3. В законе это определяется как совокупность естественных и искусственно созданных объектов. Размышляя об этом, важно увидеть естественное своеобразие Грузии. В Сванетии, например, можно пользоваться преимуществами этнонационального своеобразия: сванскими башнями, фольклором, кухней, горными курортами. Другим вариантом может быть ситуация с Аджарией – с одной стороны, здесь можно использовать естественно-природные условия (теплое море, мягкий климат), но одновременно именно здесь началась апробация строительства искусственных объектов (перестройка набережных, гостиниц, центра города). Разумеется, многие из этих конкретных проектов были реализованы во время нахождения у власти М. Саакашвили, но вектор развития был уже задан.

4. Эффективные зрелищные представления. У многих посещающих Грузию уже сложились свои стереотипные представления о Грузии и ее населении. Поэтому закон ориентируется на использование этих стереотипов в развитии культурных и развлекательных программ (свадьбы, грузинское застолье, сбор винограда и т. д.)

Как и любой другой, этот закон сопровождается конкретными поручениями парламенту Грузии и правительству Грузии. Из всего перечня поручения я обращаю внимание на несколько наиболее значимых.

1. В ст. 2 на первый план выдвигается задача удовлетворения туристических потребностей (*turistuli motkxovnilebebis dakmakopileba*). Подобный подход достаточно уникален и значим, а также требует введения целого ряда юридических концептов. Начался процесс согласования между общегосударственным законодательством и законодательными нормами отдельных регионов Грузии. Здесь важно отметить несколько существенных особенностей грузинского права. В соответствии с Конституцией Грузии выделены:

город государственного значения (Тбилиси); две автономные республики (Аджария и Абхазия); 59 муниципалитетов и 11 городов краевого (республиканского подчинения)⁵. При этом туристическая деятельность регулируется общегосударственными законами, согласно которым местные органы самоуправления являются проводниками общегосударственной линии. Одновременно с этим на уровне общегосударственных задач выдвигается необходимость распространения позитивной информации об истории и современном состоянии Грузии. Грузия должна стать привлекательной как исторический и современный проект. Немаловажным в этой статье является акцент на том, что привлекательной может быть только страна, в которой достаточно высокий уровень жизни населения. Поэтому, как ни странно это может звучать в законе о туризме, именно здесь формируется задача повышения уровня жизни граждан.

Даже в этом первом законе для руководства Грузии становится очевидным, что превратить страну в привлекательную для туризма невозможно, если не вовлечь в этот проект большинство населения страны.

Общие фразы о традиционном грузинском гостеприимстве, особой любви Грузин к гостям могут не работать, если они не подкреплены системой эффективного, качественного обслуживания. И именно этому в большей степени посвящен закон 1997 г.

Закон о туризме 1997 г. и форсированная эволюция индустрии туризма в Грузии

В 1997 г. Президент Грузии Э. Шеварднадзе подписал закон, в котором некоторые акценты существенно изменяются. Эти изменения касаются нескольких очень важных параметров.

Во-первых, в нем обращается внимание на понятие «турист», и это не просто новый акцент: за туристом закрепляются определенные права и обязанности. Его права определяются тем, что Грузия признает его как физическое лицо, наделенное всеми необходимыми правами. Одновременно турист несет обязательства в период пребывания в Грузии: не может нарушать законодательство Грузии, должен признавать ее исторические особенности и культурные приоритеты. В обмен Грузия должна обеспечивать ему безо-

⁵ Конституция Грузии (с изменениями) от 23.03.2018 № 2071 // Законодательный вестник Грузии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=33> (дата обращения 19.11.2018).

пасность, комфортное пребывание, и здесь впервые очень детально описываются варианты предлагаемого туризма.

Наверное, самая сложная проблема касалась качественного обслуживания туристских потребностей. Именно поэтому в законе 1997 г. чрезвычайно много внимания уделялось подготовке кадров для обеспечения туристических услуг⁶.

Подробно анализируются возможности Грузии как туристического объекта: Грузия способна предложить спортивный, лечебный, развлекательный, этнический туризм.

Грузия может предложить гарантированную систему безопасности и удовлетворение разноуровневых запросов. Она может предложить «дешевый туризм» для студентов, «экстремальный туризм» для любителей экстрима, «бизнес-туры» для состоятельных туристов.

Заключение

Выбор грузинской политической элиты туристического бизнеса в качестве перспективного развития оказался весьма продуктивным. Грузия, которая не имела мощного энергетического, экономического потенциала, смогла реализовать себя в качестве привлекательного туристического проекта, используя свои природные ресурсы. Важно подчеркнуть, что выстраивание грузинского туристического проекта оказалось очень эффективным, потому что политическая элита смогла соединить в этом проекте и природно-ресурсные возможности, и экономический потенциал республики, и основы мобилизации социального потенциала.

Информация об авторе

Gocha M. Narsia, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; xmaci@mail.ru

Information about the author

Gocha M. Narsia, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; xmaci@mail.ru

⁶ International Visitor Arrivals to Georgia: March, 2018 // Georgian National Tourism Administration [Электронный ресурс]. URL: <https://gnta.ge/international-visitor-arrivals-to-georgia-march-2018/> (дата обращения 19.11.2018).

Гендерные исследования и категория гендера: вопросы актуализации в системе обыденного знания

Ольга Г. Давыдова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Davydova.OG@rosuchebnik.ru*

Аннотация. В статье автор рассматривает ситуацию в современной отечественной гуманитаристике, а именно – в гендерных исследованиях, через отношения научного и общественного дискурсов. Основное внимание автор уделяет политике и политическому дискурсу как оказавшим наибольшее влияние на развитие женской и гендерной истории в Россию в силу большой изначальной политизированности обоих направлений историографии.

Автором предпринимается попытка изучения процесса становления гендерологии на отечественном поле через ее корреляцию с политическими изменениями, связанными с либерализацией курса во второй половине 1990-х годов. Автор также обращает внимание и на влияние, оказанное как на академическое сообщество, так и на обывателей СССР в отношении женского вопроса.

Настоящая статья прежде всего посвящена вопросу восприятия гендерной теории как идеологии и поиску путей выхода из этой ситуации с помощью анализа научного и вненаучного дискурсов.

Ключевые слова: гендер, гендерология, постмодернистский дискурс, женский вопрос, гендерный поворот

Для цитирования: Давыдова О.Г. Гендерные исследования и категория гендера: вопросы актуализации в системе обыденного знания // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 44–53. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-44-53

Gender studies and the category of gender. Issues of actualization in the system of ordinary knowledge

Olga G. Davydova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Davydova.
OG@rosuchebnik.ru*

Abstract. The author considers a situation in the modern Russian humanities, that is in gender studies through the relationship of scientific and public discourses. The author focuses on politics and political discourse as exerting great influence on the development of women's and gender history in Russia due to a substantial initial politicization of both areas of historiography.

The author makes an attempt to study the process developing the native gender studies by establishing its link with political changes of liberalization in the second half of the 90s. She also focuses on the influence exerted on both – the academic community and the inhabitants of the Soviet Union in relation to women's issues.

The article highlights first of all the perception of gender theory as an ideology. It attempts to search the way out of this situation by means of analyzing scientific and non-scientific discourses.

Keywords: gender, gender studies, postmodern discourse, women's issue, gender turn

For citation: Davydova OG. Gender studies and the category of gender. Issues of actualization in the system of ordinary knowledge. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:44-53. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-44-53

Введение

В социально-философской мысли все больше укрепляется стремление к признанию за обоими полами равного статуса в социальном измерении. Сохраняющееся же в обществе неравенство полов показывает, что проблема в рамках стандартного «женского вопроса» и феминизма не решается, если не усугубляется. Понятие «гендерное равенство» до сих пор приводит в замешательство большинство обывателей и, к сожалению, некую консервативную часть академического сообщества.

Многие положения как феминистской, так и гендерной теории в силу социокультурной иноконтекстуальности отечественного дискурса вызывают их некритическое применение, когда дискурсивный дефицит отечественной науки «компенсируется» теоретической «всеядностью».

Результаты анализа процессов восприятия и ассимиляции категории гендера в политике как основной отрасли системы обыденного знания могут стать дополнительными аргументами при изучении специфического научного дискурса гендерных исследований в России и пролить свет на их перспективы в рамках сложившегося подхода.

Ненаучное восприятие гендерного вопроса в современной отечественной гуманитаристике

Общественный интерес к проблеме гендерного равенства и равенства вообще, как философской категории, возрастает в эпоху революционных перемен, если можно сказать – в период бифуркаций. Распад СССР привел к смещению многих векто-

ров общественного, политического и экономического развития, хотя сама система находится во многом в инертном состоянии. Либеральные преобразования только обострили существующие общественные проблемы, в том числе гендерный вопрос. Существующая в российском социуме иерархизация, в первую очередь экономическая, осложнилась еще и обострившимся гендерным вопросом. Традиционный патриархат, особенно на фоне появления национальных и религиозных конфликтов, снова приводит к вытеснению женщин и представителей других, негетеросексуальных, идентичностей из социально значимых сфер.

Само российское общество демонстрирует «достаточно индифферентное отношение к идеалу равенства в целом, а гендерного равенства в частности» [1 с. 24]. Демократические начала, постулируемые в качестве нового принципа переустройства общества в переходе от советского типа, являются общепризнанными, но по факту «равенство как таковое отрицается идеологией российских реформ» [1 с. 26].

Переходные периоды, какими были начало XX в. и его конец в России, уникальны для гендерной истории. Именно такие неравновесные общественные системы дают материал для изучения гендерных стереотипов и попыток их изменения. Тем не менее отечественные историки, казалось бы, игнорируют столь интересный исторический материал. Наши английские и американские коллеги цепляются даже за столь, казалось бы, незначительные события, как постепенное изменение идеала женщины в период Позднего Средневековья или Реформации, а Великая российская революция или события конца XX в. остаются неизученными в гендерном измерении.

Современная отечественная гуманитаристика, как уже было сказано, или не рассматривает проблемы гендерного неравенства вообще, или предлагает схемы решения, половина из которых отличается традиционностью, а вторая – радикальностью, не совместимыми с современными реалиями. Очевидно, что специфичность ситуации и особенность цивилизационного пути России не позволяют ни академическому сообществу, ни широкой общественности в чистом виде перенять опыт решения таких проблем странами с более стабильным развитием и иным уровнем рыночных отношений.

*Особенности решения гендерного вопроса
в советской России и влияние практики
на постсоветский дискурс*

В настоящий момент в истории стран бывшего социалистического блока заканчивается переход к устройству западного типа, оцениваются результаты и перспективы развития различных моделей социальной политики. В политике России можно поднять не только вопрос завершенности/пригодности для отечественного поля реформ, но и гендерного аспекта этих преобразований. Данная тема является актуальной на территории всех без исключения стран СНГ: вопросы семейной политики, репродуктивных прав, социальная нестабильность, которую необходимо преодолеть. Так как именно политика и идеология оказали прямое влияние на «застой», который произошел в женской истории СССР, точно так же политика современная оказывает прямое влияние не только на выбор исследователями тех или иных тем.

Объяснением непопулярности гендерных исследований в России являются несколько иные по сравнению с европейским полем условия возникновения женского движения и вслед за ним «женской темы». На Западе появление гендерной системы связано с диссоциацией семейной и трудовой сфер, типичной для общества, где ориентация в основном идет на индивидуальное, а не на коллективное [2 с. 102]. В России же феминизм мало соотносился с политическими чаяниями привыкших к коллективизму за годы советской власти горожанок и крестьянок. В России женский вопрос был решен еще до своего естественного появления, причем на государственном уровне. Так что привыкание к мысли о том, что поле борьбы за женские права является частью общей борьбы за права человека, идет с трудом. Поэтому женский вопрос, как и гендерный, в российском политическом дискурсе начала 90-х годов «не звучал» так, как у западных коллег.

В отечественном политическом поле феминизм не был явлением неизвестным, поскольку появился в России одновременно с Западом. Тем не менее широкого распространения он не получил. Более того, на профанном уровне отношение к нему вообще является негативным, и эта характеристика распространяется как на женские исследования, так и на гендерные. Преодоление стереотипа, сложившегося в советскую эпоху относительно феминизма как агрессивного и чуждого отечественному сознанию конструкта, только начинается.

Особенность советской политики, заключающаяся в направленности на глобальное перевоспитание советского общества в русле

марксистской парадигмы, можно рассматривать в качестве попытки самого масштабного процесса социального конструирования. Первая половина XX в., в особенности первые годы советской власти, характеризуются беспрецедентным ростом специализированной женской периодики. Журналы и газеты для крестьянок и работниц пестрели не только лозунгами, но и предлагали социальные конструкции для переключения в новый формат гендерных ролей – роль новой советской женщины [3 с. 447].

Просчеты в решении женского вопроса советской властью заметны и не подвергаются сомнению. Тем не менее успехи в образовательной политике нельзя исключить из поля нашего внимания: в сравнении с мужским населением не наблюдается огромной разницы в грамотности или активности в сферах социальной, политической и культурной жизни. К сожалению, эта женская активность не ограничилась перестройкой на новые роли и образы. Параллельно с традиционно женскими гендерными ролями женщины взяли на себя традиционно мужские. Великая Отечественная война и последовавший за ней демографический кризис усилили ситуацию, углубив ее до реального отсутствия выбора женщиной стратегии поведения.

Усталость от «эмансипации по-советски» [4 с. 185] привела к обратному эффекту отторжения и желанию вернуться к традиционной, православной системе гендерных ролей и образов, которую мы видим в настоящий момент в обращении к традиционным рамкам, сформированным еще в русской мысли XIX в., так называемому постсоциалистическому патриархальному ренессансу.

Процесс демократизации естественно связан с ростом автономии, но этот процесс одновременно приводит к отделению частной жизни от общественной, и внутри этого «нового отдельного мира» еще проще разграничить и обозначить роли. В России это сделать не сложнее, так как механизмы и экономического, и ментального закрепления хорошо отработаны.

Гендерный поворот как производная либерализации политического дискурса

Реформы политической жизни России за последние 20 лет довольно сильно повлияли на исследование включенности женщин в политическую систему. Самое важное, что был дан мощный импульс для нового и сугубо научного анализа данного вопроса, а не простого расширения информационного горизонта. Женское движение, а вслед за ним феминология, как и гендерология, отчасти

являются производными политического дискурса, а потому и разработка гендерных политических знаний – реальная когнитивная практика и движения, и методологии. Развитию данного направления поспособствовал целый ряд политических и социальных изменений, произошедший в России в 1990-е – начало 2000-х годов: к ним можно отнести появление многопартийной системы, новых политических движений, организацию реальных институтов, отражающих интересы женского движения. Изначальный прорыв женских политических партий, свершившийся в 1993 г., и их провал на тех же думских выборах актуализировали тему и привели к активному обсуждению включения женщин в политическое развитие страны [5 с. 7]. Академическое сообщество заинтересовала тема политических гендерных стратегий, а также политических ориентаций разных гендерных групп [6].

Сама тенденция появления на политической арене женщин-политиков вызвала к жизни такой жанр исторических и публицистических работ, как биографии и мемуары. С течением времени работы приобретали все более и более серьезную значимость, от чисто журналистских очерков до профессионального анализа женского политического лидерства как категории с особыми, присущими ей параметрами. Исследователи ставили вопрос уже не в рамках женской истории, но в рамках истории гендерной: что именно отличает женщин-политиков в восприятии избирателей, что влияет на положительную или отрицательную оценку и какие гендерные стереотипы относительно женщины и самой роли «политика» мешают или, наоборот, помогают женщинам войти в политическое поле [7 с. 107].

Появляются центры женской политической активности. В начале 90-х годов возникают и развиваются такие организации, как Независимый женский форум, чьи труды представляют действительный интерес для исследователей женской и гендерной тематики, Комиссия по делам женщин при Президенте РФ, которая была создана еще в 1992 г., а также фракция «Женщины России». Появление подобных институтов привело к необходимости научного обоснования многих процессов и осмысления других, смежных, сфер. В первую очередь исследовательский интерес сконцентрировался на изучении политической активности женщин в дореволюционный и советский периоды, а также на политике самого государства в отношении женщин как части электората [8], как субъекта и объекта политики [9 с. 61]. Темы продвижения концепции равных возможностей и гендерного равенства, а также их репрезентации через органы государственной власти нашли свое отражение в трудах социологов и политологов [10 с. 472]. Важно отметить, что этот вопрос стал популярен не только среди отечественных специалистов,

но и зарубежных авторов, которые усмотрели в решении вопросов такого характера в «эпоху перемен» в России интереснейшее проблемное поле [11,12].

Как отмечают большинство исследователей, реальным механизмом, который позволил бы увеличить количество женщин, принимающих активное участие в политической жизни, должен стать национальный механизм по делам женщин – по гендерному равенству [13 с. 320]. В числе самых прогрессивных стран Скандинавии и Америки данный механизм вылился в формирование государственной структуры, которая и обеспечивает гарантии «культуры равенства возможностей для мужчин и женщин; содействие правам женщин... содействие участию женщин в структурах власти и в процессе принятия решений...» [14 с. 139].

При всей, казалось бы, вовлеченности общественности и академического сообщества в тему гендера складывается парадоксальная ситуация, причем в двух направлениях. Во-первых, работы все еще в большинстве своем остаются в пределах женского подхода. Сборники, содержащие в названии сочетание «гендерный аспект», на деле неприятно поражают исследователя, так как статьи предлагают читателю анализ «женщин», а не «женского» и тем более не процесса конструирования этого «женского». Во-вторых, за развитием той же политологии как новой академической дисциплины совсем не следует включение темы гендерного разделения и проблем ни в вузовский образовательный стандарт, ни в систему вузовского образования в целом, за исключением «разовых вкраплений в учебные пособия» [15 с. 572]. Попытки поиска места для гендерной проблематики в общем списке политических проблем обычно заканчиваются печально, не выдерживая академической критики и все более возвращаясь к «журналистскому дискурсу и биографическим работам начала 90-х» [16 с. 587].

Заключение

Современным исследователям гендера приходится сталкиваться сразу с двумя векторами проблем: сложность самой темы ввиду недостаточно разработанного методологического аппарата (статистические данные не могут дать развитие гендерным исследованиям, а только женским, причем в весьма ограниченном объеме); отсутствие профессионального запроса со стороны общества (запрос есть, но он касается феминизма и сугубо женских проблем, широкая же общественность с гендером как категорией незнакома).

Поэтому именно историкам, возможно, предстоит создать ту концепцию гендерного равенства, которая будет не только подкреплена жизнеспособными научными основаниями, но и лишена различного рода крайностей, которые может демонстрировать нам женская история или теория феминизма, более того – которая будет соответствовать интересам развития всего российского общества, реализуя идею об инновационном социальном проектировании.

Литература

1. *Вовченко О.М.* Гендерное равенство как социально-философская проблема [Электронный ресурс]: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 52 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002301007> (дата обращения 07.10.2018).
2. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
3. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 615 с.
4. *Митина О.В.* Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах // *Общественные науки и современность*. 1999. № 3. С. 179–190.
5. *Границева Т.Г.* Движение женщин России: 1996–2004 гг. [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 146 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002800545> (дата обращения 05.10.2018).
6. *Силласте Г.Г.* Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социальным проблемам. М.: Луч, 1991. 82 с.
7. *Константинова В.Н.* Женщины и проблемы политического лидерства // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М.: Ин-т социально-экономических проблем РАН, 1992. С. 107–117.
8. *Хасбулатова О.А.* Эволюция государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта // *Интеграция женщин в процесс общественного развития*. М.: Луч, 1994. С. 14–105.
9. *Чуйкина С.* Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* / Ред. Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. СПб.: ЦНСИ, 1996. С. 61–81.
10. *Крац С.* Взгляд женщин-парламентариев России на женский вопрос (результаты опроса женщин-депутатов Верховного Совета России 1991 г.) // Женщины и социальная политика: гендерный аспект. СПб.: Алетейя, 2004. С. 469–485.
11. *Funk N., Muller M.* Gender Politics and Post-Communism: Reflection from Eastern Europe and the Former Soviet Union. N. Y.: Routledge, 1993. 349 p.
12. *Moghadam V.M.* Democratic reform and Position of Women in Transitional Economies. Oxford: Clarendon Press, 1994. 366 p.
13. *Айвазова С.Г.* Игра в гендер на поле российской политики: возможности институциональных изменений // *Россия реформирующаяся*. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 319–331.

14. Новикова Е.А. Гендерный аспект политического участия женщин: сравнительный анализ [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 160 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006764871> (дата обращения 05.10. 2018).
15. Шинелева Л.Т. Женщина и политика в России: иллюзии и реальность // Общая и прикладная политология: Учеб. пособие. М.: МГСУ-Союз, 1997. С. 571–588.
16. Макаренко В.П. Феминизм // Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 571–588.

References

1. Vovchenko OM. Gender equality as social and philosophical problem [Internet] [dis. ... d-ra filos. nauk]. Moskva, 2000. 52 p. [data obrashcheniya 07 Oct. 2018]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002301007> (In Russ.)
2. Pushkareva NL. Gender theory and historical knowledge. Sankt-Peterburg: Aletei-ya Publ.; 2007. 496 p. (In Russ.)
3. Stayts R. Women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and Bolshe- vism, 1860–1930. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. 615 p. (In Russ.)
4. Mitina OV. Female gender behavior in social and cross-cultural aspects. *Obshchest- vennye nauki i sovremennost'*. 1999;3:179-190. (In Russ.)
5. Grantseva TG. The women's movement in Russia: 1996–2004. [Internet] [dis. ... kand. ist. nauk]. Moscow, 2004. 146 p. [data obrashcheniya 05 Oct. 2018]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002800545> (In Russ.)
6. Sillaste GG. Women and democratization. Public opinion of women on current so- cial issues. Moscow: Luch Publ.; 1991. 82 p. (In Russ.)
7. Konstantinova VN. Women and issues of political leadership. V: *Women and Social Policy (gender aspect)*. Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem RAN Publ.; 1992. p. 107-17. (In Russ.)
8. Khasbulatova OA. Evolution of government policy towards women: review of his- torical experience. V: *Women's Integration into the Social Development Process*. Moscow: Luch Publ.; 1994. p. 14-105. (In Russ.)
9. Chuykina S. Participation of women in dissident movement (1956–1986). V: Zdravomyslova EA., Temkina AA., eds. *Gender dimension of social and political activities in the transition period*. Sankt-Peterburg: TsNSI Publ.; 1996. p. 61-81. (In Russ.)
10. Krats S. View of female parliamentarians in Russia on women's issues (results of poll of female deputies poll in the Supreme Council of Russia 1991). V: *Women and Social Policy (gender aspect)*. Sankt-Peterburg: Aletei-ya Publ.; 2004. z. 469-85. (In Russ.)
11. Funk N., Muller M. Gender Politics and Post-Communism: Reflection from East- ern Europe and the Former Soviet Union. New York: Routledge, 1993. 349 p.
12. Moghadam VM. Democratic reform and Position of Women in Transitional Econo- mies. Oxford: Clarendon Press, 1994. 366 p.
13. Ayvazova SG. The game of gender in the field of Russian politics: the possibility of institutional change. V: *Russia is reforming* Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ.; 2007. p. 319-31. (In Russ.)

14. Novikova EA. Gender aspect of political participation of women. A comparative analysis [Internet]. Saratov, 2013. 160 p. [dis. ... kand. polit. nauk]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006764871> (In Russ.)
15. Shineleva LT. The woman and policy in Russia: illusions and reality. V: *Общая и прикладная политология: Учебное пособие*. Moscow: MGSU-Soyuz Publ.; 1997. p. 571-88. (In Russ.)
16. Makarenko VP. Feminism. V: *The main ideologies of our time*. Rostov na Donu: Feniks Publ.; 2000. p. 571-88. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ольга Г. Давыдова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Davydova.OG@rosuchebnik.ru

Information about the author:

Olga G. Davydova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Davydova.OG@rosuchebnik.ru

200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.: практики коммеморации

Филипп И. Уланов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, philx93@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются коммеморативные практики 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Празднование этой годовщины стало масштабным событием в общественно-политической жизни постсоветской России и получило крупную поддержку со стороны государства.

На публикациях в СМИ автор рассматривает процесс формирования коллективной памяти: его участников (государство и общество), то, как два типа коммеморации (государственный и общественный) соотносятся друг с другом.

Изучение исторической памяти и средств ее формирования, в том числе применительно и к юбилеям Отечественной войны 1812 г., стало крайне популярной темой исследований в современной отечественной историографии. Однако историки почти не заостряют внимания на неофициальной коммеморации. Подобные исследования позволили бы понять, как общество самостоятельно пытается формировать свои коммеморативные практики, свои места памяти и т. д. (и формирует ли).

Автор пытается рассмотреть взаимодействие двух нарративов исторической памяти, что позволит получить более цельную, многостороннюю картину коммеморативных практик в связи с юбилеями Отечественной войны 1812 г., а также избежать несколько искаженного представления о том, что общество лишь пассивно усваивает то, что ему предлагает государство.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., коммеморативные практики, коллективная память

Для цитирования: Уланов Ф.И. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.: практики коммеморации // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 54–64. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-54-64

200th anniversary of the Patriotic War 1812. Commemoration practices

Philipp I. Ulanov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; philx93@yandex.ru

Abstract: The article attempts to study commemoration practices of 200th anniversary of the Patriotic War 1812. The celebration of that anniversary became a large-scale event in the social and political life of post-Soviet Russia and was substantially supported by the state.

Employing information from mass media the author considers the process of collective memory formation: its participants (state and society) and the way two types of commemoration (state and social) correspond to each other.

The focal point of our article is a set of commemoration practices the state used during the celebration and the society's reaction to it manifested in the activities of non-governmental organization, independent mass media. Their analysis can help understand the process and mechanism of formation of the collective memory, the interrelation between state and society as participants of commemoration.

Memorial studies including applicable to anniversaries of the Patriotic War of 1812, are widely prevalent in modern Russian historiography. Anniversaries of the Patriotic war of 1812 become a prevalent theme of historical researches. However, historians almost do not focus their attention on the society's reaction to the unofficial commemorative practices. Such studies would allow to understand how society independently tries to form its commemorative practices, its memory places, etc. (and whether it forms).

The author tries to consider the interaction of two narratives of historical memory, what will allow getting a more coherent, multilateral picture of commemorative practices in connection with the anniversaries of the Patriotic War of 1812, and also to avoid the somewhat distorted view that society only passively adopts what the state offers.

Keywords: the Patriotic War of 1812, commemoration practices, collective memory

For citation: Ulanov PhI. 200th anniversary of the Patriotic War 1812. Commemoration practices. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:54-64. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-54-64

Введение

Отечественная война 1812 г. стала одним из тех ключевых событий в российской истории, которые определенным образом вплетаются в государственную идеологию в тот или иной исторический момент и в Российской империи, и в СССР, и в Российской Федерации. Память об этой войне используется на протяжении двух последних столетий для формирования национальной идентичности и самосознания населения России.

Поскольку главными участниками процесса формирования коллективной памяти являются государство (центральные и местные власти) и общество, постольку можно констатировать и существование официального и неофициального нарративов исторической памяти, что дает возможность исследовать процесс формирования коллективной памяти по фактам или мероприятиям в более широком смысле слова. Например, статья в газете на заявленную тему вполне может стать неким фактом коммеморации. Ключевой же характеристикой принадлежности нарратива к официальному или неофициальному является наличие инициативы, а именно из какого источника она исходит. Таким образом можно определить, что официальный нарратив иницируется государством, а неофициальный – обществом.

Наиболее важной площадкой для реализации коммеморативных практик, как официальных, так и неофициальных, являются юбилейные мероприятия, связанные с событиями Отечественной войны 1812 г., проводимые в XIX–XXI вв.

Как правило, эти практики коммеморации определенным образом соотносятся друг с другом. Цель данной статьи – показать, каким образом это происходит, на примере юбилейных торжеств, посвященных 200-летию Отечественной войне 1812 г.

Празднование этой даты стало крупномасштабным событием в общественной и политической жизни постсоветской России и получило широкую государственную поддержку: в 2009 г. была образована Государственная комиссия по подготовке к юбилею. Комиссия стала инициатором строительства павильона для размещения экспозиции музея Отечественной войны 1812 г. как филиала Государственного исторического музея; организации научно-издательского проекта Роспечати и издательства «РОССПЭН» «Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия: В 3 т.»; проведения праздничного парада военно-исторических клубов на Бородинском поле, а также создания игрового полнометражного фильма, посвященного Отечественной войне 1812 г. Наиболее масштабным проектом, поддержанным этой комиссией, стал конный поход казачьей части по маршруту Москва–Париж.

Важнейшими источниками по исследованию исторической политики и коммеморативных практик являются материалы СМИ – от печатных газет до современных интернет-публикаций. Это материалы газет и журналов: «Российская газета», «Новая газета» (2012); а также материалы интернет-изданий: «РИА Новости», «Эхо Москвы», «Первый канал», «Совет 1812». Одним из важнейших источников по изучению исторической реконструкции (наря-

ду с материалами СМИ) являются тематические интернет-форумы и сайты. Например, Военно-исторический форум, где крупнейший из представленных разделов посвящен Наполеоновским войнам [1].

Говоря об истории памяти, нельзя не упомянуть о таком важном методологическом явлении, изменившем облик современной отечественной и зарубежной исторической науки, как «мемориальный поворот» [2 с. 59]. Сущность этого явления заключается в том, что на передний план в исторических исследованиях выходят не сами события прошлого, а память о них, утвердившаяся в сознании общества: ее содержание, способы трансформации, социальная значимость. Исследования, посвященные исторической памяти и коммеморативным практикам, стали крайне популярным явлением в современной отечественной науке. Историческая память рассматривается как объект активного формирования, конструирования и манипуляций.

Под влиянием новой методологической парадигмы, историки достаточно активно начали изучать и коммеморативные практики юбилеев войны 1812 г., 200-летнего в частности [3,4]. Однако главный недостаток этих исследований заключается в том, что ученые уделяют большое внимание различным аспектам деятельности государства по коммеморации событий войны 1812 г., но при этом они почти не заостряют внимания на неофициальной коммеморации. Несомненно, изучение официального нарратива крайне важно, однако исследования по неофициальному нарративу позволили бы понять, как общество самостоятельно пытается формировать свои коммеморативные практики, свои места памяти и т. д. (и формирует ли).

Отсутствие сравнительных работ по официальному и неофициальному нарративам является следствием того, что по одному из них – неофициальному – работ вообще нет. Хотя изучение того, как два нарратива соотносятся друг с другом, позволило бы получить более цельную, многостороннюю картину коммеморативных практик в связи с юбилеями Отечественной войны 1812 г., а также избежать несколько искаженного представления о том, что общество лишь пассивно усваивает то, что ему предлагает государство.

СМИ как инструмент формирования памяти

Юбилей Отечественной войны 1812 г. стал актуальной темой для ведущих российских СМИ. Помимо новостного освещения памятных мероприятий, многие СМИ подготовили обширные блоки тематических программ, фильмов и материалов.

Одним из важнейших государственных печатных СМИ является «Российская газета». Именно в ней, не считая большого количества публикаций информационного характера, была напечатана статья, которая хорошо позволяет проследить характер и особенности интерпретации Отечественной войны в официальном юбилейном дискурсе Российской Федерации [5,6]. Данную публикацию отличает существовавший в СССР «державно-патриотический, победный» нарратив. В ней говорится о выдающейся роли победы России в Отечественной войне 1812 г., о фактическом спасении и освобождении стран Европы от Наполеона и особо отмечается актуальность декларации политических ценностей России: консерватизма, традиционализма и охранительства.

На телеканале «Культура» к 200-летию Бородинской битвы вышла в эфир авторская программа Ф. Разумовского «Как одолеть Бонапарта» из цикла «Кто мы?» [7]. Автор рассуждает о культурном контексте Наполеоновских войн, о том, «каково было франкофонной России воевать с французами». Ключевой идеей данной серии программ явилась интерпретация событий Отечественной войны 1812 г. в духе противопоставления «Россия–Запад». Акцент делался на том, что Россия в победе над Наполеоном смогла обрести свой «особый путь».

По заказу Первого канала был снят четырехсерийный документальный фильм «1812» [8], который охватывает события от вторжения Наполеона в Россию до его отступления и кратко описывает события 1813–1814 гг. Концептуально фильм освещает события в патриотическом ключе: подчеркиваются и выдающийся героизм русских солдат, и тактический и стратегический гений российских полководцев (в особенности М.И. Кутузова), благодаря которым русские войска, несмотря на тяжелые и неблагоприятные условия начала войны, смогли разгромить Великую армию, возглавляемую одним из сильнейших военачальников Европы. Говорится и о дипломатическом таланте Александра I и Кутузова, позволившем заманить Наполеона в своеобразные «ловушки» и выиграть время для армии. Авторами также подчеркивается, что в 1813–1814 гг. именно войска Российской империи вошли в Париж, добились победы над Наполеоном и спасли Европу при фактическом бездействии войск антифранцузской коалиции.

Информационное агентство «РИА Новости» создало на своем веб-сайте медиалпортал «1812. Война и мирь. Новый взгляд». В одном из разделов портала разбираются спорные моменты истории Отечественной войны 1812 г. Именно там содержится несколько аналитических статей и выпусков видеопередач, которые позволя-

ют сделать выводы о формировании современного образа Отечественной войны 1812 г.

В нескольких статьях [9,10] подвергается критике советская (или «толстовская») идея «народной войны». В них авторы (политические обозреватели РИА Петр Романов и Юрий Кравчинский) подробно рассматривают причины формирования и боевые действия партизанского движения и крестьянских отрядов. Так, партизаны представляли собой в первую очередь бойцов регулярной армии, призванных выполнять боевые задания в тылу вражеской армии. Что же касается непосредственно крестьянских движений, их роль видится авторам весьма незначительной: отряды крестьян «вилами и косами били вражеских мародеров, как правило, охраняли лишь свое добро, редко выходя за околицу своей деревни» [10]. Более того, авторы описывают случаи, когда агрессивные действия крестьян были направлены против отрядов российской армии, если последние пытались получить у них съестные припасы. На примере данных статей хорошо прослеживается тенденция отказа от советской идеи «народной войны» – русского народа, вставшего на защиту своей страны от агрессора, – и смещение акцента в сторону российской армии, победившей неприятеля под руководством великих российских полководцев и умелого политика Александра I.

В качестве альтернативы государственным СМИ следует обратить внимание на другие публикации, приуроченные к 200-летию юбилею.

Так, в «Новой газете» были опубликованы две статьи. Первая – «Тень Бонапарта. “Мы все глядим в Наполеоны” как формула русской жизни» [11] – содержала рассуждения автора о явлении бонапартизма в истории России. Автор приходит к выводу, что более других отечественных лидеров для данного амплуа подходит В.В. Путин. Обеспечивается это в первую очередь могуществом официальной пропаганды и тем, что «граждане великой державы инфинцированы телезависимостью».

Во второй статье, «Ядра – чистый изумруд» [12], автор в саркастической манере описывает официальные государственные мероприятия, проходившие на Бородинском поле, обращает внимание, с одной стороны, на масштабную реконструкцию событий, с другой – на то, как «оголодавшие наблюдатели боя, тысячи местоблюстителей Пьера Безухова лопали его (шашлык) с хилых пластиковых тарелок, оставляя горы шкурок, ошметков, огрызков, кляксы разведенного дождем кетчупа». Автор констатирует, что в головах людей «есть некий странный субстрат»: помимо всевозможных образов, сформированных культурой, стереотипами и т. д., он содержит некую идею-память: «мы – одно».

*Историческая реконструкция:
государство и общество*

Основным юбилейным мероприятием, посвященным войне 1812 г., стала реконструкция Бородинского сражения, прошедшая 2 сентября 2012 г. Эта традиция возродилась в 1989 г. [13] и при сохранении статуса Бородинского сражения как центрального события Отечественной войны 1812 г. означала возвращение к имперским традициям празднования юбилея войны (в доперестроечный период реконструкции битвы на Бородинском поле не проводились) [13].

Церемония проходила у памятника на командном пункте Наполеона в деревне Шевардино, в ней принимали участие президент России В.В. Путин и бывший президент Франции В. Жискард д'Эстен. На праздничном мероприятии присутствовали потомки Кутузова, Наполеона, Дениса Давыдова и других участников событий 1812 г. как с русской, так и с французской стороны. После произнесения речей представителями России и Франции церемониал завершился торжественным прохождением войск перед памятником под звуком «Марсельезы».

Президент В.В. Путин возложил венок к монументу героям сражения на том месте, где в 1812 г. располагалась батарея генерал-лейтенанта Раевского. В своем выступлении президент отметил важную психологическую роль Бородинского сражения в победе русской армии, а также значимость той эпохи для патриотического воспитания современной молодежи.

Реконструкция Бородинского сражения не стала единственным событием подобного рода. По мнению Игоря Карпова, руководителя одного из клубов военно-исторической реконструкции, именно война 1812 г. является наиболее популярной среди отечественных реконструкторов [14]. Неслучайно в рамках празднования юбилея победы в войне военно-исторические реконструкции прошли во многих городах России: Смоленске, Уфе, Петрозаводске, Санкт-Петербурге и др. [4 с. 202]. Важно отметить, что некоторые из этих реконструкторских мероприятий были организованы при поддержке местных властей [15].

Активное участие реконструкторских клубов и организаций в праздновании юбилея Отечественной войны 1812 г. явилось своеобразным проявлением неофициального нарратива. В первую очередь это заключается в общественной инициативе проведения праздничных мероприятий. В отличие от государственных усилий при формировании образа войны 1812 г. в народной среде нет стремления создать некий собственный нарратив, цельный образ

и т. д., а сами мероприятия представляли собой достаточно стихийные явления. Тем не менее при детальном анализе некоторых интервью с руководителями клубов можно прийти к выводу, что и в среде людей, увлекающихся исторической реконструкцией, в 2012 г. преобладали традиционные, патриотические идеи и образы Отечественной войны 1812 г. Косвенно это может подтвердить наш тезис о большом влиянии официального государственного нарратива на российское общество [16,17,18]. Неслучайно в настоящее время мы можем наблюдать активное участие российского государства в организации фестивалей исторической реконструкции. Например, Российское военно-историческое общество в 2016 г. провело около 30 фестивалей, в том числе несколько – на тему Отечественной войны 1812 г. [19].

Заключение

Юбилейным интерпретациям истории Отечественной войны 1812 г. в официальных средствах массовой информации была характерна общая державно-патриотическая интерпретация событий и исхода войны (героизм российской армии и полководцев, защита страны от французской агрессии), и также особая роль победы в патриотическом воспитании современной молодежи. В СМИ наблюдалась тенденция к развенчанию мифа «дубины народной войны» и представлению крестьянского ополчения как силы, занятой сугубо обороной и сохранением собственного имущества. Определяющая роль в победе над Наполеоном принадлежит российской армии и государственным деятелям. Можно предположить, что на момент 200-летнего юбилея основополагающей задачей для российской идеологии являлась консолидация общества вокруг идеи сильного государства.

Говоря о соотношении официального и неофициального нарративов, можно сделать вывод, что важнейшей спецификой взаимодействия нарративов стала попытка вплести народную коммеморацию в государственную: об этом напрямую свидетельствует проведение важнейших государственных мероприятий именно на Бородинском поле, где властями было организовано крупнейшее в юбилейном 2012 году реконструкторское сражение. Об этом же свидетельствуют и остальные исторические фестивали, учрежденные при поддержке местных органов власти. Другим событием, указывающим на подобную тенденцию в соотношении двух нарративов, является реконструкция казачьего похода из Москвы в Париж. При этом в ходе всех этих мероприятий подчеркивался

общенациональный характер войны 1812 г. и победы в ней. Важно подчеркнуть, что подобные действия государства направлены на формирование на основе исторических событий общенационального самосознания, в то время как независимые реконструкторские мероприятия, инициированные «снизу», в большей степени являются проявлениями регионального, локального самосознания.

Литература

1. Военно-исторический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geenastor.ru/index.php> (дата обращения 01.10.2018).
2. *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. № 50. С. 59–96.
3. Два века в памяти России: 200-летие Отечественной войны 1812 года / Под ред. В.В. Лапина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015. 270 с.
4. Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / Отв. ред. А.В. Буганов. Тула: Гриф и К, 2012. 240 с.
5. *Вершинин А.* Россия отмечает 200-летие «битвы гигантов» // Российская газета. [Электронный ресурс]. 2012. 20 сент. URL: <https://rg.ru/2012/09/20/voina.html> (дата обращения 01.10.2018).
6. *Vershinin A.* Looking back at the 1812 battle between giants // Russia Beyond. [Электронный ресурс]. 2012. 29 May. URL: https://www.rbth.com/articles/2012/05/29/looking_back_at_the_1812_battle_between_giants_15745.html (дата обращения 01.10.2018).
7. *Разумовский Ф.В.* Кто мы? [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/21144/episode_id/153891/ (дата обращения 01.10.2018).
8. Художественно-документальный фильм «1812» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S9HkyWedQM8> (дата обращения 01.10.2018).
9. *Кравчинский Ю.* В тылу врага и впереди войска: партизаны, да не те [Электронный ресурс]. 2012. 2 окт. URL: https://1812.ria.ru/1812_parallels/20121002/764467735.html (дата обращения 01.10.2018).
10. *Романов П.* Элита и народ в войне 1812 года: вместе или порознь? [Электронный ресурс]. 2012. 8 нояб. URL: https://1812.ria.ru/1812_parallels/20121108/778658737.html (дата обращения 01.10.2018).
11. *Тарощина С.* Тень Бонапарта: «Мы все глядим в Наполеоны» как формула русской жизни // Новая газета [Электронный ресурс]. 2012. 05 сент. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/05/51295-ten-bonaparta-171-my-vse-glyadim-v-napoleony-187-kak-formula-russkoy-zhizni> (дата обращения 01.10.2018).
12. *Дьякова Е.* Ядра – чистый изумруд // Новая газета [Электронный ресурс]. 2012. 05 сент. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/05/51305-yadra-151-chistu-y-izumrud> (дата обращения 01.10.2018).

13. Стенограмма передачи «Не так» на радиостанции «Эхо Москвы»: Реконструкция Бородинского сражения // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. 2011. 27 авг. URL: <https://echo.msk.ru/programs/netak/805503-echo/> (дата обращения 01.10.2018).
14. 1812 годъ: Военно-историческая реконструкция на Бородинском поле [Электронный ресурс]. URL: http://turin-turin.spoх.ru/ru/blog/1186.1812_god_воe.html (дата обращения: 01.10.2018).
15. Межрегиональный фестиваль исторических клубов «Год славы России 1812-й» [Электронный ресурс]. URL: http://amsu.kondopoga.ru/new/all_news/18596.html (дата обращения 01.10.2018).
16. Военно-историческая реконструкция: 1812 год [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/pavel_kalinkov/voenno_istoricheskaya_rekonstrukciya_1812_god-read.html (дата обращения 01.10.2018).
17. Реконструкция битвы 1812 года при Валутино-Лубино приглашает гостей [Электронный ресурс]. URL: http://www.visitsmolensk.ru/all_articles/places/rekonstrukciya-bitvy-1812-goda-pri-valutino-lubino-priglashta/ (дата обращения 01.10.2018).
18. Бесподобный 9-й легкий полк Великой Армии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2128> (дата обращения 01.10.2018).
19. Исторические фестивали [Электронный ресурс]. URL: <http://rvio.histrf.ru/activities/festivali> (дата обращения 01.10.2018).

References

1. Military history forum Reenactor.ru [Internet]. [data obrashcheniya 1 Nov. 2018]. URL: <http://www.reenactor.ru/index.php> (In Russ.)
2. Leont'eva OB. «Memorial turn» in modern Russian historical science. *Dialogue with time. An almanac of intellectual history*. 2015;50:59-96. (In Russ.)
3. Lapin VV., ed. Two centuries in Russia's memory. The 200th anniversary of the Patriotic war of 1812. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta Publ.; 2015. 270 p. (In Russ.)
4. Baganov AV., ed. Historical memory of the Russian people about the Patriotic war of 1812. Tula: Grif i K Publ.; 2012. 240 p. (In Russ.)
5. Vershinin A. Russia celebrates the 200th anniversary of the "Battle of the giants". *Rossiiskaya gazeta* [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. 2012. 20 Sept. URL: <https://rg.ru/2012/09/20/voina.html> (In Russ.)
6. Vershinin A. Looking back at the 1812 battle between giants // *Russia Beyond* [Internet]. 2012. 29 May. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: https://www.rbth.com/articles/2012/05/29/looking_back_at_the_1812_battle_between_giants_15745.html
7. Razumovskii FV. Who we are? *Russia Beyond* [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. 2012. 29 May. URL: https://www.rbth.com/articles/2012/05/29/looking_back_at_the_1812_battle_between_giants_15745.html (In Russ.)
8. Semidocumentary film "1812". [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/21144/episode_id/153891/ (In Russ.)

9. Kravchinskii YU. In the rear of the enemy and ahead of the troops: the guerrillas, but only different [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. 2012. 2 Oct. URL: https://1812.ria.ru/1812_parallels/20121002/764467735.html (In Russ.)
10. Romanov P. Elite and people in the war of 1812. Together or separately? [Internet]. 2012. 8 Nov. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: https://1812.ria.ru/1812_parallels/20121108/778658737.html (In Russ.)
11. Taroshchina S. The Shadow Of Bonaparte. “We all set sights as high as Napoleon” as the formula of Russian life. *Novaya gazeta* [Internet]. 2012. 05 Sept. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/05/51295-ten-bonaparta-171-my-vse-glyadim-v-napoleony-187-kak-formula-russkoy-zhizni> (In Russ.)
12. Dyakova E. The nuts are pure emeralds. *Novaya gazeta* [Internet]. 2012. 05 Sept. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/05/51305-yadra-151-chisty-izumrud> (In Russ.)
13. Transcript of the program «Ne tak» [Not the fact] on the radio station «Echo Moskvy». Reenactment of the battle of Borodino. *Ekho Moskvy* [Internet]. 2011. 27 Aug. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/netak/805503-echo/> (In Russ.)
14. 1812: Military history reenactment in Borodino [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: http://turin-turin.spoх.ru/ru/blog/1186.1812_god_voe.html (In Russ.)
15. Interregional festival of historical clubs “The year of glory of Russia – 1812th” [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: http://amsu.kondopoga.ru/new/all_news/18596.html (In Russ.)
16. Military history reenactment. 1812 [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: http://thelib.ru/books/pavel_kalinkov/voenno_istoricheskaya_rekonstrukciya_1812_god-read.html (In Russ.)
17. Reenactment of the battle of 1812 at Valutino-Lubino invites guests [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: http://www.visitsmolensk.ru/all_articles/places/rekonstrukciya-bitvy-1812-goda-pri-valutino-lubino-priglasha/ (In Russ.)
18. Peerless 9th light regiment of the Great Army [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2128> (In Russ.)
19. Historical festival [Internet]. [data obrashcheniya 01 Oct. 2018]. URL: <http://rvio.histrf.ru/activities/festivali> (In Russ.)

Информация об авторе

Филипп И. Уланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; philx93@yandex.ru

Information about author

Philipp I. Ulanov, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; philx93@yandex.ru

История и современность: актуальные исследования

УДК 930.85

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-65-81

Античная матрица современного латентного варварства

Вера П. Буданова

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, vpdudanova@yandex.ru*

Аннотация. В качестве предмета анализа в статье предложена исследовательская модель изучения современного варварства. Греко-латинская нарративная традиция о варварах представлена как античная матрица варварства, которая создает образ варвара в действии, динамике, качественной и интегративной характеристике.

Обращено внимание на возможность применения античной матрицы восприятия и понимания варварства в исследовании современного «нового варварства». В связи с этим ставится вопрос о предпосылках и особенностях проявления «нового варварства» в динамике современных цивилизационных процессов. Показаны формы «нового варварства» (интеллектуальное, эстетическое, варваризация мировосприятия), появившиеся в эпоху постмодерна.

Впервые в качестве самостоятельного исторического феномена выделено латентное варварство как особая форма существования варварства внутри цивилизации. Научную новизну представляет впервые сформулированная историческая и терминологическая характеристика природы латентного варварства (скрытого и скрываемого) как способа варваризации общества.

В ходе анализа обозначены условия появления, формы проявления и сферы воздействия латентности варваров внутри цивилизации. Впервые показана опасность современного латентного варварства и его место в социальной истории.

Ключевые слова: античность, цивилизация, матрица варвара, паттерны варварства, латентное варварство

Для цитирования: Буданова В.П. Античная матрица современного латентного варварства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 65–81. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-65-81

Antique matrix of modern latent barbarity

Vera P. Budanova

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; vpdudanova@yandex.ru*

Abstract. As a subject of analysis, the article proposes a research model for the study of the modern barbarity. The Greek-Latin narrative tradition of barbarians is presented as the antique matrix of barbarity, which creates an image of the barbarian in action, dynamics, quality and integrative characteristics.

The attention is drawn to the possibility of using the antique matrix of perception and understanding of barbarity in the study of the modern “new barbarity”. In this regard, the author highlights issues of the prerequisites and peculiarities of the manifestation of “new barbarity” manifestation in the dynamics of modern civilizational processes. She also considers the forms of “new barbarity” (intellectual, aesthetic, barbarization of worldview), that emerged in the Postmodern era.

For the first time the latent barbarity is accentuated as an independent historical phenomenon, which is defined as the special form of existence of barbarity within civilization. The scientific novelty is the first formulated historical and terminological characteristics of the nature of the latent barbarity (hidden and being hidden) as a way of social barbarism.

In the course of analysis, the author denotes the birth conditions forms of manifestation and spheres of influence of latent barbarity inside civilization. She is the first to demonstrate its danger place in social history.

Keywords: Antiquity, civilization, matrix of a barbarian, patterns of barbarity, latent barbarity

For citation: Budanova VP. Antique matrix of modern latent barbarity. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;4:65-81. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-65-81

Введение

Современный мировой кризис обозначил нарастающую тенденцию социально-исторической реанимации варварства. Достигнув вершины своего материально-технического развития, современная цивилизация встретилась с «вызовом» варварства, масштабы которого предвещают гибель государств, народов и самого человеческого вида. Появилась необходимость переосмыслить теоретические положения и варианты практических усилий сопротивления варварству. В настоящее время пристальный интерес к варварству уже вышел за строго академические рамки, имеет важное общественное звучание, в том числе и как вызов цивилизации, и как проблема

выживания в обществе, в котором мировосприятие основано на разделении мира. Проявление и природа варварства постоянно трансформируются вместе с историей общества в зависимости от цивилизации, в рамках которой живет варвар.

Цивилизационный кризис XXI в. демонстрирует одну из стремительно развивающихся форм варварства – *латентное варварство*. Потребность специально проанализировать его обострилась в наши дни в связи появлением базовых факторов, которые способствуют существованию и развитию латентности. Это нарастающий стремительный темп меняющегося мира, неизбежная деформация социума, его основных институтов, лишение человеческих отношений стабильности и долговременности, размывание и искажение позитивных духовно-нравственных критериев и норм человеческих отношений, изменение содержания и форм варварства, девальвация и деструкция устоявшихся представлений о варварстве. Кардинальной предпосылкой существования варварства, как скрытого, так и скрываемого, является также отсутствие ясной и развернутой позитивной концепции будущего, перспектив цивилизационного развития, что серьезно затрудняет определение параметров оценки как общего цивилизационного развития, так и отдельных идей, поступков и действий человека. В то же время возросший гуманистический критерий цивилизованности, развитие социальной, правовой и гуманитарной сфер в жизни общества уже не позволяют во многих случаях осуществлять то, что в общественном сознании устойчиво воспринимается как варварство. Варварство пытается облачатся в «цивилизованные одежды».

Сегодня, когда речь идет о попытке глобального исторического осмысления такого явления, как варварство, сразу же следует иметь в виду одно обстоятельство. По мере ускорения и усложнения исторических процессов становится все более очевидным, что «темная сторона» человеческой природы как-то необыкновенно усиливается. Еще во второй половине XIX в. на это обратили внимание Э. Тайлор (1871), Л. Морган (1877) и Ф. Энгельс (1884) [1,2,3].

Глобальный мировой кризис конца XIX – начала XX в. вновь поставил в центр мироздания человека с его сознательной парадоксальной деятельностью, эмоциональной сферой, идеалами, целями и формами жизнеобеспечения. Тайны человеческого поведения вновь и надолго стали предметом изучения преимущественно медиков, философов и писателей. Но если в начале XIX в. Иммануил Кант ставил вопрос «Что такое человек с его специфической эмоциональной природой?», то уже в конце бурного XIX столетия, открывшего в человеке зверя, этот вопрос звучал по-другому: «Как этому человеку приспособиться и выжить во враждебном меняющемся мире?»

Принцип антропоцентризма, человекомерности снова стремительно ворвался в познавательный процесс. Так, А. Шопенгауэр акцентировал внимание на *воле* человека, наделяя ее онтологическим статусом, ибо воля, по его мнению, «обладает неоспоримой значимостью». Ф. Ницше видел в человеке *вырожденца природы*, самого жестокого зверя на земле, ибо жестокость представлялась ему древнейшей радостью человечества. Он как обязательное условие выживания настоятельно рекомендовал этому природному существу пройти через страдания, чтобы стать сверхчеловеком. Как на *биологическое создание* на человека смотрел и З. Фрейд, раскрывая сущность его природы через *психоанализ* и показывая, как конструируется клише ненавистника [4].

С конца XIX в. и на протяжении всего XX в. проблемой деструктивной, варварской природы человека занимались также археологи и историки. Человек рассматривался ими как «*действующая величина*» реальных событий, процессов и конкретно-исторических фактов. В гуманитарных исследованиях постоянно предпринимались попытки реконструировать человека в экстремальных исторических ситуациях. Исследовательский процесс был нацелен на то, чтобы снять размытость, нечеткость и даже, порой, аморфность представлений о варваре. Особенно это касалось переходных эпох, в том числе рубежа древности и Средневековья, когда, как писал Аммиан Марцеллин, «все пребывали в страхе и ждали», человек на протяжении многих десятилетий жил «между страхом и надеждой», и не только классический варвар, но и цивилизованный человек проявлял себя как *homo barbaricus* [5, XVII, 1,13; XXI, 13,1; XXII, 2,1; XXX, 2,12].

В XX в., с началом перехода гуманитарного знания от эмпирического на теоретический уровень и некоторой корректировки историками места человека в истории, стал меняться и взгляд на природу его варварского поведения. *Теория инстинкта* выделяла *биологическую* предрасположенность человека к насилию, связанную с врожденным охотничьим инстинктом борьбы за выживание. *Теории побуждения и фрустрации* рассматривали эмоционально-агрессивное враждебное поведение человека как *психологическое* состояние, связанное с фрустрацией, блокировкой достижения цели. *Социальные теории* утверждали, что варварство появляется только в соответствующих социальных условиях. В условиях цивилизации человек не рождается варваром, он должен научиться вести себя по-варварски. Таким образом, варварство представлялось как приобретенная в процессе жизнедеятельности человека модель социального поведения [6 с. 35–60].

Античная матрица и паттерны варварства

Когда мы приступаем к изучению латентного варварства любого исторического периода, на мой взгляд, не стоит забывать, что взлелеянная веками простота понятий «варвар» и «варварство» зарождались и утверждались в древности, прежде всего в античном мире. Именно античный мир впервые понял, определил и манифестировал матрицу и паттерны варварства в качестве самостоятельного исторического феномена. Греко-римская письменная традиция представила варварство как интеллектуальный конструкт, т. е. как *понятие*, а также как эмоциональную модель в виде *образа*, отражая его в языке своего времени через соответствующую *терминологию* [7 с. 10–46].

Античность не только выделила варварство как феномен, но и сформулировала важнейшие принципы его сущности, а именно варварские свойства антропологической характеристики человека и варварские формы его действий. В сочинениях античных авторов варварство раскрывалось как *действие*, как модель злонамеренного поведения, как произвольная или преднамеренная активность людей, направленная на достижение осознаваемой цели. В это действие входили цели, средства, результаты и, собственно, сам совершавшийся процесс. Античные авторы ориентируют нас на то, что варвар всегда действует, руководствуясь негативными *эмоциями, мотивами и установками*. «Вот они, варвары, – говорит автор IV в., – которые в своей ярости и диком безумии отважились выступить навстречу нашей доблести...» [5, XVI, 12,31].

В подавляющем большинстве случаев понятие «варвары» призывалось к военному контексту и, как правило, сопровождалось словами: «разрушили», «осадили», «опустошили», «совершили нападение». Но по мере того как племена варваров заселяли и осваивали римские земли, понятие «варвары» фигурирует уже не так часто, но становится все более жестким. Теперь это не просто невежественный иноземец, но крайне агрессивный и непредсказуемый чужестранец, носитель разрушительного начала. Для человека IV–VI вв. «варвар» – это негативный «иной», модель поведения которого, представляя неудержимую агрессию, стала своеобразным «логотипом врага» [8 с. 8–9].

Как свойство варварство проявилось в образе варвара. Три круга ассоциаций делали восприятие этого образа автоматическим. Первый – этнический: «варвар» – это иностранец, чужеземец, человек вне границ римского цивилизованного мира. Второй – этический – заключался в формуле: «варвар – это не римлянин», ибо не воспитан в римских традициях, установлениях и ценностях,

в служении *rei publicae* как смыслу и норме человеческого бытия, не обладал пайдейей, отсталый и неграмотный человек. И наконец, незнание греческого и латинского языков – верный признак варварства. В целом содержательная характеристика варваров основывалась на балансе неприятия и заинтересованности, что и отразила лексика сочинений латинских и грекоязычных авторов [7 с. 20–21].

Античные авторы демонстрируют важный концептуальный подход к исследованию варварства – прослеживая его в динамике. По мере того как контакты римлян и варваров становились все более тесными и долговременными, к ним применялся набор других слов-эквивалентов. Вместо «варвары» – *manus*, *globus*, *gens*, *populus*, *exercitus*, или конкретные этнонимы, иногда как определение – *populus Alamanorum*, *gens Francozum* и др. Одновременно, на фоне негативного «варварского стереотипа», в античных текстах появлялись и новые семантические оттенки, связанные с иными представлениями о «варваре». Зачастую «варвар» – это не только «враг», «неприятель», но «союзник», «вероломный союзник» (*foederates*), «друг-союзник», «соратник». В привычном обиходе грекоязычной интеллектуальной элиты IV–VI вв. применительно к варварским племенам использовались также термины «чужеземный», «иноплеменный», еще в V в. по-прежнему различался «варвар» и «гость», «чужеземец» [7 с. 21].

И, наконец, именно античные авторы, характеризуя варварство как свойство, оставили нам в наследство еще одно важнейшее концептуальное положение – комплекс интегративных характеристик, сочетание определенной системы конкретных свойств. Античная традиция, преподнося читателю смоделированный образ варвара, соединяя разные элементы дискурсивного поля в единый образ. Действительно, необходим целый подбор конкретных личностных характеристик, взаимосвязанных между собой, чтобы раскрыть, что значит – не воспитан в традициях цивилизованного общества, или – не обладает пайдейей. Кроме того, именно с интегративными характеристиками варварства как качества античные авторы связывали ответ на вопрос о сути варварства как действия – агрессии, насилия, разрушения культурных ценностей, грабежей и т. д.

Впоследствии сформированное античностью толкование варварства использовалось французской и немецкой социально-философской и политической литературой XVIII–XIX вв. [9 с. 855–883]. Широко понятый изначальный античный шаблон варварства, его основные признаки привлекались в позитивном конструировании и интерпретации истории европейских варваров. Как признанная совокупность знаний и оценок постепенно обозначилась и закрепились соответствующая научная парадигма, был разработан и со-

вершенствовался особый категориальный аппарат. Гений и талант создававших варварскую парадигму не только актуализировал историю различных представителей древних племенных миров – предводителей, вождей и королей. Он утверждал также и экзальтированно-сакрализованную привлекательность сарматов, аланов, готов, гуннов, вандалов, франков и других варварских племен. Расширялись масштабы интереса к варварству как *состоянию* – исторически пройденному этапу материального и духовного развития – и *свойству* как морально и нравственно-этической характеристики поведения человека [10–15 с. 120–122; 16]. Паттерны варварства практически всегда и в древности, и в Средневековье, и тем более в эпохи модерна и постмодерна ассоциировались с дикостью, жестокостью, бесчеловечностью, невежеством, бескультурьем, разрушением ценностей, нарушением закона и принятых норм жизни, отсутствием дисциплины и ответственности. Следует подчеркнуть, что именно в античном Средиземноморье родилась формула: «Варварство – это когда дикие народы дают простор своей наглости» [5 XX, 5,4].

Итак, античное наследие содержит не только богатейший материал о варварах и варварстве своего времени, но определенную концептуальную *матрицу* восприятия и понимания варварства в его *четырёх сущностях: качество, действие, динамика, интегративность характеристик*. Это позволяет поставить вопрос о правомерности рассмотрения данной матрицы в качестве одного из подходов к анализу современного варварства и результативности такого подхода.

Современное варварство

Но прежде чем реализовывать данный подход при анализе современного варварства, необходимо хотя бы ориентировочно определиться с уже имеющимся общим понятием современного варварства. В качестве точки отсчета можно взять определение современного варварства, данное Н.В. Мотрошиловой. «Варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите “телоса”) цивилизации и цивилизованности. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных

принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством и другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству» [17 с. 79–80].

Историки, философы, социологи, придерживающиеся самых различных взглядов и концепций, едины в том, что процессы деструктивности и варваризации социального поведения человека заметно усложнились [17–23]. Усложняются и процессы диагностики «нового варварства». Сложность диагностики состоит прежде всего в том, что «новое варварство», несмотря на свои исторические основания – это отнюдь не реликт. Истоки, содержание и формы «нового варварства» во многом зарождаются, развиваются и определяются тенденциями, связанными с усложнением цивилизационного развития, изменением всей структуры социального организма и всех форм социальной жизни. Поэтому особо актуальным становится анализ источников варварства, заключенных в цивилизации Нового времени, которые, несомненно, в весьма важных формах продолжают свою жизнь и сегодня. Человеческая история в этом контексте подвергается рассмотрению того, что произошло с этими формами к концу XX столетия. Какие-то из них, в частности, дали особенно интенсивный импульс тем взрывам варварства, которые своим зловещим ответом проводили только что ушедшее столетие и тысячелетие [17 с. 106]. Варварство не исчезает само по себе, а усиливает деструктивную природу человека, превращая его в «дионисического варвара» и увлекая в историческую пропасть человеческого презрения. И снова хочу обратить внимание на то, что мы не можем не осознавать: изучение варваров перегружено эмоциями. Образ варваров менялся, но неизменным оставалось античное пропагандистское клише: варвар – это символ абсолютного зла, насилия, низкого уровня развития, закрытости и паразитизма [7 с. 46].

При анализе современной цивилизации в общеконцептуальном смысле процессы варваризации рассматриваются «как регрессивное движение к более архаичным и примитивным формам существования» [24 с. 9]. Однако, этот критерий действителен, но не универсален. К варваризации вряд ли можно отнести тенденцию к возрождению, чаще всего локальному, более архаичных и примитивных форм существования как форму отрицания негативных сторон современной цивилизации и попытку уйти в «неиспорченный цивилизацией» (или не столь испорченный) архаичный мир. Тенденция к идеализации этого мира не нова. Весьма выразительно она представлена в сочинениях не только Тацита, современника античных классических варваров, но и мыслителей эпохи Просвещения, например Ж.Ж. Руссо и целой когорты ученых XIX–XX вв.

В начале XXI в. в одной из своих работ А.А. Пелипенко обратил внимание на иную исследовательскую перспективу, на то, что «в последнее время, в контексте подчеркивания завершения некого глобального витка человеческой цивилизации, часто говорят о наступлении “новой первобытности” – возвращении к архаике на новом цивилизационном уровне» [25 с. 388]. Однако далеко не всякий «ремейк старого» может рассматриваться как проявление варварства, но лишь тот, который представляет собой отход от завоеваний цивилизации, регресс или распад цивилизации, индикатор кризисных процессов в жизнедеятельности цивилизации.

Надо отметить и то, что современное варварство демонстрирует такие формы и проявления «регрессивного движения», которые не только не характерны для более архаичных, в сравнении с нашим временем, форм существования, но и были бы ими отвергнуты. Например, признание существования пола, «не укладывающегося в двоичную систему». Здесь системным выступает более общий критерий – варварство как деструкция цивилизации. В данном случае – деструкция одной из фундаментальных цивилизационных основ. Н.В. Мотрошилова справедливо подчеркивает: «Историческое предназначение, своего рода “телос” цивилизации как раз и состоит в том, чтобы человечество сохранялось, даже возрастало в своей численности» [17 с. 117]. С этой точки зрения подобные инновации – явное «саморазрушение цивилизованности» (термин Н.В. Мотрошиловой). Они не будут способствовать сохранению человечества, а тем более – возрастанию его численности.

По мнению Н.В. Мотрошиловой, варварство отражает противоречия и нерешенные проблемы, угрожающие стабильности и развитию самой цивилизации либо сложившимся межцивилизационным контактам и диалогу [17 с. 105]. Одна из причин его существования заключается в том, что «историко-генетические корни цивилизационных процессов все еще глубоко уходят в почву доцивилизационного, а потом и внутрицивилизационного варварства» [17 с. 106]. В качестве отдельных типов варварства автор выделяет экологическое, политическое, милитаристское, бытовое варварство и варварство безнравственности.

Однако уже в 70-е годы XX в., помимо широкого диапазона названных проявлений варварства, в первую очередь политического и варварства безнравственности, стало устойчивой тенденцией проявление и таких типов варварства, как *варварство интеллектуальное* (отказ от рационального мышления и объективной науки, виртуализация науки, распространение мистики и т. д.), *эстетическое*, отразившееся в искусстве эпохи постмодерна, а также *варва-*

ризация мировосприятия (виртуализация опыта человека, образов, чувств и эмоций) [26 с. 379–400].

Характеризуя *интеллектуальное варварство*, получившее в конце XX в. глобальное распространение, Н.В. Мотрошилова подчеркивает, что на «рынке знаний» все интенсивнее наряду с содержательной информацией, подкрепляемой аргументами и доказательствами, предлагаются, распространяются, потребляются «знания» совсем другого рода – знахарство, ведовство, колдовство, новые мифы, наскоро сбитые «религии», мистика и т. д. Существенно, что у этой псевдопродукции находятся не только потребители, но и радители в средствах массовой информации и даже в сфере науки. Интернет в немалой части стал виртуальной свалкой продуктов современного антиразума [17 с. 357]. Д.В. Иванов отмечает, что наука сейчас – это не предприятие по поиску истины, а род языковых игр, состязаний в манипулировании моделями научного дискурса. Если раньше теория могла строиться только на основе открытия некоего порядка, присущего вещам, то теперь вполне допустимо моделирование без выхода к каким-либо реальным референтам. Процесс верификации гипотез все чаще замещается процессом фальсификации [19 с. 110]. В этих условиях количественный критерий оценки научных результатов становится единственно возможным объективным критерием [19 с. 114]. «Мы живем, – считает исследователь, – в эпоху науки образов и образов науки» [19 с. 115].

Д.В. Иванов емко выразил и суть *варваризации искусства* в эпоху постмодерна: «...мы живем и действуем в эпоху искусства симуляции и симуляции искусства. Базовые компоненты художественных практик модерна, эпохи создания произведений искусства – производство, стиль, эстетическая оценка – симулируются» [19 с. 122]. В искусстве постмодернизма произведение как таковое становится актом деконструкции как со стороны художника, так и со стороны публики [19 с. 188].

Инструментом *варваризации мировосприятия* стала его виртуализация, когда *человек отделяется от действительной реальности*. Виртуальная реальность может выступать мощным инструментом деформации и деградации мировосприятия и миропонимания. Для ее характеристики вполне правомерно будет использование употребляемого М. Кастельсом термина «реальная виртуальность». Это определение отражает подмену в сознании человека реальной действительности ее виртуальной интерпретацией. При управлении «реальной виртуальностью» это создает оптимальные условия для варваризации человека и социума. Реальная виртуальность – это система, в которой сама реальность (т. е. материальное/симво-

лическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, выдуманный мир, в котором внешние отображения не просто находятся на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом [18 с. 351–352].

Латентное варварство

В настоящее время практический интерес к варварству проблемно меняет исследовательскую ситуацию, предлагая историкам не уходить от исследования вызовов «нового варварства». Однако молчание историков и некоторое снижение действенности исторического слова о варварах и варварстве, вероятно, можно объяснить традиционно замкнутой академической отстраненностью научных изысканий, посвященных этому историческому феномену.

Как модель злонамеренного поведения, варварство действует в истории *открыто* (расизм, национализм, шовинизм) и *латентно*; *физически* (убийство людей, разрушение исторических памятников, военные действия, разбой, грабеж и т. д.) и *вербально* (словесное оскорбление и унижение человека); *активно* (распространение злостной клеветы, сплетен, слухов и др.) и *пассивно* (создание препятствий кому-либо в достижении им поставленной цели, отказ защитить человека и др.); *прямо* (отказ вести переговоры, отказ отвечать на вопросы и др.) и *косвенно* (отказ выступить в защиту кого-либо).

С конца XX в. стало стремительно наращивать свой потенциал латентное варварство. Это связано с борьбой двух тенденций. С одной стороны, в XX в. проявились самые страшные из когда-либо известных видов формы варварства, которые свидетельствовали, что темная сторона человеческой природы выходит из-под контроля, способствуя разрастанию варварства. С другой стороны, развитие социальной, правовой и гуманитарной сфер, демократических начал, утверждение прав человека замедляли процессы варваризации и сдерживали деструктивную природу человека.

Именно в конце XX в. в условиях глобализирующегося мира человек, оставив в прошлом революции, гражданские конфликты, мировые войны, с удивлением обнаружил свою растерянность и бессилие перед деструктивностью теперь уже «нового варварства». Ибо оно стало активно проявлять себя не только в форме физического насилия и разрушения, но и вербально. Облачившись в одежды «тайности» и «скрытности», варвары стремительно заявили о себе в информационном пространстве, распространяя оскорбления, клевету, сплетни, интриги, месть и провокации. В этих обсто-

ятельстввах для историков вполне очевидна необходимость переосмысления теоретических оснований и проблематики варварства как такового.

Латентное варварство – это скрытые, недоступные прямому наблюдению замыслы и намерения, имеющие целью достижение негативных последствий, причинение вреда, боли или страдания другим и реализующиеся в этом направлении. *Формы проявления* данного скрытого стремления могут быть самыми разными. Это, например, выставление в невыгодном свете, пренебрежительное высказывание за глаза, злостная клевета, умолчание, сплетни, распространение слухов, интриги, месть, публичное осмеяние, провокации, создание кому-либо препятствий для достижения поставленной цели, сговор в целях уничтожения кого-либо.

Латентное варварство – это форма существования варварства в цивилизованном обществе, где уже сложилось представление о варварстве как о негативном явлении, но реальное варварство еще не изжито или, более того, является средством решения экономических, политических, социальных или идеологических задач. В то же время уровень гуманитарного развития общества с позиций обыденного сознания уже не позволяет, хотя бы формально, открыто демонстрировать варварство, варварские идеи и действия.

Само явление латентности варварства имеет глубокие исторические корни. Это весьма специфический тип варварства. Латентное варварство обычно существует в виде варварства скрытого и скрываемого. Специфика его состоит в том, что, являясь варварством по сути, оно может не восприниматься таковым (*скрытое варварство*) или сознательно скрываться (*скрываемое варварство*). Соответственно латентное варварство может быть осознанным и неосознаваемым. Латентность появляется лишь на определенном этапе развития, когда варварство еще реально существует, но «носители варварства» уже вынуждены скрывать его подлинный смысл. Скрываемое варварство сознательно облачено заинтересованными субъектами в «цивилизованные» одежды и орнаментировано соответствующими «цивилизованными» оценками и аргументами. Достаточно привести в качестве примера Крестовые походы (XII–XIII вв.), Варфоломеевскую ночь (Франция, 1572 г.), «Ночь длинных ножей» (Германия, 1934 г.), «Хрустальную ночь» (Германия, 1938 г.). Варварство использует в качестве своих инструментов самые последние достижения цивилизации. Скрытое варварство представляется, порой искренне, как элемент или тенденция будущего либо позитивная традиция прошлого.

Можно выделить целый пакет объектов воздействия латентности. В качестве таких «*мишеней варварства*» могут оказаться при-

рода, общество, его духовно-нравственная сфера, мир как состояние жизни человека, его быт, материальная среда и материальные ценности, право и правоприменение, интеллектуальная сфера, сфера культуры, эстетика, мировосприятие, межэтнические, гендерные и семейные отношения. Уже сейчас в когнитивном пространстве отмечаются такие определения, как *экологическое, политическое, правовое, этническое, интеллектуальное, эстетическое, гендерное и бытовое варварство*. В конечном итоге главной мишенью латентности становятся человек, его отношения с другими людьми и среда его обитания.

В чем же особая опасность латентности варварства? Оно затрудняет объективное осмысление существующей реальности, в том числе оценку динамики исторических процессов, манифестируя размывание каузальных связей. Латентное варварство препятствует освобождению от ложных путей исторического движения через стратегию вуалирования, затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты. Путем манипуляции латентное варварство в силу особенностей психологии человека может активно толкать его через пространство «страха» на ложный путь соблазна «простых решений» сложных проблем. Латентное варварство деструктивно, формирует индивида с «непонятой человечностью», способно разрушить или деформировать систему социальных регуляторов и норм. Оно поощряет идеи и деятельность индивида, группы или сообщества, варварских по своей сути, придавая им псевдоцивилизированный вид, порой – под самыми гуманными и прогрессивными лозунгами.

Следует, на мой взгляд, обратить внимание и на то, что латентное варварство представляет специфическую опасность и для историка. Будучи маргинальным по своей природе, варварство выходит из маргинальной зоны исторического процесса. Однако, исследуя субъектность варвара и его мировосприятие, его особую роль в становлении и развитии цивилизаций, не стоит расслабляться и полагать, что «варвар» – это завершённый императивный конструкт. В рамках разных цивилизаций варварская, злобная и агрессивная природа человека проявляется по-разному. Цивилизованные «упаковки» варварства скрывают опасные для историка ловушки, предостерегающие модели которых нам может дать исторический нарратив античной древности и раннего Средневековья. Известно, с каким мастерством и изощренностью тогда скрывалось собственное варварство и создавался «образ врага», отразивший самые отвратительные черты человека.

Заключение

Таким образом, варвары и варварство как «тьнь цивилизации» (термин К.Г. Юнга) отмечены в исторических реалиях каждой эпохи. Но их природа и проявление не остаются постоянными, постепенно продвигаясь к скрытности. В историческом процессе варварство уже давно заняло позиции идеологии зла. Латентность варварства – это триумф варварского бытия, а латентный варвар – это, как правило, варвар, скрывающий свое варварство. На сегодня, как мне представляется, мы имеем четко актуализированную и очерченную исследовательскую перспективу изучения этого сложного исторического феномена, собственно закулисья исторического процесса, что, может быть, в отдаленной перспективе и позволит приблизиться к разрешению столкновения с деструктивным, чужим и враждебным. Накопленный историками массив исследований о взаимодействии цивилизации и варварства позволяет *впервые* поставить проблему латентности варварства в логике противоречий и парадоксов процессов варваризации цивилизации, которая при определенных условиях может стремиться примирять непримиримое. Архетип латентного варварства становится проблемой, остро звучащей сегодня в исторической науке и в ее более широких аспектах, важной для современности.

Литература

1. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 568 с.
2. *Морган Л.Г.* Древнее общество: Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: Едитория УРСС, 2016. 360 с.
3. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Изд-во полит. лит., 1980. 382 с.
4. *Гуревич П.С.* Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.
5. *Ammianus Marcellinus.* Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie Verlag, 1992. 656 S.
6. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2017. 416 с.
7. *Буданова В.П.* Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Ред.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. Вып. 1. С. 10–46.
8. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.
9. *Goffart W.* Rome's Final Conquest: The Barbarians // History Compass. 2008. № 6/3. P. 855-883.

10. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München: Beck, 1980. 495 S.
11. *Goffart W.A.* Barbarians and Romans. A.D. 418–584: The Techniques of Accommodation. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. 278 p.
12. *Dauge Y.-A.* Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles: Collection Latomus, 1981. 859 p.
13. Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts / Hrsg. M.M. Miller, H.-G. Soeffner. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1996. 370 S.
14. *Leguay J.-P.* L'Europe des États barbares V–VIII siècles. P.: Belin, 2002. 384 p.
15. *Курбанов М.Г.* Варварство в гримасах цивилизации // Вестн. Росс. филос. о-ва. М.: РФО, 2006. № 2 (38). С. 120–122.
16. *Barbero A.* Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain. P.: Talandier, 2011. 352 p.
17. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 480 с.
18. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
19. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.
20. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. 571 с.
21. *Хренов Н.А.* Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные исследования художественной культуры в переходных процессах / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2002. С. 11–55.
22. *Яковенко И.Г.* Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Там же. С. 136–147.
23. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
24. Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. Вып. 1. 351 с.
25. *Пелипенко А.А.* Постмодернизм в контексте переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. С. 383–398.
26. *Буданов А.В.* Постмодерн и варварство // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. Вып. 2. С. 379–400.

References

1. Taylor EB. Primitive Culture. Moscow: Politizdat Publ.; 1989. 568 p. (In Russ.)
2. Morgan LH. Ancient Society. Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilisation. Moscow: Editoriya URSS Publ.; 2016. 360 p. (In Russ.)
3. Engels F. The Origin of the Family, the Private Property and the State. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.; 1980. 382 p. (In Russ.)

4. Gurevich PS. Classical and Non-classical Anthropology. The Comparative Analysis. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; Petroglif Publ.; 2018. 496 p. (In Russ.)
5. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie Verlag, 1992. 656 S.
6. Baron Robert A., Richardson Deborah R. Human Aggression. 2nd edition. Sankt-Peterburg: Piter Publ.; 2017. 416 p. (In Russ.)
7. Budanova VP. Barbarians and Barbarity in the Anthropology of Civilizations. V; Budanova VP., Vorob'eva OV., eds. *Civilization and barbarity. Concepts transformation and regional experience*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2012. Iss. 1. p. 10-46. (In Russ.)
8. Budanova VP. Barbarian World of Peoples Great Migration Epoch. Moscow: Nauka Publ.; 2000. 544 p. (In Russ.)
9. Goffart W. Rome's Final Conquest: The Barbarians. *History Compass*. 2008;3:855-83.
10. Wolfram H. Geschichte der Goten. München: Beck, 1980. 495 S.
11. Goffart WA. Barbarians and Romans. A.D. 418–584. The Techniques of Accommodation. Princeton: Princeton University Press, 1980. 278 p.
12. Dauge YA. Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilization. Bruxelles: Collection Latomus, 1981. 859 p.
13. Miller MM., Soeffner H-G., Hrsg. Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1996. 370 S.
14. Leguay JP. L'Europe des États barbares V–VIII siècles. Paris: Belin, 2002. 384 p.
15. Kurbanov MG. The Barbarity in the Grimaces of Civilization. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*. 2006;2:120-22. (In Russ.)
16. Barbero A. Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain. Paris: Tallandier, 2011. 352 p.
17. Motroshilova NV. Civilization and Barbarity in the Era of Global Crises. Moscow: IFRAN, Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya" Publ.; 2010. 480 p. (In Russ.)
18. Castells M. The Informational Age: Economy, Society and Culture. Moscow: GU VShE Publ.; 2000. 608 p. (In Russ.)
19. Ivanov DV. Virtualization of Society. Version 2.0. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.; 2002. 224 p. (In Russ.)
20. Huntington SP. The Clash of Civilizations. Moscow: AST Publ.; 2006. 571 p. (In Russ.)
21. Khrenov NA. The Experience of the Culturological Interpretation of Transitive Processes. V: Khrenov NA., ed. *Art in a situation of changing cycles. Interdisciplinary studies of artistic culture in transitional processes*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 11-55. (In Russ.)
22. Yakovenko IG. Transitive Epochs and Eschatological Aspects of Traditional Mentality. V: Khrenov NA., ed. *Art in a situation of changing cycles. Interdisciplinary studies of artistic culture in transitional processes*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 136-47. (In Russ.)
23. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. Moscow: Academia Publ.; 2004. 788 p. (In Russ.)
24. Budanova VP., Vorob'eva OV., eds. Civilization and Barbarism. Concepts Transformation and Regional Experience. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2012. Iss. 1. 351 p. (In Russ.)

25. Pelipenko AA. Postmodernism in the Context of Transitive Processes. V: Khrenov NA., ed. *Art in a situation of changing cycles. Interdisciplinary studies of artistic culture in transitional processes*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 383-98. (In Russ.)
26. Budanov AV. Postmodern and Barbarity. V: Budanova VP., Vorob'eva OV., eds. *Civilization and barbarism. Paradoxes of the victory of civilization over barbarity*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2013. Iss. 2. p. 379-400. (In Russ.)

Информация об авторе

Вера П. Буданова, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А; vrbudanova@yandex.ru

Information about the author

Vera P. Budanova, Dr. in History, professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky av., Moscow, 119334, Russia; vrbudanova@yandex.ru

Авгуры и жертвоприношения животных

Ольга В. Сидорович

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, osidorovich@hse.ru*

Аннотация. В статье анализируется встречающееся у Варрона (L.L. 7.31) словосочетание *ambegna bos*, которое подается им как пример профессионального языка авгуров. Объяснение Варроном этого термина наталкивает на мысль об участии авгуров в общественных жертвоприношениях животных, за совершение которых отвечали понтифики. Форма участия авгуров в этом мероприятии сводилась к интерпретации поведения животных и определения, кого из них следует принести в жертву, чтобы она была благосклонно принята богами. Таким образом, можно утверждать, что авгуры участвовали в подготовке общественных жертвоприношений, опираясь на свою традиционную обязанность «читать» язык богов, т. е. совершали авгурий. В пересечении функций авгуров и понтификов в данном вопросе отразилось стремление римской аристократии не допустить сосредоточения власти, в том числе религиозной, в одних руках в процессе установления нового политического режима республики, который пришел на смену режиму царской власти. Это обстоятельство дает основание считать, что сохраненная Варроном информация восходит к древнему пласту римской сакральной традиции.

Ключевые слова: дивинация, авгуры, *augurium*, *auspicium*, понтифики, общественные жертвоприношения, жертвоприношения животных, М. Теренций Варрон, антикварная традиция

Для цитирования: Сидорович О.В. Авгуры и жертвоприношения животных // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 82–90. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-82-90

Augurs and animal sacrifice

Olga V. Sidorovich

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, osidorovich@hse.ru

Abstract: This article deals with *ambegna bos*, lexical unit, which occurs in Varro’s work *De lingua Latina* (7.31) as a sample of the augurs’ professional language. As Varro explained it, its usage means the participation of the augurs in public ritual of animal sacrifice, which was controlled by the pontifices. The augurs participated in the event as they watched the animals’ behavior and interpreted it selecting those which were to be sacrificed. Their actions guaranteed the favorable acceptance of the victim by the gods. Thus one can argue

that the augurs took part in the preparation to public ritual of animal sacrifice according to their primordial duty to interpret the omens coming from the gods, i.e. they performed auguries. The intersection of the pontifices' and the augurs' duties in that reflects the strive of the Roman aristocracy not to admit any concentration of power (including the religious one) in the same hands in the course of establishing the new political regime (*res publica*), which replaced the previous regime of royal power (the *regnum*). Thus, information preserved by Varro dates back to the most ancient layer of the Roman sacral tradition.

Keywords: divination, the augurs, *augurium*, *auspicium*, the pontifices, public sacrifice, animal sacrifice, M. Terentius Varro, antiquarian tradition.

For citation: Sidorovich OV. Augurs and animal sacrifice. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:82-90. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-82-90

Римская религия представляла собой набор ритуальных действий, суть которых сводилась к подтверждению реального существования богов и выстраиванию отношений с ними. Некоторые ритуалы сопровождалась принесением в жертву животных. В этом случае и человек, и животное становились участниками священнодействия, причем равноправными до того момента, когда жертвенное животное превращалось в порции мяса, предназначенные для утоления голода как богов, так и людей – участников церемонии. Внутренности жертвы давали возможность жрецам предсказывать будущее. Все это, несомненно, повышало ценность животных в повседневной жизни человека.

Антикварная традиция, представленная сочинением М. Теренция Варрона «О латинском языке», сохранила свидетельства авгурского учения, детали которого были известны образованным римлянам I в. до н. э. Согласно Варрону [1 6.82], основная обязанность авгуров сводилась к *augurium agere*, во время которого авгур наблюдал за птицами (*aves specit*). Плавт [2 259–264] называет авгуриями знаки, поданные птицами, и одновременно знамения, связанные с поведением животных [3 459–463]. Иначе говоря, в римской религиозной традиции от Плавта до Варрона авгурии и ауспиции не противопоставлялись друг другу: они обозначали единый процесс дивинации (*auspicium* как способ действия, *augurium* как его результат) [4 с. 596] и, таким образом, выражали смысловое единство.

Коллегия авгуров имела свои памятники письменности. Это – книги, которые являлись по существу сборниками прецедентов для интерпретации знаков божественного происхождения. Туда же заносились формулы, которые авгуры использовали в конкретных обстоятельствах: при определении границ священного простран-

ства или при проведении обрядов инаугурации. Информация такого рода проникала в сочинения историков-анналистов и, конечно, антикваров. Особенно активно работал с ней Марк Теренций Варрон. Однако сохранившиеся фрагменты авгурского учения не дают нам возможности полностью воссоздать религиозную практику этой коллегии. Поэтому некоторые церемонии, в которых участвовали авгуры, остаются загадочными. К числу таких загадок относится словосочетание *ambegna bos*, встречающееся в сочинении Варрона как пример профессионального языка авгуров: «...у авгуров *ambegna bos* (сопровожаемая двумя ягнятами корова), вокруг которой помещаются другие жертвы»¹.

Вслед за античными авторами исследователи совершенно справедливо подчеркивают интерпретаторскую функцию авгуров как основную в их деятельности. Это отличало авгуров от жрецов-жертвоприносителей и особенно от понтификов [5 с. 2315]. С другой стороны, если исследователи ставили вопрос о причастности авгуров к жертвоприношениям (например, богу Термину), то отмечали, что эти жертвы были бескровными [6 с. 75]. Приведенный выше отрывок из сочинения Варрона позволяет еще раз обратиться к проблеме участия авгуров в жертвоприношениях, на сей раз – в жертвоприношениях животных. В нашем распоряжении находится свидетельство о том, что авгуры принимали какое-то участие в жертвоприношениях, причем кровавых, которые были одной из обязанностей понтификов [6 с. 110]. Какова была форма это участия?

Термин *ambegnus* еще раз встречается в словаре Феста применительно к быку и барану². Отрывок из словаря Феста напрямую, или через Веррия Флакка, передает информацию Варрона, который остается единственным автором, сохранившим свидетельство участия авгуров в ритуале жертвоприношения животных. Комментатор Вергилия Сервий упоминает о каком-то авгурском жертвоприношении (*sacrificium augurale*), которым сопровождалась молитва для отвращения несчастья³.

¹ [1. 7.31]: ...ambegna bos apud augures, quam circum aliae hostiae constituentur.

² [7 P. 4 L. s.v. Ambegni]: ...ambegni bos et verbix appellabantur, cum ad eorum utraque latera agni in sacrificium ducebantur (Бык и баран назывались ambegni, потому что на жертвоприношение по обе стороны от них вели ягнят).

³ [8 3.265]: ...invocatio est autem precatio, uti avertantur mala, cuius rei causa id sacrificium augurale peragitur, ut hic de auspicio harpyiarum invocatione suscepta “dii prohibete minas” (но призывание [богов] есть просьба с целью отвлечь несчастья, ради чего совершается это авгурское жертвоприношение, чтобы он, принявшись за призывание [богов] о знаменнии гарпий, [сказал бы]: «Боги, отвратите угрозы».)

По всей видимости, термин *ambegna bos* относился к сфере общественных жертвоприношений. Но должна ли эта корова вместе с ягнятами приноситься в жертву? Варрон определенно говорит, что вокруг нее устанавливались другие жертвы. Похоже, что корова с ягнятами не предназначалась для принесения в жертву. Возможно, эти животные своим поведением должны были указать, какая из выставленных вокруг них потенциальных жертв будет угодна бо-жеству. Интерпретировать подобный знак должны были авгуры. Таким образом, можно предположить, что авгуры участвовали в подготовке общественных жертвоприношений, «читая» язык богов. Это гарантировало, что принесенная жертва будет благосклонно принята богами. Такая форма участия авгуров в жертвоприношении не должна удивлять, ведь смысл жертвоприношения сводился к тому, чтобы сделать что-либо священным (*sacer*), отделив это от всего, что находится в общем пользовании, и передать это в собственность богов [9 с. 57; 10 с. 41; 11 с. 453; 4 v. 1, с. 130]. Выполнить эту задачу в данной ситуации мог только авгур. Создавая с помощью особого ритуала *templum*, он отделял его как священное место от окружающего пространства, которое оставалось *profanum*. Примерно такую же роль мог играть авгур, определяя, какое из поставленных вокруг *ambegna bos* животных будет *sacer*, т. е. будет принесено в жертву.

О возможной причастности авгуров к жертвоприношениям свидетельствует следующий факт. Ливий в качестве символов авгурата наряду с литуусом называет капиду (*capis*)⁴. Согласно Варрону, этот сосуд был снабжен ручкой⁵. Такие сосуды в форме чаши с одной ручкой вместе с литуусом встречаются на монетах римских должностных лиц, которые имели сан авгуров: Суллы, Помпея, Лентула Спинтера Младшего, диктатора Цезаря, М. Антония, А. Гирция и Октавиана⁶. Ничего определенного о назначении это-

⁴ [12 10.7.10]: ...cum capide ac lituo...

⁵ [1 5.121]: ...capides et minores capulae a capiendo, quod ansatae ut prehendi possent, id est capi (капиды и чашки меньших размеров были названы от *sarere* (брать), так как у них были ручки, чтобы их можно было взять, т. е. ухватить). Фест в передаче Павла Диакона [7 P. 42 L. s.v. *Capis*] повторяет этимологию Варрона, возводящую существительное *capis* к глаголу *sarere* (брать, хватать).

⁶ Об этих монетах см. [13 с. 353 f]. Появление символов авгурата на монетах Цецилиев Метеллов автор объясняет воспоминанием об авгурате Кв. Метелла Нумидийского – отца Метелла Пия [13 с. 354]. Ю. Ваахтера убежден в том, что Сулла не был авгуром. Поэтому литуус и кувшин на монетах, с его точки зрения, символизировали *iustum imperium*, а не относились к возможному авгурату чеканщика [14 с. 139, примеч. 203]. О значении *iustum imperium* см. [15 с. 28].

го предмета сказать нельзя. Несомненно, то, что он принадлежал к священной утвари, использовался для жертвоприношений и вместе с литуусом был атрибутом авгура. С большой осторожностью можно предположить, что авгур имел какое-то отношение если не к самому обряду жертвоприношения, то к выбору и освящению жертвы.

Рассмотренный сюжет, который мы извлекаем из сочинения Варрона, ставит перед нами как минимум две проблемы. Во-первых, как объяснить участие авгуров и понтификов в одном и том же религиозном мероприятии? Во-вторых, рассмотренный отрывок опять ставит нас перед проблемой разграничения понятий «ауспиции» и «авгурии», имеющей давнюю историю изучения.

Попробуем ответить на первый вопрос, обратившись опять же к сочинению Варрона. Римский антиквар связывает с деятельностью понтификов происхождение термина, обозначающего святилище – *fanum*: «...отсюда названы *fana* (святилища), так как понтифики при освящении оговаривали (*fati sint*) их границу»⁷, т. е. этимологически Варрон выводит термин *fanum* от *fari*. Однако этимология Варрона в данном случае вызывает возражения современных исследователей⁸. Но даже если она является произвольной, она отражает участие понтификов в определении границ священного пространства. Их право «оговаривать» границы святилищ, очевидно, было зафиксировано в документах этой коллегии, содержащих соответствующие формулы, которые использовались в подобных случаях. Но Варрон не приводит никаких примеров подобных формул, что могло бы подкрепить его этимологию. Как нам известно, определение границ священного пространства являлось основной компетенцией авгуров. В таком случае какова роль понтификов в этом ритуале?

Упомянутый Варроном ритуал, с помощью которого понтифики ограничивали священное пространство, можно определить, привлекая сведения Феста и его эпитоматора Павла Диакона. Оба автора объясняют происхождение термина *fanum* либо от имени бога Фавна (*Faunus*), либо от «произнесения слов» (*a fando*), поскольку, посвящая что-либо богам, понтифик произносит определенные слова (*certa verba*)⁹. В другом случае Фест и Павел Диакон определяют святилища (*fana*) как то, что посвящается богам (*consecrantur*) с применением установленных формул¹⁰.

⁷ [1 6.54]: hinc fana nominata quod pontifices in sacrando fati sint finem.

⁸ Fanum происходит от fas-nom, а не от fari. См. [16 с. 208; 1 с. 220].

⁹ [7 P. 78 L s.v. Fanum]: Fanum a Fauno dictum sive a fando, quod dum pontifex dedicat certa verba fatur.

¹⁰ [7 P. 83 L s.v. Fana]: Fana, quod fando consecrantur.

Из этих разъяснений Феста и Павла Диакона становится ясным, что применительно к понтификам речь идет о ритуале дедикации-консекрации, в котором они действительно участвовали и который отличался от ритуала инаугурации пространства, закрепленного за авгурами¹¹. Но в дедикации основную роль играла светская власть в лице магистратов, определявших статус новых святилищ. Они же произносили по подсказке понтификов все необходимые формулы, ограничивавшие священное место¹². Эти формулы в записанном виде хранились у понтификов, так как определение границ святилища (*fanatio*) относилось к области понтификального права, как и инаугурация пространства относилась к области авгурального права [18 с. 148]. Сами же понтифики в данной ситуации не столько произносили формулы, сколько помогали в этом магистратам.

Функции понтификов и авгуров в ритуалах по ограничению священной территории, по-видимому, имели нечто общее: в обоих случаях речь шла об установлении границ (*fines*) священного пространства. Пересечение функций понтификов и авгуров в данном вопросе можно считать порождением той политической, а следовательно, и религиозной ситуации, которая сложилась в Риме в конце VI в. до н. э. и известна как установление нового политического режима (*res publica*), пришедшего на смену режиму царской власти (*regnum*). Время правления второго римского царя, согласно свидетельствам античных авторов, было не только временем создания основных жречеств, но и четкого распределения обязанностей между ними [12 1.20.1–7; 19 2.66–74]. Новый режим был нацелен на недопущение сосредоточения власти, в том числе религиозной, в одних руках. «Распыление» этой власти привело к тому, что положение одних ее носителей мало отличалось от положения всех остальных. Разные жречества имели иногда один и то же набор религиозных прерогатив, что позволяло достигать сбалансированной ситуации внутри правящей элиты. Возможно, отголоском подобной ситуации является также право ауспиций, которым обладал великий понтифик¹³. Это обстоятельство дает основание считать, что сохраненная Варроном информация (даже если отказаться от его этимологии) восходит к древнему пласту римской сакральной традиции.

Рассмотренная нами ситуация участия авгуров в мероприятиях понтификов может восприниматься как получение авгурия, кото-

¹¹ О различии см. [17 с. 473].

¹² [1 6.61]: sic enim aedis sacra a magistratu pontifice praeunte dicendo dedicatur (таким образом, храм бога освящается магистратом посредством произнесения формул вслед за понтификом). См. также [6 с. 122].

¹³ О праве ауспиций понтифика см. [20 с. 93. примеч. 1].

рый в данном случае был результатом наблюдения за поведением жертвенных животных. Такая форма определения божественного волеизъявления дополнялась ауспигиями как способом определения воли Юпитера по полету и поведению птиц, что изначально было обязанностью архаического царя¹⁴. Проводя ауспигии, царь как глава своей общины налаживал диалог с Юпитером, используя формулу *si fas est* (если дозволено [богами]). С ростом территории древнейшего Рима авгуры стали помощниками царя в трибах, что объясняет их первоначальное число – три, – которое соответствовало трем Ромуловым трибам.

Литература

1. Varro. De lingua Latina / Transl. by R. Kent. 2 vol. L.: Heinemann, 1979. Vol. 1. 676 p. (Loeb Classical Library)
2. Plautus. Asinaria. Genova: Istituto di Filologia Classica, 1968. 353 p.
3. Plautus. Stichus. Heidelberg: Winter, 1973. 234 p.
4. Dumézil G. Archaic Roman Religion / Transl. by P. Krapp. Baltimore; L.: The John Hopkins Univ. Press, 1996. Vol. 1–2. 735 p.
5. Wissowa G. Augures // von Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Metzler, 1896. Bd. 2. S. 2313–2344.
6. Жреческие коллегии в раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Наука, 2001. 328 с.
7. *Sexti Pompei Festi*. De verborum significatu cum Pauli epitome. Lipsiae: Teubner, 1913. 443 p.
8. *Servii Grammatici* in Vergilii carmina commentarii. Lipsiae: Teubner, 1878–1884. 2016 p.
9. Fowler Warde W. The Original Meaning of the Word sacer // Journal of Roman Studies. 1911. Vol. 1. P. 57–63.
10. Ogilvie R.M. The Romans and their Gods in the Age of Augustus. L.: W.W. Norton and Company, 1969. 135 p.
11. Benveniste E. Indo-European Language and Society / Transl. by E. Palmer. L.: Faber and Faber, 1973. 579 p.
12. Titi Livi. Ab urbe condita condita libri. Lipsiae: Teubner, 1889. 196 p.
13. Taylor L.R. Symbols of the Augurate on Coins of the Caecili Metelli // American Journal of Archaeology. Suppl. 1944. Vol. 48. P. 352–356.
14. Vaahtera J. Roman Augural Lore in Greek Historiography. A Study of the Theory and Terminology. Stuttgart: Franz Steiner, 2001. 194 p.
15. Сморгачев А.М. Куриатный закон об империи и ауспигии магистратов // Ius antiquum. Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 24–39.
16. Opere di Marco Terenzio Varrone / A cura di A. Traglia. Torino: UTET, 1974. 495 p.

¹⁴ Об ауспигиях как основной обязанности царя говорит Цицерон [21 1.89].

17. *Catalano P.* Aspetti spaziali del Sistema giuridico-religioso romano. Mundus, templum, urbs, ager, Latium, Italia // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter & Co, 1978. Bd. 16.1. P. 442–553.
18. *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. 2 Aufl. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1885. Bd. 3. 598 S.
19. *Dionysii Halicarnasei.* Antiquitatum Romanarum quae supersunt. Lipsiae: Teubner, 1885–1905. Vol. 1–4.
20. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 3 Aufl. Graz: Verlag von S. Hirzel, 1969. Bd. 1. 707 S.
21. *Cicero.* De divinatione // M. Tulli. Ciceronis opera omnia. Lipsiae: Teubner, 1869. 83 p.

References

1. Varro. De Lingua Latina. 2 vol. London: Heinemann, 1979. Vol. 1. 676 p. (Loeb Classical Library)
2. Plautus. Asinaria. Genova: Istituto di Filologia Classica, 1968. 353 p.
3. Plautus. Stichus. Heidelberg: Winter, 1973. 234 p.
4. Dumezil G. Archaic Roman Religion. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1996. Vol. 1-2. 735 p.
5. Wissowa G. Augures. V: *Von Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Stuttgart: Metzler, 1896. Bd. 2. S. 2313-2344.
6. Kofanov LL., ed. Priestly colleges in early Rome. On the question of the formation of the Roman sacred and public law. Moscow: Nauka Publ.; 2001. 328 p. (In Russ.)
7. Sexti Pompei Festi. De verborum significatu cum Pauli epitome. Lipsiae: Teubner, 1913. 443 p.
8. Servii Grammatici in Vergilii carmina commentarii. Lipsiae: Teubner, 1878-1884. 2016 p.
9. Fowler Warde W. The Original Meaning of the Word sacer. *Journal of Roman Studies.* 1911;1: 57-63.
10. Ogilvie RM. The Romans and their Gods in the Age of Augustus. London: W.W. Norton and Company, 1969. 135 p.
11. Benveniste E. Indo-European Language and Society. London: Faber and Faber, 1973. 579 p.
12. Titi Livi. Ab urbe condita libri. Lipsiae: Teubner, 1889. 196 p.
13. Taylor LR. Symbols of the Augurate on Coins of the Caecilii Metelli. *American Journal of Archaeology. Suppl.* 1944;48:352-56.
14. Vaahtera J. Roman Augural Lore in Greek Historiography. A Study of the Theory and Terminology. Stuttgart: Franz Steiner, 2001. 194 p.
15. Smorchkov AM. Curia law on the empire and auspices of magistrates. *Ius antiquum.* 2003;1: 24-39. (In Russ.)
16. Opere di Marco Terenzio Varrone. Torino: UTET, 1974. 495 p.
17. Catalano P. Aspetti spaziali del sistema giuridico-religioso romano. V: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin, New York: Walter de Gruyter & Co, 1978. Bd. 16.1. P. 442-553.

18. Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. 2 Aufl. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1885. Bd. 3. 598 S.
19. Dionysii Halicarnasei. Antiquitatum Romanarum. Lipsiae: Teubner, 1885-1905. Vol. 1-4.
20. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. 3 Aufl. Graz: Verlag von S.Hirzel, 1969. Bd. 1. 707 S.
21. Cicero. De divinatione. V: M. Tulli. Ciceronis opera omnia. Lipsiae: Teubner, 1869. 83 p.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20; osidorovich@hse.ru

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. in History, associate professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 20, Myas-nitzkaya str., Moscow, 101000, Russia; osidorovich@hse.ru

УДК 28-67

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-91-105

Семантика пояса в описании мусульман в Повести временных лет

Марианна Ю. Андрейчева

*Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия, anutado@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируется сведение об отсутствии пояса на молящихся мусульманах, зафиксированное в Повести временных лет. Автор предлагает рассмотреть данное указание в контексте христианской символики пояса, отразившейся в византийских и древнерусских нарративных памятниках. В ходе исследования были выделены свидетельства древнерусской практики постоянного ношения пояса, действовавшей в качестве обязательного предписания как для монашествующих, так и для мирян. Данное правило было непосредственно связано с истолкованием пояса как значимого христианского символа. В статье рассматривается круг византийских и древнерусских экзегетических источников, в которых пояс получил богословское обоснование. Обнаруженные особенности восприятия пояса позволили выявить ключевые идеи его семантики, в основе которых лежали идеи и образы из текстов Священного Писания. Следовательно, препоясывание являлось символом конкретных добродетелей, а отказ от ношения пояса, по-видимому, указывал на их отсутствие. В заключении статьи автор подтверждает эту точку зрения, раскрыв подлинный смысл летописного упоминания о мусульманах через сопоставление с подобным свидетельством, обнаруженным в Толковании на Евангелие от Матфея свт. Феофилакта Болгарского.

Ключевые слова: Повесть временных лет, Феофилакт Болгарский, христианство, ислам, экзегетика, семантика пояса

Для цитирования: Андрейчева М.Ю. Семантика пояса в описании мусульман в Повести временных лет // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4(14). С. 91–105. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-91-105

Semantics of belt in the description of Muslims in the Tale of Bygone Years

Marianna Yu. Andreycheva

*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, anutado@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes information about the absence of a belt for praying Muslims, recorded in the Tale of Bygone Years. The author considers this information in the context of the Christian symbolism of belt, reflected in the Byzantine and ancient Russian monuments. In the course of her anal-

ysis the author reveals evidence of the ancient Russian practice of constantly wearing a belt, which acted as a mandatory prescription for both monks and laity. This rule was directly related to interpreting the belt as a significant Christian symbol. The article discusses the range of Byzantine and ancient exegetical sources, in which the belt got a theological justification. The discovered features of the belt perception allowed us to reveal the key ideas of its semantics derived from the texts of Holy Scripture. Thus, girdling was a symbol of concrete virtues, and the refusal to wear a belt, apparently, indicated their absence. In conclusion, the author confirms that point, revealing the true meaning what was mentioned in the chronicle about Muslims by comparing it with a similar testimony found in the Interpretation on the Gospel of Matthew of St. Theophylactus the Bulgarian.

Keywords: The Tale of Bygone Years, Theophylactus the Bulgarian, Christianity, Islam, exegetics, semantics of belt

For citation: Андрейчева М.Ю. Семантика пояса в описании мусульман в Повести временных лет. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:91-105. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-91-105

Введение

В Повести временных лет в рассказе об испытании вер князем Владимиром встречается любопытная деталь в описании мусульман, а именно, что во время молитвы «в ропате» они «стояще бес пояса»¹. Этот пассаж вошел в рассказ русских послов, посетивших исповедующих ислам волжских булгар, немцев-латинян и православных греков с целью знакомства с их обычаями².

Мусульманская «служба» в летописи описана в сугубо негативных красках³, а это наводит на мысль, что отсутствие пояса на молящихся волжских булгарах — значимый нюанс, также имеющий от-

¹ «Они (послы. – М. А.) же реша, яко ходиша в Болгары, смотрихом како ся покланяют в храме, рекше, в ропате, стояще бес пояса, поклонився сядет и глядит семо и онамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик. Несть добро закон их» [1 стб. 108].

² В историографии, посвященной текстологии Повести временных лет, сложилась точка зрения, что указанный эпизод с «испытанием служб» появился в летописи на этапе составления Начального свода 1090-х годов [2 с. 111, 3 с. 56, 61–62, 4 с. 20–21, 5 с. 27, 6 с. 20–23]. Исключение составила точка зрения Д.С. Лихачева, который включил фрагмент с «испытанием служб» в реконструированное им «Сказание о распространении христианства на Руси», возникшее, по мнению исследователя, к началу 40-х годов XI в. [7 с. 58–76].

³ См. об этом подробнее [8].

рицательную коннотацию. Поскольку никаких особых предписаний для мусульман на счет ношения пояса во время молитвы не удалось обнаружить, представляется продуктивным проанализировать смыслы, вкладываемые летописцем в исследуемый фрагмент, обратившись к актуальной для автора текста символике пояса. Этот подход в свое время наметил Е.Е. Голубинский, указавший на то, что цитату «стояще бес пояса» поясняют «*Responsa papae Nicolai ad consulta Vulgarogum*» (866) [9 с. 115]. В данном памятнике содержится следующий ответ папы Николая I на вопрос послов из Великой Болгарии о необходимости подпоясываться христианину: «Что же до того, наконец, что греки, как вы утверждаете, запрещают вам принимать причастие неподпоясанными, то какими заповедями Священного Писания они обосновывают этот запрет, мы точно не знаем; тем разве, что Господь заповедал, говоря: “Да будут чресла ваши препоясаны”⁴. Но эту заповедь надлежит исполнять не по букве, а по духу...» [10 с. 587]. Из ответа папы следует, что греки буквально понимали евангельское указание, тогда как западно-римская церковь воспринимала его иносказательно⁵. Тем не менее за существовавшей в восточно-христианской церкви практикой очевидно стояла некая традиция. Эта традиция, по-видимому, проникла и в новокрещенную Русь, найдя отражение в приведенном выше эпизоде Повести временных лет.

После интерпретации Е.Е. Голубинского изучаемый летописный эпизод редко достаивался внимания исследователей. Попытки анализа данного фрагмента были предприняты в работах В.В. Мурашевой и М.М. Тимон-Рудковской. Так о том, В.В. Мурашова пришла к выводу, что «в представлении автора Повести, болгары-иноверцы должны быть неопоясаны», поскольку опоясывание являлось этническим и религиозным символом соплеменников-христиан [11 с. 78]. В монографии М.М. Тимон-Рудковской отмечается, что для русских послов отсутствие пояса казалось неприличным, поскольку он, как знак собранности и защиты перед окружающим миром, обозначал символическую границу между одетым и раздетым [12 с. 73]. В дан-

⁴ «Да будут чресла ваши препоясаны, а светильники горящи» (Лк 12:35).

⁵ Тем не менее прямолинейное истолкование ношения пояса, похоже, было свойственно и западно-римской церкви, о чем свидетельствует фрагмент, посвященный киевскому князю Владимиру Святославичу, в хронике Титмара Мерзебургского: «Король (Владимир Святославич. – М. А.) носил на бедрах перевязь, дабы еще больше увеличить врожденную страсть ко греху. Но Христос, учитель нашего спасения, велел препоясать наши полные сладострастия чресла для воздержания, а не ради какого-то возбуждения. Впрочем, когда названный король услышал от своих проповедников о горящих светильниках, он смыл пятно совершенного греха усердной и щедрой милостыней» [13 с. 163].

ных трудах летописное упоминание о неподпоясанных мусульманах не получило глубокого источниковедческого анализа, а потому его изучение до сих сохраняет свою актуальность.

Таким образом, целью данной статьи станет анализ исследуемого известия ПВЛ о мусульманах в контексте восточно-христианских представлений о символике пояса. Для ее достижения мы попытаемся обозначить истоки указанных представлений, показать пути их проникновения в древнерусскую книжность (и в частности, в исследуемый эпизод Повести временных лет), а также выявить, откуда в летопись могло попасть сведение об отсутствии пояса на мусульманах и как оно истолковывалось.

Символика пояса в византийских и древнерусских богослужебных и экзегетических сочинениях

Прежде всего обратимся к переводным византийским и древнерусским памятникам XI–XII вв., представлявшим историко-культурный контекст, внутри которого вызревали идеи автора Повести временных лет. Из этого массива наиболее ценными для нашего исследования источниками являются те из них, которые не только зафиксировали специфическую практику ношения пояса, но и ее символическое истолкование.

Из ближайшего круга сочинений, которые, безусловно, были знакомы книжникам-черноризцам, мы находим отражение такого рода представлений в «Чине пострижения в монашество», древнейший славянский перевод которого дошел до нас в составе Требника конца XIII – начала XIV в. [14]. Пояс являлся одним из знаковых монашеских атрибутов, которым наделялся монастырский насельник во время иноческого пострига. Согласно Требнику, возложение пояса на новопостригаемого сопровождалось следующими словами: «Брат наш поясает чресла своя силою истины» [14 с. 54]. В основе приведенной символической формулы лежали слова из послания к Ефесеянам апостола Павла (Еф 6: 14–15): «*Станьте убо препоясани въ чресла ваша истинною и обolkъшесе въ броня правды, и обувше нозѣ въ уготовани благовѣствованиа миру*» [15 с. 283].

Семантика монашеского пояса в «Чине» перекликается с истолкованием монашеского одеяния, содержащимся в сочинении Гер-

⁶ Как показало исследование Т.И. Афанасьевой, сочинение патриарха Германа Константинопольского (630-650 ... 653-658 – 754 гг.) переведено в кругу учеников свв. Кирилла и Мефодия в конце IX в. и попало на Русь не позже конца XI в. Старейший древнерусский список этого памятника сохранился в рукописи конца XII – начала XIII в. [16 с. 44–45, 58]. См. также [17,18,19].

мана Константинопольского «Сказание церковное»⁶: «Чръноризь-чь образъ е по подобью поустьянному жителю Иоану, емоуже бѣ одежда от власъ вельблоужь и поясъ оусъмѣнъ о чреслѣхъ его <...> *А еже поясомъ оуснѣяномъ поясати ся, иже умръивениемъ тѣла и цѣломудриемъ, похотѣмъ оустоитъ плѣтскимъ и препоясати ся имъ на чреслѣхъ силою истинною достоитъ*» [16 с. 240–241].

Мы видим, что в приведенных выше памятниках центральное место в истолковании монашеского препоясывания занимал фрагмент из Послания апостола Павла к Ефесянам. В «Сказании церковном» к нему добавилось евангельское упоминание о кожаном поясе св. Иоанна Предтечи (Мф 3:4, Мк 1:6), вокруг которого была выстроена символика монашеского препоясывания как знака умерщвления плоти и воздержания.

По-видимому, символическое истолкование пояса было причиной, по которой его предписывали носить постоянно как монахам, так и мирянам. Следы этой практики нашли отражение в Номоканоне. Так, правило 106 Номоканона при Большом требнике, восходящее к правилу преп. Федора Студита (IX в.), предусматривало епитимью в 50 поклонов в случае, если монах «распояшется на ложи своемъ» [20 с. 233]. Об этом же свидетельствует наставление «Завет мнихом уным в кельи житѣ»⁷, в котором иноку указывалось: «взлечь же да будещи препоясанъ в свитѣ» [21 с. 25]. Подобное постановление распространялось и на мирян, о чем упоминается в вопросных статьях исповеди, зафиксированных в русских уставах⁸. В них мирскому человеку предписывалось каяться в случае, если он спал без пояса [22 т. 3, с. 155, 167].

Богословское обоснование анализируемой практики мы встречаем в Толковой компиляции⁹, дошедшей до нас в составе сборников РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. Оп. 5. № 478 (XVI в.) и БАН.45.11.16 (конец XV в.): «А иже повѣлено тугою превязатися ап(ос)толомъ и всѣмъ с(вя)т(ы)мъ. Да крѣпко служить Б(о)гу поклономъ и постомъ. И бдѣнемъ и моленіемъ и течениемъ проповѣди въ языцехъ. Того ради чернцы и попове крѣпко перевязываются. Лѣпо бы и всѣмъ хр(ис)тїаномъ тако оучит Х(ристо)с и Павелъ ап(осто)лъ и Д(а)в(ид)ъ пр(о)ркъ» [23 с. 7]. К.В. Вершинин, исследовавший компиляцию в составе указанных сборников, предположил, что она

⁷ Памятник опубликован К.И. Невоструевым по списку конца XIII – начала XIV в. [21 с. 23–25].

⁸ А.И. Алмазов, подробно исследовавший происхождение русского исповедного чина, отмечал, что вопросные статьи уже входили в самые ранние памятники чинопоследования и отличались особенной подробностью [22 т. 1, с. 319].

⁹ См. подробнее о Толковой компиляции [23].

возникла на Руси в середине XII – начале XIII в. [23 с. 6]. Позднее исследуемый фрагмент вошел в состав Мерила праведного и Кормчей Русской редакции.

Как видим, в данном фрагменте подпоясывание трактуется довольно обобщенно: здесь упоминаются и правила монашеской аскезы, и благовествование язычникам. Однако вслед за этим идет отсылка к Евангелиям и Посланиям апостола Павла. Дополняет перечень источников указание на Псалмы царя Давида, в которых неоднократно встречается образ препоясывания¹⁰.

Истоки христианской символики пояса лежат в богословской экзегетике. Отмеченные нами фрагменты Евангелий и Апостольских посланий неоднократно являлись предметом толкований свят. Иоанна Златоустого¹¹, Иеронима Стридонского¹², Феодорита Кирского¹³ и других богословов. Более того, помимо указанных

¹⁰ «И Ты обратил сетование мое в ликование... препоясал меня веселием» (Пс 29:12); «...поставивший горы силою Своею, препоясанный могуществом» (Пс 64:7); «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею» (Пс 44:4).

¹¹ Толкование на Мф 3:4: «Но для чего, скажешь ты, Иоанн вместе с одеждою носил и пояс? Таков был обычай древних, прежде чем вошла в употребление одежда мягкая и раздувающаяся. Так опоясывался Петр, равно как и Павел... Так же одет был Илия; так же одевался и каждый из святых, потому что они непрестанно были в деле: или путешествовали, или чем-нибудь другим нужным занимались и трудились. Впрочем, не по одной только этой причине они одевались таким образом, но еще и потому, что пренебрегали всякими украшениями и любили жизнь строгую и суровую» [24 т. 7, кн. 1, с. 104–105].

Толкование на Еф 6:14: «Не о чувственном препоясании говорит (апостол); в этом месте он выражается иносказательно... Человека рассеянного и преданного пожеланиям, у которого помыслы устремлены долу, он обуздывает посредством опоясания, не допуская его таким образом терпеть препятствие от одежд, покрывающих его голени, и давая ногам его полную свободу бежать... Говорит здесь о чреслах, потому что как для кораблей киль, так для нас чресла: они – опора всего тела. По словам врачей, они составляют основание, и на этом-то основании строится все (тело). Когда же он опоясывает чресла, то тем самым укрепляет нашу душу, – потому что он понимает не телесные чресла, но чресла в смысле духовном... Ровно и пояс для того и употребляется на войне, чтобы сбечь и охранить наше основание... Пусть то же, говорит (апостол), наблюдается и в отношении к душе... а здесь чем опояшемся? Главою наших помыслов, то есть истинною... Кто ищет истины, тот не пристращается к земле, потому что все неистинное – от земли. Это видно из того, что все внешние (язычники) служат страстям, следуя собственным мудрованиями... Они не были препоясаны истинною. Потому-то и ослабли их чресла...» [24 т. 11, кн. 1, с. 203–104].

¹² Толкование на Мф 3:4: «Он говорит: “из волос”, а не: “из шерсти”. Одно служит для обозначения одежды крайне скромной, а другое – роскоши человека изнеженного. Пояс же кожаный, которым был опоясан Илия (4 Цар 1:8), обозначал умерщвление» [25 с. 28].

¹³ Толкование на Еф 6:14: «Апостол прежде всего показывает ненасытность похотения, потому что в чреслах лежат почки, а в них заключена сила похотения... Посему повелевает препоясать чресла истинною, чтобы вождеделали мы истинного и постоянно пребывающего» [26 с. 423–424].

фрагментов, в Священном писании находилось довольно много упоминаний пояса и препоясывания, которые попадали в поле зрения христианских экзегетов и получали соответствующий богословский комментарий. Богословские комментарии на тему пояса могли бы стать предметом отдельного пространного исследования. Тем не менее первичные наблюдения по этому поводу дают повод думать, что в центре внимания богословов прежде всего оказывались вышеупомянутые новозаветные тексты: фрагмент из Послания апостола Павла к Ефесянам и описание Иоанна Крестителя (из Евангелий от Матфея и Марка), в свою очередь восходящее к ветхозаветному отображению пророка Илии¹⁴.

Явственно влияние указанной традиции прослеживается и в древнерусских экзегетических памятниках. Так, в Толковой Палее, в одном из отрывков Анна, мать пророка Самуила, пророчит: «...лука сильныхъ изнеможе, а немощни *препоясашася силою*». Толкование на это пророчество такое: «Силни бо бѣсте тогда, имже Господь бѣ с вами (евреями. – М. А.), иже безъ оружия страны языкъ наслѣдовасте... Да того ради вы, силни, от лука своего изнемогосте, мы (бывшие язычники, нынешние христиане. – М. А.) же оубо, немощни бывше иногда, но *препоясахомъся силою Владыки нашего Иисуса Христа*» [28 с. 469–470].

В сочинении свт. Кирилла Туровского «Сказание о черноризском чине» о монашеском поясе говорится: «Пояс же усянь кожьныя ризы являя мъртвость...» [29 с. 358], что перекликается с приводимым выше толкованием блаж. Иеронима Стридонского¹⁵. Однако далее в «Сказании» святитель обогащает существующую традицию истолкования пояса, предлагая новые символические сопоставления из Ветхого и Нового Заветов: «Пояс же – крестныя смерти осужение, ею же Адама обожжи, за нь же связан водим быст, по писанию: Есть поясан правдою, и истиною обит в ребра своя (Ис 63:1); – и по сему образу скимный, с праздники, пояс, от Адама и до Арона, и обою закону Христомъ съвершенъ» [29 с. 359].

Таким образом, символика пояса имела богатое экзегетическое основание, влияние которого через посредство переводных византийских памятников нашло отражение в древнерусской оригинальной книжности (Повести временных лет, Толковой компиляции, Мериле праведном, Толковой палее, сочинениях свт. Кирилла Туровского).

До этого момента мы пытались выявить распространенные в Византии и в Древней Руси ключевые идеи христианской сим-

¹⁴ «...муж космать и поясъ оусмянь о чреслѣхъ его» (4 Цар 1:8) [27].

¹⁵ См. выше примеч. 12.

волики пояса, которые могли оказать влияние на отразившиеся в ПВЛ представления о мусульманах. Проведенный нами анализ показал, что исходная семантика препоясывания, по всей видимости, задавалась новозаветными текстами, в которых оно символизировало воздержание и твердое стояние в истине на службе Богу. Следовательно, летописное упоминание об отсутствии пояса на молящихся волжских булгарах могло служить свидетельством как плотской невоздержанности мусульман, так и отсутствия истины в их учении.

Неподпоясанные сарацины в Толковании на Евангелие от Матфея Феофилакта Болгарского

Тем не менее сделанное выше косвенное заключение находит и прямое подтверждение, которое было нами обнаружено в еще одном экзегетическом сочинении – «Толковании на Евангелие от Матфея»¹⁶ архиеп. Феофилакта Болгарского:

«Ева(нге)лїе: Сам же Іоаннь имаше одеждо свою от влась вель-блоуждь... и поясъ кожанъ очревлень его. Толк. Всі с(вя)тїи въводят-ся препоясани от Писанїя, яко въ дѣле соуще (*нерадивїи же и пищнїци не пояшутся, яко н(ы)нѣ Срачини*), или яко стр(ас)ти оум(е)ртвите похотныя: кожа бо м(е)ртвы животины часть есть» [30 Стб. 2168].

Архиепископ Феофилакт Болгарский, известный византийский богослов, составил Толкования на Четвероевангелие на рубеже XI–XII вв. Их древнейший славянский перевод был выполнен не позднее начала XII в. [31 с. 5]. Датировка его стала возможна благодаря обнаруженной Ф. Томсоном [32 с. 24] в Мстиславовом евангелии (1117 г.) цитате из толкования Феофилакта на Мф 5:2.

Текст приведенного выше толкования являлся фактически современным Повести временных лет. В обоих памятниках нашли отражение общие для византийской и древнерусской книжности представления об отсутствии пояса на мусульманах. Более того в Толковании Феофилакта эта тема получила соответствующий комментарий, согласно которому мусульмане не подпоясывались, поскольку были «нерадивїи же и пищнїци». В данном истолковании

¹⁶ Ниже приводится текст по Успенскому списку ВМЧ, в котором «Толкование на Евангелие от Матфея» приводится в древнейшей краткой редакции памятника.

привлекает особое внимание редкая лексема «пищници» (в греческом оригинале «*τροφῆλοῖ*» [33 с. 173] – изнеженные, любители поест и вообще насладиться), которая не вошла ни в один из известных словарей древнерусского языка¹⁷. Думается, что наименование «пищници» восходит этимологически к лексеме «пища» в значении «излишество, беспутный образ жизни» [34 с. 64]. На это указывает и то, что в позднейшем славянском переводе исследуемый фрагмент текста толкования был переведен как: «Понеже бо нерадивїи и лѣнивїи, и *пищи присно прилежащїи*, не опоясоуются, якоже и нынѣ Страцини» [30 стб. 2167]. Можно также предположить, что «пищници» – редкий южнославянизм. На это, в частности, указывает то, что данный термин обнаруживается в «Житии и подвигах преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия Чудотворца», написанном Пахомием Сербом¹⁸. Контекст употребления лексемы в Толковании и Житии схож (осуждение грешников, нечестивых), это говорит о том, что, по-видимому, в обоих случаях ее значение было идентичным: «предающиеся излишствам, беспутству».

Заключение

Таким образом, в Толковании отразилось мнение о том, что мусульмане не подпоясываются, которое, исходя из существовавшей традиции богословского истолкования пояса, трактовалось как признак нерадивости мусульман, их лени и пристрастия к наслаждениям. В Повести временных лет в описании мусульманской молитвы лишь упоминалось, что мусульмане молятся без пояса, однако общая характеристика волжских булгар, данная в Сказании об испытании вер, безусловно, близка оценке сарацин в Толковании.

Очевидно, что и Толкование, и ПВЛ в данном случае отразили некие общие для византийской и древнерусской книжности

¹⁷ Присутствующее в них слово «пищникъ» («воспитанник», «питомец») имеет совсем иное значение [34 с. 66]. Тем не менее слово «пищници» (именительный падеж, множественное число), по-видимому, в единственном числе преобразовывалось в «пищникъ». Тогда можно предположить, что в Толковании мы сталкиваемся с лексемой «пищникъ», употребленной в омонимичном значении.

¹⁸ В предисловии к указанному памятнику говорится: «Въспомянемъ, братїе, колицы силїи и богатїи и пищници от вѣка быша и ни единого и(х) память с похваленїемъ бысть; но с вѣкомъ симъ и приврѣмненны(м) симъ житїемъ купно разрушишася и погибоша» [35 стб. 2891].

представления о мусульманах, бытовавшие на рубеже XI–XII вв.¹⁹ Тем не менее появление в Древней Руси перевода Толкования на Евангелие от Матфея Феофилакта Болгарского в период создания Повести временных лет дает возможность предположить, что взаимодействие двух памятников могло быть непосредственным. Исследуемый фрагмент летописи мог возникнуть под влиянием сочинения Феофилакта Болгарского. Такую вероятность, безусловно, нельзя исключить, однако она требует более внимательно исследования Толкования на предмет его пересечения с летописью.

Литература

1. Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей). Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 762 с.
2. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект, 2001. 880 с.
3. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
4. Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М.: Языки славянских культур, 2006. 312 с.
5. Баловнев Д.А. Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. Сб. 4 / Отв. ред. В.М. Лавров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 5–46.
6. Гитциус А.А. Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 20–23.
7. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
8. Андрейчева М.Ю. Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // Одиссей: Человек в истории. 2014: *Imitatio Christi* в религиозной культуре Средневековья и раннего

¹⁹ Возможно, для византийской интеллектуальной среды мнение Феофилакта Болгарского было маргинальным. На это указывает то, что его современник Евфимий Зигавин в своем Толковании на Евангелие от Матфея заимствует исследуемый нами фрагмент сочинения Феофилакта, выкинув из него упоминание о сарацинах: «Πάντες οἱ ἄγιοι ἐξωσμένοι εἰσάγοντα παρὰ τῆ Γραφῆ, ὡς αἰὲν ἐν ἔργῳ ὄντες. Οἱ γὰρ ἀμελεῖς καὶ τρυφήλοι οὐ ζώνουνται. [у Феофилакта фразу продолжает «ὡς νῦν οἱ Σαρακηνοί» [33 с. 173]. – М.А.] Ἦ ὅτι ἐνέκρωσαν τὰ πάθη τῆς ἐπιθυμίας τὸ γὰρ δέρμα, νεκροῦ ζῶου ἐστὶ μέρος» [36 с. 160–161]. Евфимий был близко знаком с темой ислама, посвятив полемике с сарацинами целую главу в своем сочинении «Догматическое всеоружие» [37]. Отсюда можно предположить, что он мог исключить из заимствуемого отрывка обвинение против сарацин, сочтя его не соответствующим действительности.

- Нового времени / Под общ. ред. А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 2015. Вып. 25. С. 406–416.
9. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1, ч. 1. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1901. 968 с.
 10. *Nicolaus I P.P.* Epist. 99 (Responsa ad consulta Bulgarorum) / Ed. E. Perels // *Epistola Karolini aevi*. Т. 4. Berolini, 1925. P. 568–600. (*Monumenta Germaniae Historica. Epistolae*. Т. 6)
 11. *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (XI–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
 12. *Тимон-Рудковская М.М.* Пояса и опоясывание в древнерусской письменной традиции XII–XV вв.: Семантика образа. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 162 с.
 13. *Титмар Мерзебургский.* Хроника: В 8 кн. / Пер. с лат. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2005. 419 с.
 14. Книга потребник-требник. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1878. 164 с.
 15. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8: Деяния и послания апостолов. Апокалипсис. М.: Музей Библии, Издательский отдел МП, 1992. 512 с.
 16. *Афанасьева Т.И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: Исследования и тексты. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 393 с.
 17. *Красносельцев Н.Ф.* Древние толкования литургии как источник ее истории // Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань: Тип. Императорс. ун-та, 1885. С. 305–375.
 18. *Св. Герман Константинопольский.* Сказание о Церкви и рассмотрение таинств / Вступ. ст. П.И. Мейендорфа; пер. и предисл. Е.М. Ломизе. М.: Мартис, 1995. 90 с.
 19. *Турилов А.А.* Герман I: в средневековой славянской книжности // Православная энциклопедия. Т. 11. М.: Церков.-научн. центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 257.
 20. *Павлов А.* Номоканон при Большом требнике: Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. 520 с.
 21. Завет мнихом уным в кельи житье // Невоструев К.И. Материалы для истории Русской Церкви. Т. 1. Харьков: Университ. тип., 1862 (прил. к журн. «Духовный вестник»). С. 23–25.
 22. *Алмазов А.И.* Тайная исповедь в православной Восточной церкви: Опыт внешней истории: Исследования преимущественно по рукописям: В 3 т. Т. 1: Общий устав совершения исповеди. [2], IV, XVI, 596, IV с.; Т. 2: Специальные уставы, отдельные молитвословия и церковно-гражданские постановления, относящиеся к исповеди. [2], II, [2], 454, IV с.; Т. 3: Приложения. [2], IV, VI, [2], 296, [2], 90, XVIII, IV с. Одесса: Типо-лит. штаба Одесского военного округа, 1894.
 23. *Вершинин К.В.* Об одном источнике Мерила Праведного и Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 5–8.
 24. Полное собрание творений святого Иоанна Златоуста: В 12 т. СПб.: Санкт-Петербург. дух. академия, 1895–1906.

25. Блаженного Евсевия Иеронима, пресвитера Стридонского четыре книги толкований на Евангелие от Матфея: Пер. с лат. / Вступ. ст. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: Учеб.-информ. экуменический центр ап. Павла, 1998. 269 с.
26. Творения блаженного Феодорита, епископа Кирского. М.: Паломник, 2003. 717 с.
27. Библия сиречь книги Ветхого и Нового завета, на языке словенском. Острог: Тип. К.К. Острожского, 1581. 628 л.
28. Палея Толковая / Пер. с древнерус. А. Камчатнова. М.: Согласие, 2002. 648 с.
29. *Кирилл Туровский*. Кюрила епископа Туровьскаго сказание о черноризьчѣстѣмъ чину, от ветхаго закона и новаго: оного образ носяща, а сего дѣлы съвършающа // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 355–361.
30. *Феофилакт, архиеп. Болгарский*. Толкование на Евангелие от Матфея // Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием: Ноябрь, тетрадь 1, день 16. М.: Изд. Император. Археограф. комиссии, 1910. Стб. 2136–2380.
31. *Пичхадзе А.А.* К текстологии древнейшего перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011: Сб. ст. М.: Древлехранилище, 2011. С. 5–29.
32. *Thomson Fr.J.* Addenda // Thomson Fr.J. The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Aldershot [etc.]: Ashgate, cop., 1999. P. 1–55.
33. *Theophylactus Bulgariae archiep.* Enarratio in Evangelium Matthaei // Patrologiae cursus completes / Ed. by J.-P. Migne, T. 123. P.: Garnier Frères, 1864. P. 143–488. (Series Graeca Prior)
34. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15: Персть – Подмышка. М.: Наука, 1989. 288 с.
35. Житие и подвиги преподобного Никона, ученика блаженного Сергия Чудотворца // Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием: Ноябрь, тетрадь 3, день 17–22. М.: Издание Императорской Археограф. комиссии, 1914. Стб. 2891–2912.
36. *Euthymius Zigabenus.* Evangelii secundum Matthaеum Enarratio // Migne J.-P., ed. Patrologiae cursus completes. P. 107–766. (Series Graeca Prior)
37. *Евфимий Зигавин*. Против сарацин (Догматическое всеоружие, 28 глава) / Пер. Е.П. Орехановой // Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии) / Под ред. Ю.В. Максимова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 169–186.

References

1. Laurentian Chronicle (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; 2001. 762 p. (In Russ.)
2. Shakhmatov AA. Research on the Russian Chronicles. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2001. 880 p. (In Russ.)
3. Priselkov MD. The history of Russian chronicles writing in 11th – 15th. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 1996. 325 p. (In Russ.)

4. Bugoslavskii SA. Ancient Russia Texts Studies. Vol. 1: Tale of Bygone Yeras. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 2006. 312 p. (In Russ.)
5. Balovnev DA. The legend "On the prime spread of Christianity in Russia." Critical Analysis Essay. V: Lavrov VM., ed. *The Church in the history of Russia*. Coll. 4. Moscow: IRI RAN, 2000. p. 5-46. (In Russ.)
6. Gippius AA. Baptism of Russia in the Tale of Bygone Years. On text stratification. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2008;3:20-3. (In Russ.)
7. Likhachev DS. Russian chronicles and their cultural and historical significance. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ.; 1947. 499 p. (In Russ.)
8. Andreicheva MYu. Muslims, Catholics and Jews in the chronicle story about the choice of faith by Prince Vladimir. Images and meanings. V: Chubar'yan AO., ed. *Odysseus. The man in the history. 2014. Imitatio Christi in the religious culture of the Middle Ages and Early Modern Times*. Moscow: Nauka Publ.; 2015. Iss. 25. p. 406-16. (In Russ.)
9. Golubinskii EE. Russian Church History. Vol. 1, chapter 1. Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ.; 1901. 968 p. (In Russ.)
10. Nicolaus I PP. Epist. 99 (Responsa ad consulta Bulgarorum). V: *Epistola Karolini aevi*. Vol. 4. Berolini, 1925. p. 568-600. (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. Vol. 6)
11. Murasheva VV. Old Russian belt plate decorations. (11th-13th). Moscow: Editorial URSS Publ.; 2000. 136 p. (In Russ.)
12. Timon-Rudkovskaya MM. Belts and girdling in the old Russian written tradition of the 12th – 15th centuries. Semantics of the image. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing Publ.; 2012. 162 p. (In Russ.)
13. Titmar Merzeburgskii. Chronicle. 8 books. Moscow: Russkaya panorama Publ.; 2005. 419 p. (In Russ.)
14. The ritual and prayer-book. Sankt-Peterburg: Obshchestvo lyubitelei drevnei pis'mennosti Publ.; 1878. 164 p. (In Russ.)
15. The Bible of 1499 and the Bible in a synodal translation. V. 8: Acts and Epistles of the Apostles. Apocalypse. Moscow: Muzei Biblii, Izdatel'skii otdel MP Publ.; 1992. 512 p. (In Russ.)
16. Afanas'eva TI. Old Slavic interpretations for liturgy in the 12th - 16th handwritten tradition, studies and texts. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ.; 2012. 393 p. (In Russ.)
17. Krasnosel'tsev NF. Ancient interpretations of the liturgy as the source of its history. V: *Information about some liturgical manuscripts of the Vatican Library*. Kazan': Tip. Imperatorskogo universiteta Publ.; 1885. p. 305-75. (In Russ.)
18. Sv. German Konstantinopol'skii. Legend of the Church and the consideration of the sacraments/Intr. by P.I. Meyendorf; transl. and foreword by E.M. Lomidze. Moscow: Martis Publ.; 1995. 90 p. (In Russ.)
19. Turilov AA. Hermann I in the medieval Slavic book. V: *Orthodox encyclopedia*. Vol. 11. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ.; 2006. p. 257. (In Russ.)
20. Pavlov A. Nomocanon with the Big Prayer-book. Its history and texts, Greek and Slavic, with explanatory and critical notes. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya Publ.; 1897. 520 p. (In Russ.)

21. Commandments to young monks. V: Nevostruev KI. *Materials for the history of the Russian Church*. Vol. 1. Khar'kov: Universitetskaya tipografiya Publ.; 1862 (Supplement to the Magazine "Dukhovnyi vestnik"). p. 23-5. (In Russ.)
22. Almazov AI. Secret confession in the Eastern Orthodox Church. Experience of external history. Research done mainly on manuscripts. 3 vol. Vol.1: The general charter of the confession. [2], IV, XVI, 596, IV p.; Vol. 2: Special charters, separate prayers and church-civil ordinances related to confession. [2], II, [2], 454, IV p.; Vol. 3: Supplements. [2], IV, VI, [2], 296, [2], 90, XVIII, IV p. Odessa: Tipo-lit. shtaba Odesskogo voennogo okruga Publ.; 1894. (In Russ.)
23. Vershinin KV. On one source of the Righteous Standard and Nomocanon (Kormchaya). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017;1:5-8. (In Russ.)
24. The complete collection of the works of St. John Chrysostom. 12 vol. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya Publ.; 1895-1906. (In Russ.)
25. Four Books of Interpretation on the Gospel of Matthew by Blessed Eusebius Jerome, Prester of Stridon. Transl. from Latin/Foreword by I.N. Golenichshev-Kutuzov. Moscow: Uchebno-informatsionnyi ekumenicheskii tsentr apostola Pavla Publ.; 1998. 269 p. (In Russ.)
26. Works by Blessed Theodoret Bishop of Kirk. Moscow: Palomnik Publ.; 2003. 717 p. (In Russ.)
27. The Bible or the books of the Old and New Testaments, in the Slovene language. Ostrog: Tipografiya KK. Ostrozhskogo Publ.; 1581. 628 l. (In Russ.)
28. "Palea Tolkovaya" (Commenting narration of the Byble). Moskow: Soglasie Publ.; 2002. 648 p. (In Russ.)
29. Kirill Turovskii. The legend of the person bearing an image of the old and new testaments monk and performing nowadays deeds by Cyrill the Byshop of Turov. V: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 12. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ.; 1956. p. 355-61. (In Russ.)
30. Feofilakt, arkhiep. Bolgarskii. Interpretation of the Gospel of Matthew. V: *The Great Menanion Reader, gathered by the All-Russian Metropolitan Macarius. November, part 1, day 16*. Moscow: Izdanie Imperatorskoi Arkheograficheskoi komissii Publ.; 1910. Col. 2136-380. (In Russ.)
31. Pichkhadze AA. On the textology of the oldest translation of the Explicit Gospel of Theophylact of Bulgaria. V: *Linguistic source study and the history of the Russian language 2010–2011. Sat. articles*. Moscow: Drevlekhranilishche Publ.; 2011. p. 5-29. (In Russ.)
32. Thomson Fr.J. Addenda. V: Thomson Fr.J. *The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia*. Aldershot [etc.]: Ashgate, cop., 1999. p. 1-55.
33. Theophylactus Bulgariae archiep. Enarratio in Evangelium Matthaei. V: Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completes*. Vol. 123. Paris: Garnier Frères, 1864. p. 143-488. (Series Graeca Prior)
34. Dictionary of the Russian language of 11th-17th centuries. Iss. 15: Finger - Armpit. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 288 p. (In Russ.)
35. Life and deeds of St. Nikon, the disciple of the blessed Sergius the Wonderworker. V: *The Great Menanion Reader, gathered by the All-Russian Metropolitan Macarius. November, part 3, days 17-22*. Moscow: Izdanie Imperatorskoi Arkheograficheskoi komissii Publ.; 1914. Col. 2891-912. (In Russ.)

36. Euthymius Zigabenus. *Evangelii secundum Matthaem Enaratio*. V: Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completes*. Vol. 129. Paris: Garnier Frères, 1864. p. 107-766. (Series Graeca Prior)
37. Evfimii Zigavin. *Against the Saracen (Dogmatic Armament, Chapter 28)*. V: Maksimov YuV., ed. *Byzantine writings on Islam (translation of texts and comments)*. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU Publ.; 2012. p. 169-86. (In Russ.)

Информация об авторе

Марианна Ю. Андрейчева, кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; anutado@rambler.ru

Information about the author

Marianna Yu. Andreycheva, PhD in History, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 19, Dmitriy Ulyanov st., Moscow, Russia, 117292; anutado@rambler.ru

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-106-118

«Восточничество» Э.Э. Ухтомского: основы формирования геополитической концепции

Константин А. Медведев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tесcedvecceд@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить причины становления идеи «восточничества» во взглядах известного русского мыслителя рубежа XIX–XX вв. Эспера Эсперовича Ухтомского.

На основе опубликованных работ мыслителя, а также ряда архивных материалов автор пытается проследить, каким образом идеи Ухтомского вписываются в контекст указанной эпохи, выявить те процессы, которые могли оказать существенное влияние на творчество мыслителя.

Особенностью исследования является стремление автора не столько репрезентовать концепцию Ухтомского, касающуюся как политической, так и культурной необходимости поворота России на Дальний Восток, сколько представить различные аспекты политического, социального, психологического, культурного и иного характера, которые способствовали формированию концепции «восточничества». В статье рассматривается не сама идея, но тот интеллектуальный мир, в котором она находилась.

Автор прибегает к использованию некоторых аспектов интеллектуальной истории, получившей в последние десятилетия распространение в отечественной и зарубежной историографии.

На основе изученных данных делается вывод о том, что идея «восточничества» была сформулирована Эспером Эсперовичем Ухтомским под влиянием как личностных факторов, так и общей интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: история России, Эспер Эсперович Ухтомский, восточничество, интеллектуальная история

Для цитирования: Медведев К.А. «Восточничество» Э.Э. Ухтомского: основы формирования геополитической концепции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 106–118. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-106-118

The Easternism of E.E. Ukhtomskii. Geopolitical concept formation

Konstantin A. Medvedev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, meccedvecced@mail.ru

Abstract. The author of the article makes an attempt to elicit reasons for the Easternism formation in the ideas of famous Russian intellectual Esper Esperovich Ukhtomskii at the turn of 19th – 20th centuries.

On the basis of some published and archival materials the article demonstrates in what way Ukhtomskii's ideas might be included into the context of modern time. He also elicits different aspects that could influence the philosopher's work.

The specific feature of the research is not so much to represent the concept of Ukhtomskii that concerns political and cultural necessity of the Russia's turn to the Far East but rather to demonstrate different aspects of political, social, psychological, cultural and other properties which prompted the creation of the Easternism. The article does not represent the concept itself but the intellectual sphere that includes this idea, referring to some aspects of intellectual history that was spread in Russian and foreign historiography in recent years.

The author concludes arguing that the idea of the Easternism was formulated by Esper Esperovich Ukhtomskii under the influence of personal factors and common intellectual tradition at the turn of 19th – 20th centuries.

Keywords: History of Russia, Esper Esperovich Ukhtomskii, Easternism, intellectual history

For citation: Medvedev KA. The Easternism of E.E. Ukhtomskii. Geopolitical concept formation. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:106-118. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-106-118

Введение

Во второй половине XIX столетия Россия пыталась следовать общим тенденциям в области постижения, проникновения, освоения Востока. Активное продвижение на Восток в течение трех веков привело некоторых русских мыслителей и публицистов к необходимости осмысления этого уникального феномена как части общеевропейского колониального движения [1 с. 219]. Между тем в России, в отличие от многочисленных интеллектуальных традиций европейских стран, получило распространение течение, которое не просто связывало русский народ с Азией, но по сути рассматривало его в качестве одного из азиатских. Речь здесь идет о «восточничестве».

«Восточничество» является одной из тем, которые попали в поле зрения отечественных исследователей лишь на современном этапе развития историографии. В.В. Суворов представляет его в качестве системы взглядов целой плеяды отечественных интеллектуалов на проблему расширения России на Восток, что, по мнению автора, возводит данное течение в ранг имперской идеологии [2 с. 5]. Действительно, в конце XIX в. «восточничество» занимало умы многих представителей интеллектуальной элиты, включая и самого императора Николая II. Представления о родственности российской и азиатской культур являлись одним из важных проектов, формировавшим общую картину отечественной геополитической мысли. В свою очередь, при создании этой картины невозможно обойти вниманием тему «восточничества», а равно и тех людей, которые продвигали данную концепцию в жизнь. В настоящем материале предлагается остановиться на одном из оплотов данной концепции – князе Эспере Эсперовиче Ухтомском (1861–1921).

В советской историографии не проводилось значительных исследований, раскрывавших личность Э.Э. Ухтомского. Перелом наступил лишь в последние десятилетия. Здесь, однако, необходимо отметить, что личность Э.Э. Ухтомского остается главным образом в поле зрения тех исследователей, чьи профессиональные интересы находятся в области изучения различных идей и концепций (в том числе и геополитических), высказывавшихся в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. Примером тому может служить исследование А.В. Репникова, в котором рассматриваются консервативные концепции переустройства России [3]. Тем не менее сама личность князя также все больше привлекает внимание исследователей. Для подтверждения этого можно обратиться к двум диссертациям [4,5], непосредственно посвященным личности князя, не говоря уже о различных статьях [6,7], раскрывающих аспекты жизни Э.Э. Ухтомского. Однако для современной исторической науки показателем актуальности изучения такой фигуры, как Э.Э. Ухтомский, являются не столько публикации, раскрывающие саму личность автора, сколько все большее обращение отечественных и зарубежных исследователей к интеллектуальной жизни России конца XIX – начала XX в. Концепцию «восточничества», как правило, нельзя обойти вниманием при изучении подобного рода вопросов. Неслучайно канадский исследователь Д. Схимальпенник ван дер Ойе в своей монографии [8] выделил данное направление отечественной мысли в качестве одной из четырех фундаментальных составляющих, формировавших российскую геополитическую мысль накануне Русско-японской войны. Таким образом, актуальность изучения концепции «восточничества», а

также самой личности князя Э.Э. Ухтомского, обуславливается общими тенденциями современной отечественной и зарубежной историографии.

Исходя из вышеизложенного, в настоящем материале предполагается сосредоточить внимание на личности Э.Э. Ухтомского. Целью данного исследования является изучение тех факторов, которые могли формировать «восточнические» взгляды Э.Э. Ухтомского. Пытаясь понять те причины, которые обусловили обращение Э.Э. Ухтомского к «восточничеству», необходимо обращать внимание не столько на сами факты, сколько на процесс, на то, как те или иные события, явления оказывали влияние на представления современников.

Основы формирования концепции

Рассматривая личность Э.Э. Ухтомского, в первую очередь необходимо обратить внимание на моменты политического свойства. Во второй половине XIX столетия сразу несколько факторов подтолкнули русскую общественность к обращению на Восток. Поражение России в Крымской войне вызвало у русской общественности разочарование в Европе, сформулировало враждебный образ европейцев, которые не желают мириться с российским величием [9 с. 125]. Господствовавшая в общественной мысли идея относительно геополитических интересов России в Европе, конечно, не была сломлена, однако вступила в стадию кризиса, который заставил политическую элиту искать некоторую альтернативу движению на Запад.

«Мы опоздали! Англичане готовятся властно вторгнуться в царство Далай-ламы. Очевидно, назревает необходимость для русского общества ближе познакомиться с известного рода вопросами, стоящими ныне на очереди, благодаря своему научному и политико-экономическому значению» [10 с. 3]. Данное заявление было сделано Э.Э. Ухтомским в сочинении, выпущенном в 1904 г. по случаю предпринятой англичанами военной экспедиции в Тибет. Широкое внимание к противостоянию России и Англии в политической, военной и иных сферах являлось давней традицией отечественной политической мысли. Активные действия Британской империи в Азии вызывали у многих представителей российской интеллектуальной элиты соответствующую реакцию, выражавшуюся, в частности, в призыве защищать российские интересы на Востоке. Противостояние России и Англии на протяжении XIX столетия способствовало выработке в общественном сознании негативного

восприятия любых начинаний островного государства, которые прямо или косвенно затрагивали интересы Российской империи. Подобные представления общества об Англии были довольно привычным делом. Неслучайно в том же «Новом времени» – печатном органе, в котором активно выражались «восточнические» позиции, – сама Англия, равно как и ее любые продвижения на Восток, воспринимались аналогичным образом. В связи с этим реакция князя на происходившие события, равно как и общий выработанный им восточный курс, могли стать результатом общих политических тенденций.

Что же касается политических взглядов самого князя, то тут оценки исследователей расходятся. Исходя из общих положений «восточничества», по мнению современных исследователей, Э.Э. Ухтомского можно отнести к крылу консерваторов [5 с. 83]. В то же время активная работа князя на данном посту, заключавшаяся в том числе в осуждении чрезмерной русификаторской политики правительства по отношению к народам Востока, настроила против князя многих консерваторов. Впрочем, симпатии Ухтомского к самодержавию, равно как и к самому Николаю II, не вызывали ни у кого особых сомнений. Важность сохранения и укрепления самодержавия в России Ухтомский обосновывал тем, что «без него Азия не способна искренно полюбить Россию и болезненно отождествиться с ней» [11 с. 87]. По всей видимости, представления о глубоких традициях сильной, единоличной, централизованной власти, укоренившейся в России, находили определенное выражение в представлениях Э.Э. Ухтомского и других сторонников «восточничества» об азиатских культурах. Этим и обусловливается симпатия князя к «деспотиям» Востока в противовес «парламентизированным» странам Запада.

Большое значение в своей концепции Э.Э. Ухтомский отводил религиозным и национальным проблемам. Российская империя на рубеже XIX–XX вв. включала в свой состав многочисленные народы, разделяемые как по национальному, так и по религиозному признаку. С восхождением на престол Александра III и началом эпохи контрреформ политика в отношении национальных меньшинств была изменена в сторону ограничения их прав на самоопределение [12 с. 68]. Данные действия вызвали ответную реакцию у части отечественных интеллектуалов, призывавших императора смягчить свою политику. Не стал исключением и Э.Э. Ухтомский.

Как отмечает В.В. Суворов, процесс становления «восточнических» взглядов Э.Э. Ухтомского имеет тесное соприкосновение с общим процессом формирования национального самосознания,

происходившим в Российской империи [5 с. 168]. На рубеже XIX–XX столетий осуществлялись попытки формирования национальной идентичности как у отдельных народов, так и у «титulyного этноса» России. Многие мыслители стремились к определению места русского народа в условиях сосуществования с другими народами и странами. В представлениях Ухтомского, будущее России лежало в Азии, которая, в отличие от враждебной Европы, считала русский народ для себя родным. Тем самым «восточничество» Ухтомского могло стать следствием поиска национальных ориентиров, происходившего в России в указанное время. Неслучайно сам князь отмечал обеспокоенность тем, что Россия в Боксерском восстании, которое также являлось следствием роста национальных настроений, но уже в Поднебесной, и которое грозило, по мнению Ухтомского, перерасти в «страшный водоворот», охвативший всю Азию, поддерживала европейские государства, а не родственную ей китайскую культуру [11 с. III].

Немаловажным аспектом при рассмотрении причин обращения Э.Э. Ухтомского к «восточничеству» являются представления о научном знании на рубеже XIX–XX вв. Если говорить о главной парадигме научного знания XIX в., то в сознании современного ученого, как правило, сразу возникает понятие «позитивизм».

Как следует из названия, данное направление стремилось к нахождению сугубо «позитивного», т. е. объективного, знания, основанного исключительно на эмпирических, т. е. чувственных, положениях [13 с. 289]. Э.Э. Ухтомского, как и многих других мыслителей рассматриваемого времени, интересовали научные вопросы, связанные с восточными учениями и народами. Однако, обращаясь к основным положениям «восточничества», к тем высказываниям, которыми оперирует сам мыслитель, можно сделать вывод о преобладании во взглядах автора противоречащей позитивизму иррациональной составляющей. При ответе на вопрос о родстве России и Азии Ухтомский приводит следующие слова: «Народное мифологизирующее творчество не дремлет. Чем бодрее на Азию наступает Европа, тем светлее там озаряется в устах молвы и предания Белый Царь» [11 с. 45]. Использование подобного выражения говорит о значительном преобладании в концепции Ухтомского метафизической составляющей. Идея «Белого царя» способствует формированию в представлении читателя определенного чувственного образа, закрепляющего в сознании идею родственности русской и восточной культур.

Однако было бы ошибочным полагать, что идеи «восточничества» являются аномальным явлением, которое шло вразрез с преобладавшими в то время критериями научного знания.

Появление «восточничества» Ухтомского является закономерным итогом общих процессов, происходивших в научном знании на рубеже XIX–XX вв. Как в европейской, так и в российской интеллектуальной сфере позитивистская вера в науку и разум переживала глубокий кризис [8 с. 78]. Ученые и мыслители пытались найти некоторую альтернативу сложившейся парадигме, в том числе обращаясь к мифической стороне Востока.

Многочисленные перемены, происходившие в научной сфере, затронули и многие проблемы исторического характера. Во второй половине XIX в. все больше исследователей стали обращаться в сторону Азии. Отечественная историография, которая ранее предпочитала отрицать влияние восточных, в частности монгольской, культур в процессе формирования Российского государства, стала уделять данному вопросу заметно большее внимание [8 с. 86]. Все это, наряду с развитием востоковедения как самостоятельной отрасли знания, а также развитием исторической науки в целом [5 с. 175], не могло не способствовать оформлению «восточнических» идей Э.Э. Ухтомского.

Рассматривая взгляды Э.Э. Ухтомского, нельзя избежать и «личностного» фактора. Под данным термином подразумевается воздействие на геополитическую позицию князя его многочисленного окружения. Нельзя забывать, что зачастую приоритеты того или иного мыслителя оказываются под сильным воздействием тех людей, которые окружают его на протяжении долгого времени, а порой и в течение всей жизни. Ведь личностное знание способствует передаче тех представлений, которые теряются при перенесении их в безличную текстовую форму.

Э.Э. Ухтомский не стал исключением. Биография князя полна многочисленными фактами общения с умнейшими и наиболее уважаемыми людьми своего времени. Впрочем, особняком стоят семейные традиции князя. Вероятно, на интерес Э.Э. Ухтомского к Востоку повлияло домашнее окружение. Помимо того что сам Эспер Эсперович являлся потомком одного из героев Чесменского сражения, С.К. Грейга [14 с. 105], его отец – Эспер Алексеевич Ухтомский – был участником обороны Севастополя во время Крымской кампании, а позже входил в состав экипажа корвета «Витязь», совершившего кругосветное путешествие [6 с. 296].

Сам Э.Э. Ухтомский во многом стал известен благодаря своему фундаментальному труду, посвященному длительному путешествию на тот момент еще цесаревича Николая Александровича, совершенному в 1890–1891 гг. по странам Востока. В своем сочинении князь отзывается о данном мероприятии следующим образом: «Конечно, бывали путешествия и сложнее, и продолжительнее, и

опаснее, но едва ли было и едва ли может скоро повториться в мировой истории второе подобное путешествие, важное особенно потому, что его последствия пока еще неопределимы» [15 с. 2]. Данные слова отчетливо передают ту иррациональную составляющую, которая наполняет все творчество Ухтомского. Князь придает путешествию довольно глубокий метафизический смысл, формируя образ, соединяющий Россию с Азиатским континентом. Между тем само путешествие могло сыграть важную роль в оформлении «восточнических» взглядов мыслителя. Семейная традиция стала тем самым личностным знанием, укрепившим во взглядах Ухтомского симпатию к миру Востока, который ему удалось увидеть не только на страницах многочисленных изданий, но и собственными глазами. Немаловажен тот факт, что это плавание князь совершил вместе с будущим императором. Э.Э. Ухтомский стал одним из приближенных Николая II. Тесные отношения с самодержцем, его симпатии относительно продвижения России на Восток могли способствовать утверждению Ухтомского в мысли о том, что выбранный им путь является верным.

Необходимо принимать в расчет и взаимодействие Э.Э. Ухтомского с интеллектуальной элитой своего времени, в частности с В.С. Соловьевым, наставником князя. Творчество Соловьева, которое также определяло специфический путь России, во многом способствовало оформлению взглядов мыслителя. Важно взаимодействие Ухтомского и с другими учеными, философами, публицистами: П.А. Бадмаевым, А.С. Сувориным, В.П. Мещерским и другими [4 с. 29–30]. Примечательно, что князь входил в состав «тибетского лобби» при дворе императора, включавшего в себя небезызвестного П.П. Семенова-Тян-Шанского, а также великих князей – Николая Михайловича и Константина Константиновича [4 с. 44].

Рассматривая взгляды Э.Э. Ухтомского, нельзя исключать и психологический аспект. Концепция князя во многом основывается на иррациональной составляющей, поскольку мыслитель, выдвигая те или иные аргументы в пользу своей теории о родственной сути русской и восточной культур, зачастую оперирует сугубо чувственными, можно даже сказать, субъективными данными. Так, говоря об отношении русского народа к Китаю и Японии, князь отмечает «инстинктивное тяготение в сторону прочной и обоюдно полезной приязни с дальним Востоком» [11 с. 74–75]. Ухтомский во многом исходит из чисто субъективных умозаключений, которые, вполне вероятно, являются не столько следствием интеллектуальных тенденций рубежа XIX–XX вв., сколько особенностью психологического портрета самого мыслителя, который позволя-

ет воспринимать уже упоминавшееся путешествие цесаревича по странам Азии в качестве «замыкающего звена», определившего родственность российской и восточной культур [15 с. 319].

Как отмечает Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, представления о Востоке, циркулировавшие в российском обществе на рубеже веков, равносильны представлениям мыслителей о самой России [8 с. 18]. Данную мысль вполне возможно использовать при изучении личности Э.Э. Ухтомского. Иррациональные представления князя о родстве империи с Востоком могут являться следствием психологических особенностей личности Э.Э. Ухтомского, его принципов и приоритетов. Так, русский театральный деятель Сергей Михайлович Волконский давал князю следующую характеристику: «Это странная фигура. Что-то обаятельное по природным данным и вместе что-то раздражающее, способное в отчаяние привести по практической неприложимости. <...> Он говорил как-то мелко, рублено и с преимущественным уклоном к анекдоту. В силу последней привычки он бывал иногда забавен, иногда несносен» [4 с. 45]. Указываемые особенности порой прослеживаются и в творчестве Ухтомского, когда мыслитель, пытаясь аргументировать свои положения, прибегает к использованию привлекающих внимание выражений, которые в то же время были малопонятными для современников. В частности, на приеме у китайского императора, состоявшемся 14 мая 1897 г., Ухтомский произнес речь, в которой отметил, что среди всех европейских народов только русские являются тем народом, который имеет с Востоком единые духовные основания [Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 148. Оп. 487. Д. 59. Л. 34: Переписка, относящаяся к миссии Ухтомского, оправленного в Пекин для передачи подарков Богдыхану]. Надворный советник Павлов, находившийся вместе с Ухтомским в Пекине, сформировал следующее представление о князе: «По моему это человек проникнутый самыми лучшими намерениями по отношению России и нашей политике на Дальнем Востоке; но это – мечтатель, витающий в каких-то возвышенных сферах, заглядывающий за сто лет вперед, строящий свои заключения на каких-то темных и даже мистических теориях; о практическом же ведении дел имеющий самое смутное понятие; тем, что должно нас занимать в данный момент он, как будто, даже не интересуется» [Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 148. Оп. 487. Д. 59. Л. 55: Переписка, относящаяся к миссии Ухтомского, оправленного в Пекин для передачи подарков Богдыхану].

Приводимые Павловым слова лишний раз подчеркивают мнение В.В. Суворова о том, что «восточничество» Ухтомского

основывалось не только на рациональных расчетах, вызванных важностью освоения Дальнего Востока и укрепления своих позиций в регионе на рубеже веков, но и на довольно мифологизированных представлениях и интуитивных импульсах князя [5 с. 165].

Полнота осмысления «восточнической» концепции Э.Э. Ухтомского невозможна без обращения к философским тенденциям рассматриваемого времени. Одним из фундаментальных направлений, получивших распространение в отечественной философской традиции XIX – начала XX в., стала историософия, рассматривавшая вопросы смысла и цели исторического процесса. Следствием историософских изысканий становились представления о времени и направлениях движения различных культур, в том числе и российской. В свою очередь, одной из главных тем в данной области на рубеже веков стала конфронтация Запада и Востока как двух возможных путей для русского народа и России в целом [16 с. 3].

В Российской империи, в отличие от европейских стран, во времена идеологических кризисов, а также попыток самопознания Восток занимал важное место в интеллектуальной жизни [8 с. 19]. На протяжении XIX столетия во многом привычная европоцентристская модель была важной, но далеко не единственной концепцией, пользовавшейся авторитетом как в интеллектуальных, так и в политических кругах. В свою очередь, «восточничество» могло стать следствием многочисленных обращений к Востоку, имевших место в русской интеллектуальной традиции. Нельзя не принимать во внимание и определенный универсализм русской историософии, впитывавший в себя самые разные концептуальные формы [4 с. 188]. Данный универсализм получил выражение и в «восточнических» взглядах князя. Несмотря на весьма консервативные взгляды князя, выражавшиеся также и в поддержке самодержавия, Ухтомского сложно в полной мере назвать представителем консервативного крыла. Его взгляды, рассматривающиеся зачастую как протоевразийские, включали в себя самые разные тенденции рассматриваемого времени, в частности принципы социокультурного синтеза, которые отчетливо видны в трудах князя, когда речь идет о вопросах единства российской и китайской культур под властью «Белого царя», который должен был стать российский император.

Высказывая свое мнение по поводу позиции России в подавлении Боксерского восстания в Китае, Ухтомский отмечает, что для Российского государства есть лишь два пути: либо принять историческую и культурную особенность русского на-

рода, сочетающего в себе европейские и азиатские традиции, и обратить свой взор на Восток, либо остаться в Европе и таким образом обеспечить себе погибель [11 с. 85]. Подобные слова Ухтомского невольно обращают внимание на творчество близкого друга и наставника князя – В.С. Соловьева, чьи взгляды также отводили России особое место между Западом и Востоком, хотя в то же время не стремились приравнять Россию к восточным культурам.

Заключение

Как можно видеть из представленных выше данных, оформленные взгляды Э.Э. Ухтомского тесно связано с различными аспектами прошлой социальной реальности. «Восточничество» в итоге явилось следствием многочисленных процессов, происходивших в российском обществе на протяжении XIX столетия, а также тех, что выходили далеко за его рамки.

Хотя многие идеи на рубеже XIX–XX вв. активно заимствовались из европейской мысли, «восточнические» взгляды получили оформление в умах именно российских мыслителей. Сама же идея, основывавшаяся на принципах отличного от западного пути развития Российской империи, циркулировала в российском обществе на протяжении длительного времени. «Восточничество» стало, в свою очередь, тем течением, которое вывело данную фундаментальную идею на новый уровень, придало ей совершенно иной смысл под напором многочисленных социальных, философских, политических, культурных, а также иных тенденций рассматриваемого времени. Э.Э. Ухтомский прекрасно подходил на роль выразителя данной концепции.

Несмотря на доминировавшую в российском обществе идею о превосходстве западной культуры над восточной, вследствие деятельности Э.Э. Ухтомского данные представления были несколько отодвинуты на второй план. Благодаря работам князя, а также целого ряда его последователей, восточная культура предстала в глазах общественности не просто в качестве равной, но в качестве идентичной русской культуре. Впрочем, факт относительно быстрого угасания данной концепции в глазах общественности был вызван не только болезненным поражением в Русско-японской войне. Идеи, выразившиеся Ухтомским в его многочисленных трудах, были не вполне понятны современникам. Дело не только в стремлении князя уподобить Россию странам Азии, вызывавшем многочисленные вопросы у общественности. Аргументы, речь кня-

зя, совокупность используемых им символов были во многом непонятны его критикам. Вследствие этого «восточнические» взгляды князя, получившие вполне закономерное оформление на рубеже веков, также закономерно были забыты. Тем не менее нельзя не отметить, что концепция, выдвинутая Э.Э. Ухтомским, занимала весьма крепкие позиции в первые годы правления последнего русского императора.

Литература

1. *Сунь Чжинцин*. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX в.: желтая опасность и особая миссия России на Востоке. М.: Наталис, 2008. 256 с.
2. *Суворов В.В.* Восточничество: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. 107 с.
3. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
4. *Стрижак Ю.Н.* Проблемы диалога культур Э.Э. Ухтомского: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 286 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01006735070> (дата обращения 01.09.2018).
5. *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 228 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01004973501> (дата обращения 01.09.2018).
6. *Репников А.В.* Россия и Восток в жизни и творчестве Э.Э. Ухтомского // Ключевские чтения – 2012: Российская государственность и освободительные войны. Т. 1. М.: Спутник+, 2013. С. 296–303.
7. *Чернов К.Н.* Отношение России к Востоку во взглядах князя Э.Э. Ухтомского // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 6. С. 51–53.
8. *Схиммельпенинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
9. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 598 с.
10. *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма: К походу англичан на Тибет: конец XIX века. М.: Либроком, 2012. 136 с.
11. *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая Скоропечатня Восток, 1900. VIII, 88 с.
12. *Суворов В.В.* Национально-религиозные взгляды Э. Ухтомского // Власть: Общественно-полит. журн. 2010. № 9. С. 68–70.
13. *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Теория исторического знания. СПб.: ГУ ВШЭ, 2008. 523 с.
14. *Леонов Г.А.* Э.Э. Ухтомский: К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 101–116.
15. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток. Т. 1. Ярославль: Китеж, 2010. 392 с.
16. *Королева Л.Г.* Основные идеи русской философии XIX–XX веков. Курск: РОСИ, 2001. 256 с.

References

1. Sun Jinqing. The Chinese policy of Russia at the turn of 19th – 20th centuries: the Yellow Peril and the special mission of Russia in the East. Moscow: Natalis Publ.; 2008. 256 p. (In Russ.)
2. Suvorov VV. Easternism. Cultural -historical concept and imperial ideology. Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet Publ.; 2015. 107 p. (In Russ.)
3. Repnikov AV. Conservative concepts of Russia's reconstruction. Moscow: Academia Publ.; 2007. 520 p. (In Russ.)
4. Strizhak YuN. Problems of cultures' dialogue of E.E. Ukhtomskii. [dis. ... kand. filol. nauk]. Sankt-Peterburg, 2013. 286 p. [data obrashcheniya 01.09.2018]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01006735070> (In Russ.)
5. Suvorov VV. Prince E.E. Ukhtomskii: life, activity, ideological heritage. [dis. ... kand. ist. nauk]. Saratov, 2011. 228 p. [data obrashcheniya 1 Sept. 2018]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01004973501> (дата обращения 01.09.2018). (In Russ.)
6. Repnikov AV. Russia and the East in the life and work of E.E. Ukhtomskii. V: *Klyuchevskiy Conference – 2012. Russian statehood and liberation wars*. Vol. 1. Moscow: Sputnik+, 2013. p. 296-303. (In Russ.)
7. Chernov K.N. The attitude of Russia to the East in the ideas of E.E. Ukhtomskii. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2005;6:51-3. (In Russ.)
8. Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun. How imperial myth-making led Russia to war with Japan. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2009. 421 p. (In Russ.)
9. Lukin AV. The bear watches the dragon. The image of China in Russia of the 17th – 21st centuries. Moscow: AST: Vostok–Zapad Publ.; 2007. 598 p. (In Russ.)
10. Ukhtomskii EE. From the field of Lamaism: On the march of the English to Tibet. Late 19th century. Moscow: Librokom Publ.; 2012. 136 p. (In Russ.)
11. Ukhtomskii EE. On the events in China. The attitude of the West and Russia to the East. Sankt-Peterburg: Parovaya Skoropechatnaya Vostok Publ.; 1900. VIII, 88 p. (In Russ.)
12. Suvorov VV. National and religious ideas of E. Ukhtomskii. *Vlast'*. 2010;9:68-70. (In Russ.)
13. Savelieva IM., Poletayev AV. Theory of historical knowledge. Sankt-Peterburg: GU VShE Publ.; 2008. 523 s. (In Russ.)
14. Leonov GA. E.E. Ukhtomskii. On the history of the Lamaist collection of the State Hermitage. V: *Buddhism and literary and artistic work of the peoples of Central Asia*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1985. p. 101-16. (In Russ.)
15. Ukhtomskii EE. The journey of the Emperor Nicholas II to the East. Vol. 1. Yaroslavl: Kitezh Publ.; 2010. 392 p. (In Russ.)
16. Korolyova LG. Basic ideas of Russian philosophy of 19th – 20th centuries. Kursk: ROSI Publ.; 2001. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Константин А. Медведев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; meccedvecced@mail.ru

Information about the author

Konstantin A. Medvedev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; meccedvecced@mail.ru

УДК 94(480)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-119-129

Кадровая политика генерал-губернатора Н.Н. Герарда в Финляндии в 1905–1906 гг.

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru*

Аннотация. В истории российской политики в отношении Великого княжества Финляндского значительный интерес представляет деятельность российской администрации на финляндской территории в годы первой русской революции. В 1905–1906 гг. царское правительство переходит к политике уступок в Финляндии. Она реализовывалась финляндским генерал-губернатором Н.Н. Герардом, занимавшим этот пост в 1905–1908 гг. Особое место в деятельности Н.Н. Герарда занимало назначение финнов на административные посты в Великом княжестве. В статье рассмотрены обстоятельства назначения Герарда на пост генерал-губернатора. На основании впервые вводимых в научный оборот писем Л. Мехелина установлено наличие тесных контактов Герарда с финляндскими политиками еще до назначения на этот пост. Показано, что замену губернаторов и иных должностных лиц в Финляндии Герард согласовывал с представителями партии конституционалистов. Приведены оценки Герардом ситуации в княжестве. Хотя генерал-губернатор не имел возможности полноценно участвовать в заседаниях финляндского Сената, проходивших на русском языке с 1906 г., Герард не считал, что это ограничивает его полномочия. Политика уступок Герарда требованиям партии конституционалистов в Финляндии подвергалась критике в консервативной российской печати. Царское правительство поддерживало эту политику вплоть до 1907 г. Причиной отставки Герарда в 1908 г. стало начало смены политического курса в отношении Финляндии.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, первая русская революция, Н.Н. Герард, Л. Мехелин, финляндский вопрос

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. Кадровая политика генерал-губернатора Н.Н. Герарда в Финляндии в 1905–1906 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 119–129. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-119-129

Appointments to administrative positions in Finland in the policy of the Finnish governor-general N.N. Gerard in 1905–1906

Alexandra Yu. Bakhturina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, b-a-t13@mail.ru

Abstract. In the history of Russian politics in the Grand Duchy of Finland, the activities of the Russian administration on Finnish territory during the first Russian revolution are of considerable interest. In 1905–1906 the tsarist government passed to the policy of concessions in Finland. That policy was implemented by the Finnish Governor-General N.N. Gerard, who held the office in 1905–1908. Appointing Finns to administrative posts in the Grand Duchy was a special part of N.N. Gerard practice.

The article considers the circumstances of Gerard's appointment to the post of Governor-General. Providing her research with L. Mechelin's letters, the author shows that Gerard had close contacts with Finnish politicians before his appointment as Governor-General. His decisions on the replacement of governors and other officials in Finland Gerard, agreed with the Constitutionalists' party representatives. The author also presents Gerard's estimations of the situation in the Duchy. Though as Governor-General he had no opportunity to participate fully in the Senate meetings (as since 1906 they were held in Russian only since 1906) Gerard did not consider that to be a limit his powers.

Gerard's policy of concessions to the requirements of the Constitutionalist party in Finland was criticized by the conservative Russian press. The tsarist government supported that policy until 1907. The reason for Gerard's resignation in 1908 was change of Russian politics towards Finland.

Keywords: Grand Duchy of Finland, the first Russian revolution, N.N. Gerard, L. Mechelin, Finnish question

For citation: Bakhturina AYu. Appointments to administrative positions in Finland in the policy of the Finnish governor-general N.N. Gerard in 1905–1906. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:119-29. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-119-129

Введение

История Великого княжества Финляндского в начале XX столетия в последние годы все больше привлекает внимание российских исследователей. Особое положение Финляндии в составе Российской империи изучалось уже современниками – финляндскими и российскими юристами. Дискуссии о ее правовом статусе в настоящий момент детально рассмотрены отечественными и зарубежными историками [1–6]. В последнее время наибольший интерес вызывают события периода первой русской революции,

в том числе развитие революционного движения на территории Финляндии и его влияние на революционный процесс в других регионах Российской империи [7–10], а также разработка статей о правовом статусе Великого княжества в Основных государственных законах Российской империи [11]. Гораздо меньше внимания уделено собственно истории финляндской политики России в начале XX в., в том числе деятельности российской администрации на территории княжества. В связи с этим представляется небезынтересным рассмотреть деятельность финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда, занимавшего данный пост в годы первой русской революции. В его деятельности в тот период прослеживаются два направления: собственно деятельность на территории Великого княжества и участие в разработке имперского законодательства по финляндскому вопросу.

В настоящей статье будет рассмотрена кадровая политика Герарда в Финляндии, которая в годы первой русской революции имела огромное значение, а смена администрации в Финляндии в 1905–1906 гг. с точки зрения финляндских политиков являлась весьма действенным способом укрепления финляндской автономии.

Имперская политика в Великом княжестве Финляндском в начале XX столетия менялась в зависимости от внешне- и внутриполитической ситуации, и для реализации того или иного политического курса царское правительство подбирало соответствующих администраторов. Поэтому анализ деятельности Н.Н. Герарда необходим не столько как биографическое исследование, но как изучение практических шагов российской администрации в Финляндии по проведению политики «умиротворения» Княжества после октябрьских событий 1905 г.

Октябрьские события 1905 г. в Финляндии и назначение Н.Н. Герарда

В октябре 1905 г. в Великом княжестве Финляндском началась всеобщая забастовка, в которой приняли участие все слои населения, включая финляндскую полицию. Генерал-губернатор И.М. Оболенский, чтобы урегулировать ситуацию, провел серию переговоров с представителями ведущих финляндских либеральных партий – конституционалистов и старофиннов. 18 (31) октября состоялось совещание с участием финляндского генерал-губернатора и представителей обеих партий. Оболенский обратился к представителям конституционалистов и старофиннов с просьбой разработать совместную программу и «указать на те меры, которые... могли бы

послужить к успокоению страны и к распространению на нее» манифеста 17 октября [12 с. 144]. По сути, речь шла о перечне уступок самодержавия в финляндской политике. После сложных переговоров лидер партии конституционалистов Л. Мехелин изложил требования своих соратников, обеспечивавшие отмену ограничений финляндской автономии, введенных в период генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова. Оболенский представил текст Николаю II, подчеркивая в своем рапорте, что требования конституционалистов не противоречат духу манифеста 17 октября 1905 г., а поддержка этой партии отвечает интересам самодержавия. Конституционалисты, по мнению Оболенского, представляли наиболее консервативное крыло, «силою и авторитетом» которых «следует воспользоваться, с целью затормозить слишком быстро несущиеся передовые течения социалистов и демократов» [12 с. 148].

22 октября (4 ноября) 1905 г. в Гельсингфорсе были получены подписанный императором манифест и грамота о созыве чрезвычайного Сейма. Окончательный текст проекта манифеста был составлен статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского Константином Линдером и представлен через С.Ю. Витте императору [8 с. 388].

Манифест приостанавливал действие основных положений манифеста 3 февраля 1899 г., а также отменял ряд постановлений, изданных для реализации февральского манифеста. Так, отменялись повеление от 10 ноября 1903 г., предоставлявшее Отдельному корпусу жандармов служебные права на территории княжества; пункт 12 постановления от 10 июля 1902 г. об изменении форм и порядка обнародования узаконения и правительственных распоряжений в княжестве; постановление от 26 августа (8 сентября) 1902 г. об изменении в некоторых частях учреждения императорского финляндского Сената; постановление о расширении полномочий губернаторов Финляндии от 13 (26 марта) 1903 г.; Устав о воинской повинности от 12 июля 1901 г.; постановление от 31 июля 1902 г. об изменении некоторых правил, касавшихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии; постановление от 14 августа 1902 г. о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств; постановление от 2 июля 1900 г. о публичных собраниях. Вместе с манифестом была обнародована грамота императора об открытии чрезвычайного Сейма 7 (20) декабря 1905 г. для рассмотрения проекта нового основного закона о народном представительстве в Финляндии на началах всеобщего и равного избирательного права, с установлением ответственности местных правительственных органов перед народными представителями края.

Несмотря на издание манифеста, забастовка в Финляндии продолжалась. Она прекратилась только 24 октября (6 ноября) после переговоров генерал-губернатора Оболенского с представителями рабочих. Вскоре после прекращения забастовки генерал-губернатор И.М. Оболенский подал прошение об отставке, и оно было удовлетворено.

Нового кандидата на пост финляндского генерал-губернатора предложил С.Ю. Витте. Это была кандидатура члена Государственного совета Н.Н. Герарда. В своих воспоминаниях Витте, рассказывая об этом, настойчиво подчеркивал, что «совсем не знал Герарда и не имел с ним никаких личных отношений», встречался с ним только на заседаниях Государственного Совета. Витте утверждал, что он рекомендовал Герарда только потому, что во время работы в Царстве Польском по введению там общероссийской судебной системы Герард «оставил о себе в Царстве Польском как у русских, так и у поляков, самую лучшую память» [13 с. 389]. Далее Витте указал на то, что Герард первоначально отказывался от должности «из скромности» [13 с. 389].

Хотелось бы заметить, что в Царстве Польском Герард служил 30 лет назад, в 1875 г. Его деятельность продолжалась ровно год и не оставила заметных следов, поэтому приведенная аргументация С.Ю. Витте вызывает некоторые сомнения.

Другую версию назначения Н.Н. Герарда выдвигала финляндская периодическая печать. Одна из финляндских газет в связи с этим писала, что «Витте предложил в генерал-губернаторы Финляндии тайного советника Герарда как лицо, наиболее удовлетворяющее финский народ...» [13 с. 539].

Необходимо заметить, что еще до своего назначения на пост генерал-губернатора Н.И. Герард поддерживал тесные контакты с финляндскими политиками. В фонде Канцелярии финляндского генерал-губернатора, хранящемся в ГА РФ, имеются письма Л. Мехелина, адресованные Н.Н. Герарду и датированные 1904 г. Они подтверждают наличие контактов будущего финляндского генерал-губернатора с финляндскими политиками и членами Сената, в том числе с бароном А. Вреде и другими членами финляндского Сената [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 305: Письма сенатора Мехелина Л. Герарду Н.Н.]. Так, в письме от 9 января 1904 г. говорится о встрече будущего финляндского генерал-губернатора с финляндскими политиками Н. Вреде и Л. Мехелиным, а письмо от 24 декабря 1904 г. показывает, что Л. Мехелин обсуждал с Герардом вопрос о праве финляндского Сената по своей инициативе разрабатывать проект Основного закона для Финляндии [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 306: Письма сенатора Мехелина Л. Герарду Н.Н.].

Все это позволяет говорить о том, что существенную роль при выборе кандидатуры Герарда на пост финляндского генерал-губернатора сыграли его связи с финляндскими политическими лидерами. Герард был назначен генерал-губернатором Великого княжества Финляндского 9 (22) ноября 1905 г., а 23 ноября (6) декабря прибыл в Гельсингфорс.

Н.И. Герард и изменение состава финляндской администрации в 1905–1906 гг.

К моменту прибытия Герарда в Финляндию полностью изменился состав хозяйственного и судебного департаментов Финляндского Сената. Старофинны, ориентировавшиеся на сотрудничество с царским правительством, утратили свои позиции, лидирующее положение в Сенате заняли представители партии конституционалистов. Его первое заседание в новом составе состоялось 21 ноября (4 декабря) 1905 г., еще до прибытия Н.И. Герарда. Заседание открыл вице-председатель хозяйственного департамента Л. Мехелин. В своей речи он определил основное направление работы сенаторов, отметив, что им необходимо начать подготовку к изменению законов, не отмененных еще манифестом 22 октября (4 ноября) 1905 г. В числе таких законов Мехелин назвал действующее законодательство об употреблении русского языка в правительственных учреждениях, а также устранение от государственных должностей лиц, не имевших финского гражданства [14]. Изменение персонального состава финляндской администрации и статуса русского языка в делопроизводстве, по мнению Мехелина, являлось первоочередной задачей Сената.

В этой ситуации Герард приступил к выполнению своих обязанностей. Его основной задачей была стабилизация обстановки в княжестве. Для ее выполнения он шел по пути максимального удовлетворения требований конституционалистов. Герард считал, что новый состав Императорского финляндского Сената, где лидируют конституционалисты, пользуется большим авторитетом и является единственной силой, способной организовать управление Финляндией. Но при этом он отдавал себе отчет в том, что Сенат имеет ярко выраженную партийную окраску, отличается «чрезмерным политиканством» и «националистическим направлением» [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 21–22: Краткий обзор деятельности Н.И. Герарда]. Но осенью 1905 г. он не видел другого пути стабилизации обстановки, кроме поддержки требований конституционалистов.

В ноябре 1905 г. Герард сменил в Княжестве шесть русских по национальности губернаторов и двух финнов, принадлежавших к старофинской партии [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 18–19: Краткий обзор деятельности Н.Н. Герарда]. Кандидатуры новых губернаторов он согласовывал с Сенатом и лично с Лео Мехелиным и Акселем Рабе Вреде [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 19: Краткий обзор деятельности Н.Н. Герарда]. Фактически при назначении губернаторов Герард не только смещал русских, но способствовал конституционалистам в их борьбе со старофинской партией. Герард прекрасно понимал, что нередко требования финляндского Сената в отношении кадровой политики направлены исключительно на то, чтобы ослабить позиции старофиннов [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 21: Краткий обзор деятельности Н.Н. Герарда]. Параллельно были уволены русские и частично финляндские чиновники в других органах управления в Финляндии. Самое большое число уволенных приходилось на долю полицейских и жандармов, а также железнодорожных служащих [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 9: Краткий обзор деятельности Н.Н. Герарда].

Помимо Сената, участие в решении кадровых вопросов принял Сейм. Его представители 22 декабря (4 января) 1906 г. сообщили генерал-губернатору, что желательно назначить на должность министра статс-секретаря финна по национальности. Герард поддержал мнение Сейма и министром статс-секретарем по финляндским делам 24 января 1906 г. был назначен бывший офицер русского Генерального штаба генерал-майор А.Ф. Лангоф. Определенная независимость министра статс-секретаря от финляндского Сената и тесная связь с официальными правительственными кругами в Петербурге обеспокоили финляндские общественно-политические круги.

Сразу же после назначения Лангофа в финляндской печати стал активно обсуждаться вопрос о необходимости восстановления бывшего при статс-секретариате (1857–1891) Совета по финляндским делам из членов финляндского Сената, которые обсуждали бы дела совместно с министром статс-секретарем. Реализация этого проекта должна была усилить роль финнов в решении общегосударственных вопросов по Великому княжеству. Генерал-губернатор, призванный защищать общеимперские интересы, был бы поставлен между Сенатом в Гельсингфорсе, с одной стороны, и отделением финляндского Сената в Петербурге, с другой, и таким образом его мнение постоянно поглощалось бы мнением финляндского Сената. Все это фактически должно было превратить финляндский статс-секретариат в замкнутое посольство иностранного государства. В первой половине 1906 г. от этого проекта в Финляндии отказались, но, как отмечал министр внутренних дел П.Н. Дурново в

письме председателю Совета министров С.Ю. Витте от 18 февраля 1906 г., его конечная цель – «исключительно финляндское влияние на развитие законодательства и ход управления» – может быть реализована за счет «изменения личного состава нынешнего статс-секретариата» [14 с. 21].

Впоследствии Герарда активно критиковали за кадровые перестановки в «Новом времени» и других газетах националистического направления, но он считал, что эта мера была безусловно необходима для установления порядка в крае, а возвращение русских чиновников после забастовки привело бы к ее возобновлению [14 с. 21]. Таким образом, в конце 1905 г. произошли существенные изменения в составе администрации Великого княжества Финляндского на всех уровнях, существенно сузившие сферу влияния Совета министров, отдельных министерств и генерал-губернатора на деятельность финских органов управления.

Российская администрация в Великом княжестве Финляндском и использование русского языка в делопроизводстве

20 апреля 1906 г. было издано высочайшее Постановление о русском языке в делопроизводстве присутственных мест Финляндии. Им отменялся манифест 7 (20) июня 1900 г. и постановление 19 июня 1902 г., а также ряд ранее принятых требований об обязательном знании русского языка лицами, назначаемыми на административные должности. После этого положение русского языка в делопроизводстве и в переписке административных и судебных учреждений существенным образом изменилось. Согласно Постановлению от 20 апреля 1906 г. на русском, шведском и финском языках составлялись всеподданнейшие проекты предложений Сейма. Всеподданнейшие представления и заключения Сената должны были составляться в подлиннике на финском или шведском языках, а русский текст мог прилагаться в качестве перевода. Аналогичное правило было введено в переписку Сената с финляндским генерал-губернатором. Исходящие бумаги генерал-губернатора и его канцелярии должны были составляться на русском языке. При этом все документы, направляемые в Сенат и другие финские административные органы, должны были иметь финский или шведский перевод. Переписка статс-секретариата по делам Великого княжества Финляндского стала вестись на финском или шведском с финскими учреждениями, и на русском – с русскими. Представления губернаторов генерал-губернатору и их переписка с русскими властями так-

же должна была сопровождаться переводом. Фактически русский язык был сохранен только при обращении официальных лиц или учреждений к русским должностным лицам или учреждениям. Также оговаривалась обязанность судебных и присутственных мест Финляндии принимать документы от частных лиц на русском языке [15].

Комментируя появление нового закона 1906 г., финляндский генерал-губернатор Герард отметил, что в числе негативных последствий закона 1900 г. было то, что определяющим моментом при назначении на государственные посты было знание русского языка, а не деловые качества администраторов. Изменение состава Сената и новый закон о языке привели также к тому, что финляндский генерал-губернатор вновь, как это было в XIX в., потерял возможность участвовать в его заседаниях. Н.Н. Герард считал, что это обстоятельство никоим образом не умаляет его полномочий. Позднее в записке о своей деятельности в Финляндии он писал, что участие в работе Сената было не нужно, во-первых, потому, что у генерал-губернатора имелись другие обязанности и права. Во-вторых, генерал-губернатор сохранял за собой возможность давать заключения на решения Сената при представлении их на высочайшее утверждение. Таким образом генерал-губернатор имел полную возможность высказать свое мнение и влиять на развитие ситуации в желательном направлении на более высоком уровне [ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 8: Краткий обзор деятельности Н.Н. Герарда].

Заключение

Н.И. Герард, назначенный на пост генерал-губернатора Великого княжества Финляндского в 1905 г., в кадровой политике последовательно шел по пути уступок требованиям представителей партии конституционалистов. Его деятельность подвергалась критике со стороны консервативно настроенной российской общественности, расценивалась как чрезмерная уступчивость требованиям финнов. Сам Герард считал такую политику единственно возможной в сложных условиях первой русской революции. Кадровые перестановки, инициированные конституционалистами и поддержанные им в 1906 г., позволили частично стабилизировать ситуацию в Финляндии, но при этом не смогли окончательно остановить развитие революционного движения. Для этого потребовались иные политические шаги. К 1908 г. политика уступок потеряла актуальность для царского правительства, Н.Н. Герард был отправлен в отставку, а правящие верхи империи приступили к разработке нового политического курса в отношении Финляндии.

Литература

1. *Бахтурина А.Ю.* Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908–1910 гг.) // Вестник РГГУ, Серия «История, Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 8 (29). С. 31–48.
2. *Дусаев Р.Н.* Государственно-правовой статус Великого княжества Финляндского // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 1975. № 2. С. 110–118.
3. *Зиновьев А.В., Уткин Н.И.* Взаимоотношения Российской империи с Великим княжеством финляндским: историко-правовой анализ и современность // Там же. 2000. № 2. С. 73–82.
4. *Карнишина Н.Г.* Статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в оценках дореволюционных ученых-юристов // История государства и права. 2010. № 15. С. 24–28.
5. *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. 616 с.
6. *Юссила О.* Великое княжество Финляндское: 1809–1917 гг. Хельсинки: Ruslania, 2009. 844 с.
7. *Бахтурина А.Ю.* Великое княжество Финляндское в годы первой русской революции // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 39–53.
8. *Бахтурина А.Ю.* Государственная власть Российской империи и политические партии Великого княжества Финляндского в 1905 г. // Власть и политические партии в России: Новые подходы в изучении «рабочей истории» в XX веке: В 2 ч. Кострома: Костромс. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2005. Ч. 2. С. 21–32.
9. *Бьёркегрен Х.* Скандинавский транзит: Российские революционеры в Скандинавии: 1906–1917. М.: Омега, 2007. 544 с.
10. *Мусаев В.И.* «Красный тыл революции»: Финляндия и русское революционное движение в начале XX в. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 499–507.
11. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 1 (13). С. 126–141.
12. Революция 1905 г. и самодержавие. М.; Л.: Госиздат, 1928. 300 с.
13. Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. Рукописные заметки: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 670 с.
14. Материалы Высочайше учрежденного под председательством гр. Д.М. Сольского совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений. СПб.: [Б. и.], 1906. 80 с.
15. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии. 20 апреля (3 мая) 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1906. Т. 26. Отд. 2. № 27752.

References

1. Bakhturina AYu. Discussions on national and local legislation in relation To the Grand Duchy of Finland (1908–1910). *RSUH/RGGU Bulletin. "History, Philology, Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2017;8:31-48. (In Russ.)
2. Dusaev RN. State-legal status Of the Grand Duchy of Finland. V: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii: Pravovedenie*. 1975;2:110-18. (In Russ.)

3. Zinov'ev AV., Utkin NI. Relations between the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland: historical and legal analysis and modernity. V: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii: Pravovedenie*. 2000;2:73-82. (In Russ.)
4. Karnishina NG. Status of the Grand Duchy of Finland in the Russian Empire in the assessments of pre-revolutionary legal scholars. V: *History of State and Law*. 2010;15:24-8. (In Russ.)
5. Klinge M. Imperial Finland. Sankt-Peterburg: Kolo Publ.; 2005. 616 p. (In Russ.)
6. Yussila O. Grand Duchy of Finland. 1809–1917. Khel'sinki: Ruslania Publ.; 2009. 844 p. (In Russ.)
7. Bakhturina AYu. Grand Duchy of Finland during the First Russian revolution. *Voprosy istorii*. 2006;11:39-53. (In Russ.)
8. Bakhturina AYu. State power of the Russian Empire and political parties Of the Grand Duchy of Finland in 1905. V: *The power and politica lpartiesin Russia. New approachers to "workers history" studies in 20th*. 2 vol. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova Publ.; 2005. Ch. 2. p. 21-32. (In Russ.)
9. *Björkegren H. Scandinavian transit. Russian revolutionaries in Scandinavia. 1906–1917*. Moscow: Omega Publ.; 2007. 544 p. (In Russ.)
10. Musaev VI. "Red rear of the revolution": Finland and the Russian revolutionary movement in the early twentieth century. V: *National History and historical thought in Russia of the 19th–20th*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2006. p. 499-507. (In Russ.)
11. Kulikov SV. Bureaucratic elite of the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland in 1905–1906: discussions on the state legal status of Finland in the preparation of the Basic state laws of 1906. *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2017. № 1 (13). С. 126–141. (In Russ.)
12. Revolution of 1905 and autocracy. M.; Leningrad: Gosizdat Publ.; 1928. 300 p. (In Russ.)
13. From the archive of Sergei Yu. Witte. Memoirs. Handwritten notes Sankt-Peterburg. 2 vol. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 2003. 670 p. (In Russ.)
14. Proceedings of the assembly, established by Imperial Decision, and chaired by count D. M. Solsky on the development of the necessary changes in the existing institution of the State Council. Sankt-Peterburg, 1906. 80 p. (In Russ.)
15. The highest ruling on the Grand Duchy of Finland regarding the Russian language in the office of administrative institutions of Finland. April 20 (May 3) 1906. V: *The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3*. Sankt-Peterburg, 1906. Vol. 26. Section 2. № 27752. (In Russ.)

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b-a-t13@mail.ru

Information about the author

Alexandra Yu. Bakhturina, Dr. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; b-a-t13@mail.ru

Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов

Регина Савосткина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; savostkina@gmail.com*

Аннотация. После Октябрьской революции 1917 г. решение «женского вопроса» приобрело в строящемся Советском государстве особую важность. Согласно марксистским представлениям, роль женщины в социалистическом обществе должна была формироваться в соответствии с принципом равноправных отношений между мужчиной и женщиной. Гендерное равенство должно было выстраиваться на основе обобществления традиционных женских ролей «хозяйки» и «матери», которые в системе новых социальных связей должны были быть замещены на роли «труженицы» и «общественницы», позволявшие женщинам стать полноценными участницами общественной и трудовой жизни. Но реализация данной социальной программы столкнулась с рядом серьезных препятствий.

В статье рассматривается процесс формирования социальных ролей советской женщины в середине 1920-х гг. в рамках дискурса журналов «Работница» и «Крестьянка», которые стали основным печатным органом, осуществлявшим коммуникацию между партийными органами власти и женской общественностью. На основе дискурс-анализа женских периодических изданий рассматриваются идеологические задачи, которые ставились перед женским населением в середине 1920-х годов, и попытки их практической реализации работницами и крестьянками.

Ключевые слова: советская женщина, обобществление быта, гендерное равенство, социальные роли женщины, общественная трансформация, социалистическое общество

Для цитирования: Савосткина Р. Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 130–140. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-130-140

Social role of women in the Soviet society in the discourse of “Rabotnitsa” and “Krestjanka” magazines in the mid-1920s

Regina Savostkina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; savostkina@gmail.com

Abstract. After the October Revolution of 1917, a solution of the so-called “women’s issue” acquired a special importance in the newly built Soviet state. In accordance with Marxist ideas, the role of women in a socialist society was to be formed in line with the principle of equal relations between a man and a woman. Gender equality was to be built on the basis of the socialization of the traditional female roles of “mistress” and “mother”, which in the system of new social relations should be replaced by the role of “toiler” and “social activist”, allowing women to become full participants in the social and working life. But the implementation of that social program faced a number of serious obstacles.

The article discusses the process of formation of the Soviet women social roles of Soviet women in the mid-1920s. in the framework of the discourse between the magazines “Rabotnitsa” and “Krestjanka”, which became the main print organs that communicated the party authorities with the female public. On the basis of the discourse analysis of women’s periodicals, the author considers ideological tasks that were set before the female population in the mid-1920s and attempts of their practical realization by female workers and peasant women.

Keywords: Soviet woman, socialization of life, gender equality, social roles of women, social transformation, socialist society

For citation: Savostkina R. Social role of women in the Soviet society in the discourse of “Rabotnitsa” and “Krestjanka” magazines in the mid-1920s. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;4:130-40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-130-140

Введение

Решение «женского вопроса» приобретает особую важность в середине 1920-х годов, когда после окончания Гражданской войны Советское государство испытывало острую нужду в женском участии в восстановлении разрушенного хозяйства, в это же время власть получила возможность обратить внимание на изменение положения женщины в соответствии с марксистскими представлениями о роли женщины в социалистическом обществе. Для реализации этих задач в 1922 г. Отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б) начинается издание журнала «Крестьянка», а в начале 1923 г. возобновляется издание журнала «Работница», прерванное

на период Гражданской войны. Данные женские издания становятся важным каналом коммуникации, обеспечивавшим связь между центральными партийными органами власти и женской общественностью. Анализ дискурса журналов позволяет определить основные направления трансформации социальной роли женщины в середине 1920-х годов, предложенных и реализуемых советской властью.

В советской и российской исторической науке вопросу женской эмансипации в Советском государстве в середине 1920-х годов уделялось особое внимание. В советской историографии разработка проблемы решения женского вопроса осуществлялась В.М. Ткаченко, М.П. Гаврилкиной, П.М. Чирковым, Е.Б. Груздевой и Э.С. Чертихиной и другими авторами. Не потеряла проблема исследовательской актуальности и в постсоветский период: Н.Л. Пушкарева, И.Р. Чикалова и другие исследователи обращают пристальное внимание на изучение советского опыта женской эмансипации в рамках женской и гендерной истории. Но, несмотря на внимание к вопросу раскрепощения советской женщины, из его фокуса выпадает проблема изменения социальных ролей женского населения. Недостаточное внимание уделяется и такому важному для эпохи источнику, как женские журналы «Работница» и «Крестьянка».

Таким образом, целью исследования выступает изучение процесса трансформации социальной роли советской женщины в рамках дискурса, представленного на страницах журналов «Работница» и «Крестьянка» как основных печатных органов, осуществлявших коммуникацию между советской женщиной и партией в указанный период.

Значимость ролей женщины-общественницы и женщины-труженицы в восстановлении советского хозяйства

Значительной популярностью в контексте журнала «Работница» в 1923–1924 гг. пользовалась тема «смычки города и деревни, помощи деревне». В статьях и заметках, посвященных данной тематике, указывается, что «смычка с крестьянством – основная задача, которую должен разрешить рабочий класс Советской России в ближайшие годы» [1 с. 20], причиной же этой острой необходимости являлась насущная потребность промышленности в сырье, поставляемого деревней [2 с. 2–3]. В связи с этой проблемой одной из важнейших задач, поставленных перед советской работницей, должно было стать ее активное участие в преобразовании жизни крестьянства –

помощь в организации яслей [3 с. 24], в ликвидации безграмотности [4 с. 6–7], пропаганда работниц среди крестьянства по организации кооперации в деревне [5 с. 22–23], помощь делегатскому движению и обучение работе делегатов-крестьянок [6 с. 32]. Работница должна была выступать в качестве старшей сестры, оказывающей и делом, и словом помощь еще малосознательной крестьянке.

Одним из методов налаживания тесных отношений между крестьянками и работницами выступали совместные конференции [7 с. 35], организация экскурсий крестьянок на фабрики [8 с. 17], в ясли с целью пропаганды устройства подобных заведений в деревне. Значимым условием для реализации «смычки города и деревни» должно было стать участие работниц в сборе необходимых средств для обеспечения работы крестьянских яслей [9 с. 18], в помощи крестьянке в страдную пору. Распространялась практика работы в «подшефных волостях», в которых работницы должны были внедрять устройство яслей, вести пропаганду [10 с. 28]. Это обеспечивалось и за счет того, что значимая часть российских работниц имела еще очень тесную связь с деревней. Примечательно, что вопрос смычки города с деревней, получивший столь широкую популяризацию в дискурсе журнала «Работница», практически никак не затрагивался на страницах журнала «Крестьянка», выходявшего в этот же период середины 1920-х годов.

Взаимодействие между городом и деревней обеспечивалось в первую очередь за счет деятельности делегатов. Необходимость развития делегатского движения в равной степени была наиболее актуальной темой для дискурса и в журнале «Работница», и в журнале «Крестьянка». Именно через социальную активность женщин-общественниц должны были быть реализованы цели, имевшие особую важность для Советского государства в рассматриваемый период. Сфера деятельности работницы-делегатки незначительно отличалась от задач, ставившихся перед крестьянкой-делегаткой. Прежде всего это было участие в социальной работе: организации яслей, столовых, клубов, помощи детям-сиротам, сборе денег на общественные нужды [11 с. 2]. Также работница-делегатка должна была участвовать в деятельности кооперации, нарсудов, в секциях Советов [12 с. 4–5]. Делегатская работа должна была подготовить женщину-общественницу к управленческой работе в совете, исполкоме, завкоме [13 с. 12]. От делегатки требовалось защищать интересы работниц в профсоюзах, участвовать в обучении работниц в школах фабзавуча, на профтехнических курсах. Все эти задачи воспитательной, управленческой и, главное, социальной работы должны были лечь на плечи не только выбранных делегатов, но и каждой сознательной работницы, жены рабочего.

Предложенная модель изменения социальных ролей работницы-труженицы и работницы-общественницы в дискурсе журнала «Работница» в середине 1920-х годов во многом совпадает с образцом преобразования роли труженицы и общественницы-крестьянки, конструируемой на страницах журнала «Крестьянка». основополагающим принципом для обеих моделей выступала необходимость восстановления разрушенного хозяйства. С этой целью женщины были вынуждены взять на себя реализацию всех тех задач, которые могли способствовать улучшению сложившегося положения: активно и продуктивно трудиться, агитировать за воплощение идеалов коммунистической идеологии, собирать средства для реализации предложенных властью социальных проектов [14 с. 17] и воплощать их в жизнь. Государство в тот момент, оправдываясь бедностью и разрухой, готово было только провозглашать задачи и конструировать модели поведения, которой должна была придерживаться каждая советская женщина, помогая восстановлению разрушенного государственного хозяйства и преобразованию советской социальной действительности. Ведь согласно пропагандируемой идеологии только через активную помощь государству женщина могла освободиться от «ига мужского и капиталистического гнета».

Пропаганда изменения социальной роли женщины-хозяйки как основа женской эмансипации

Если в отношении изменения социальных ролей женщины-труженицы и женщины-общественницы в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» выявляется принципиальное сходство, то в отношении изменения социальной роли женщины-хозяйки прослеживается кардинальное расхождение. Следует заметить, что на страницах журнала «Крестьянка» проблема трансформации социальной роли крестьянки-хозяйки ограничивалась лишь несколькими сообщениями о возможности налаживания кооперации по выпечке хлеба и реорганизации общественной жизни в рамках организации коммун [15 с. 25]. В журнале «Работница» изменению роли работницы-хозяйки уделяется значительно больше внимания, оно рассматривалось как принципиально важное условие для полноценной общественной и трудовой жизни женщины-пролетарки.

Проблема преобразования коммунального быта и общественного воспитания детей должна была полностью решаться собственными усилиями женщины-работницы: «...государство наше бедно еще, оно не может построить в достаточной мере общественных

учреждений, способных облегчить положение женщины. Нужна самостоятельность, инициатива самих работниц... в деле организации народного питания, в области охраны материнства и младенчества, социального воспитания» [2 с. 2]. Предложенные партийными органами власти на страницах журнала «Работница» модели преобразования хозяйства и быта женщины-работницы можно разделить на две категории: организацию системы общественного питания, прачечных, которая должна была существенно облегчить бытовые функции «пролетарки», и коренное преобразование быта через устройство домов-коммун – эта модель получила меньшее распространение в дискурсе журнала «Работница».

Организация системы общественного питания должна была выполнять ряд важнейших задач. Обобществление питания рассматривалось как основа для раскрепощения женщины-работницы, вовлечения ее в общественную работу, которая должна была во-первых, способствовать более рациональному использованию трудового потенциала женского населения, во-вторых, массово экономить необходимые для государства ресурсы. Эта идея являлась основополагающей для пропаганды организации системы общественного питания в 1923–1925 гг.

Общественные столовые, поддерживавшие систему распределения продовольствия в эпоху Гражданской войны, не получили должного распространения и популярности в период, когда продовольственная проблема была в основном решена: «Столовые при фабриках и заводах не привлекают внимания и интереса работницы, ибо они все же еще не так организованы, чтобы она могла вместе со своими детьми пользоваться ими» [16 с. 17]. Женщины-работницы, общественницы должны были принять активное участие в организации системы общественного питания, удовлетворяющей потребностям женщин-пролетарок. Основой же этой активности должна была стать кооперация, позволяющая принять совместное участие в реализации поставленной задачи [17 с. 17].

С целью развития системы общественного питания со стороны государства было организовано паевое товарищество «Народное питание» («НАРПИТ»), учредителями которого стали: ЦК ПОСЛЕДГОЛ при ВЦИК, Центросоюз, Церабсекция, Транспосекция, Наркомпрод, Наркомтруд, НКПС, ВСНХ, Наркомпочтель, Наркомздрав, ВЦСПС, Московский и Петроградский Советы рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов [18 с. 22]. Но если централизованная деятельность Нарпита и выполняла в некоторой степени поставленные перед ним задачи, то кооперация «пролетарок» по организации системы общественного питания в середине 1920-х годов не получила практически никакого серьезного рас-

пространения: в журнале «Работница» публикуется всего несколько сообщений о самостоятельной организации питания на общественных началах [19 с. 13].

Несколько лучше реализация идеи обобществления быта осуществлялась в немногочисленных коммунах, организованных в этот период, как правило, при фабриках и заводах и, по сути, являвшихся общежитиями несемейных тружениц [20 с. 23–24]. Правда, следует заметить, что пользование услугами столовых здесь было не столько желанием, сколько насущной потребностью из-за ужасающей тесноты в подобных «коммунах».

Другой важной проблемой обобществления быта был вопрос об организации доступных прачечных, так как в городах стирка и сушка белья доставляли женщинам массу забот [21 с. 14], о чем свидетельствуют жалобы работниц. Пропагандировалась сеть механизированных прачечных, но они оставались еще слишком недоступны и дороги [22 с. 12] для большей части тружениц, также отмечалась порча белья. Таким образом, и система общественных прачечных не получила должного распространения среди работниц в середине 1920-х годов.

Несмотря на активную пропаганду идей обобществления быта в журнале «Работница», ни деятельность Нарпита, ни деятельность делегатов так и не смогли реализовать задачу организации питания на общественных началах и избавления «пролетарки» от «гнета горшка и ухвата». Столовые при заводах использовались или для питания в рабочее время, или для пролетариев-одиночек. «Семейные» продолжали питаться отдельно даже в крайне стесненных жилищных условиях. Социальная роль женщины-хозяйки никак не изменилась, женщина по-прежнему продолжала выполнять хозяйственно-бытовые функции в семье без какой-либо помощи как со стороны мужчин, так и со стороны государства, не сумевшего создать системы обобществления быта, удовлетворявшей потребности работницы. Ситуация в деревне была еще хуже. Как отмечалось выше, вопрос обобществления быта вообще не рассматривался в дискурсе журнала «Крестьянка».

Преобразование социальной роли женщины-матери и обобществление системы воспитания детей

Иным важным элементом обобществления быта должна была стать организация общественного воспитания детей. Эта проблема одинаково популяризировалась как в журнале «Крестьянка», так и в журнале «Работница», занимая по популярности ведущие позиции среди иных актуальных тем, обсуждавшихся в середине

1920-х годов. И именно организация детских яслей, площадок, детских садов получила наибольшую популярность среди женского населения Советской России. Сами работницы, крестьянки, делегатки принимали активное участие в устройстве этих учреждений.

Детские учреждения должны были выполнять две важные функции: освободить женское население для участия в трудовой и общественной деятельности, а также организовать идеологически правильное воспитание подрастающего поколения. Анализ дискурса в журнале «Крестьянка» показал, что в деревне организация яслей реализовывала исключительно первую задачу [23 с. 32–33]. Обзор же контекста в журнале «Работница» демонстрирует, что, кроме пропаганды выполнения задачи обеспечения безопасного для детей содержания в яслях для облегчения трудовой жизни женщины-пролетарки, детские дошкольные учреждения должны были в значительной мере способствовать коммунистическому воспитанию детей.

Пропагандировалась необходимость посещения детьми яслей даже в семьях, где жена рабочего, являясь домохозяйкой, могла самостоятельно ухаживать за детьми. Это объяснялось потребностью в обучении детей, которое в домашних условиях не могло быть обеспечено в достаточной степени [24 с. 14]. Также воспитание детей в яслях расценивалось с точки зрения предоставления родителям возможности участия в общественной жизни, обучения [25 с. 14].

На страницах журнала «Работница» публиковались отчеты о воспитании в опытно-воспитательных школах-коммунах, агитировавшие читательниц журнала организовывать обучение детей по сходной модели [26 с. 13–14]. Предлагалось создавать летние детплощадки для наилучшего отдыха детей, что должны были выполнять делегатки и работницы [27 с. 12–13]. Поскольку государство было не способно самостоятельно обеспечить организацию сети детских учебных заведений по причине бедности, то этим должны были заняться женщины-работницы. Они же должны были позаботиться о детях-сиротах, оставшихся на улице в годы Гражданской войны и голода [28 с. 4–5].

Заключение

Таким образом, анализ дискурса журналов «Работница» и «Крестьянка» показал расхождение в подходах к трансформации социальной роли советской женщины-работницы и женщины-крестьянки. Преобразование социальной роли женщины-работницы было напрямую связано с обобществлением ее быта.

Женщины города, имея иные бытовые сложности, чем женщины деревни, связанные в первую очередь с нехваткой жилья, должны были взять в свои руки и самостоятельно осуществлять задачи по преобразованию своего быта на общественных началах через устройство прачечных, столовых. Следует заметить, что большой популярности эта пропаганда добиться не смогла, даже в конце 1920-х годов наблюдается сохранение интереса прежде всего к индивидуальным формам ведения хозяйства. Но насущная необходимость, условия организации жилища, неразвитость системы государственных служб бытового обслуживания вынуждала женское население понемногу включаться в процессы бытовой кооперации, что позволяло ей выполнять те новые социальные роли, которые были возложены на нее в связи с потребностями восстановления хозяйства. Но если для женщины-работницы важность обобществления быта была определена как основополагающая в процессе ее раскрепощения, то на страницах журнала «Крестьянка» этот вопрос вовсе обходится стороной по причине неготовности сельского населения к столь радикальным формам трансформации их быта.

Куда более актуальным вопросом в рамках пропаганды на страницах женских журналов «Работница» и «Крестьянка» было участие женщин в создании системы общественного воспитания детей. Организация яслей, детских площадок, детских садов должна была не только оградить детей от опасностей и снизить детскую смертность, дать возможность женщине полноценно трудиться, но и обеспечить идеологически верное воспитание подрастающего поколения. Изменению социальной роли женщины-матери уделялось одинаковое внимание как на страницах журнала «Работница», так и «Крестьянка».

Нельзя забывать и об изменении роли женщины-труженицы. В контексте журнала «Крестьянка» этому вопросу уделяется большее внимание по причине повсеместного участия крестьянок в сельскохозяйственном труде. В середине 1920-х годов женщины города были еще не столь массово вовлечены в трудовые отношения, поэтому для них предлагалась альтернатива – участие в общественной жизни через делегатскую деятельность. Одной из основополагающих задач общественниц, делегатов этой эпохи, была пропаганда самостоятельного участия женщин в решении своих бытовых и жилищных проблем через кооперацию, которая занималась бы проблемами женской эмансипации, высвобождая советскую труженицу для реализации трудовых и общественных задач.

Литература

1. Союз города и деревни // *Работница*. 1923. № 6. С. 20.
2. Николаева К. РКП и задачи работниц // Там же. 1924. № 16. С. 2–3.
3. Шевченко А.Ф. «Страда» крестьянки // Там же. 1923. № 6. С. 24.
4. Куйбышева М. Работница – крестьянке // Там же. 1924. № 17. С. 6–7.
5. Кооперация в сельском хозяйстве // Там же. 1923. № 6. С. 22–23.
6. Куликова Е. Работница деревне // Там же. 1923. № 12. С. 32.
7. Первое мая – праздник рабочих и крестьян // Там же. 1923. № 7. С. 35.
8. Почепцова П. Крестьянка на металлургическом заводе // Там же. 1924. № 1. С. 17.
9. Шелкович А. Как мы провели смычку с крестьянками // Там же. 1924. № 22. С. 18.
10. Мархиль. И крестьянок втягивают в работу // Там же. 1923. № 11. С. 28.
11. Задачи делегатки-практикантки // *Крестьянка*. 1924. № 16. С. 2.
12. Каптельцева Н. Делегатские собрания – школа коммунизма // *Работница*. 1924. № 16. С. 4–5.
13. Наказ делегатке // Там же. 1923. № 10. С. 12.
14. Сидович П. Участие крестьянки в борьбе с последствиями голода // *Крестьянка*. 1923. № 4. С. 17.
15. Лаврентьева. Из нового быта в деревне // Там же. 1924. № 7. С. 25.
16. Нужна ли работнице организация быта на общественных началах // *Работница*. 1923. № 2. С. 17.
17. Досекин В. Кооперация – друг работницы и крестьянки // Там же. № 4. С. 17.
18. Кожаный П. Об общественном питании // Там же. № 10. С. 22.
19. Куропаткова. Церковь под столовую // Там же. 1925. № 6. С. 13.
20. Санжарь Н. «Прохоровка» // Там же. 1923. № 10. С. 23–24.
21. От корыта и проруби // Там же. 1928. № 18. С. 14.
22. Юнпроф М. У ярцевских текстильщиц // Там же. 1925. № 12. С. 12.
23. Нужно наладить охрану материнства и младенчества в деревне // *Крестьянка*. 1923. № 7. С. 32–33.
24. Ясли – родное детище работницы // *Работница*. 1926. № 6. С. 14.
25. Дети и родители // Там же. № 6. С. 14.
26. Сергеева В. В гостях у маленьких коммунаров // Там же. 1923. № 3. С. 13–14.
27. Работницы, организуйте детплощадки // Там же. 1927. № 11. С. 12–13.
28. Откуда они – беспризорные дети? // Там же. 1923. № 5. С. 4–5.

References

1. City and village union. *Rabotnitsa*. 1923;6:20. (In Russ.)
2. Nikolajeva K. RCP and tasks of women workers. *Rabotnitsa*. 1924;16:2-3. (In Russ.)
3. Shevchenko AF. “Strada” of peasant women. *Rabotnitsa*. 1923;6:24. (In Russ.)
4. Kuibisheva M. Women-workers to women-peasants. *Rabotnitsa*. 1924;17:6-7. (In Russ.)
5. Cooperation in agriculture. *Rabotnitsa*. 1923;6:22-23. (In Russ.)
6. Kulikova E. Women-workers to village. *Rabotnitsa* 1923;12:32. (In Russ.)

7. May Day – the holiday of workers and peasants. *Rabotnica*. 1923;7:35. (In Russ.)
8. Pocheptsova P. Peasant woman at the metallurgical plant. *Rabotnitsa*. 1924;1:17. (In Russ.)
9. Shelkovich A. How we made a linkage with peasant women. *Rabotnitsa*. 1924;22: (In Russ.)
10. Marhil. And the peasant women are being drawn into the work. *Rabotnitsa*. 1923;11:18. (In Russ.)
11. Tasks of the trainee delegate. *Krest'yanka*. 1924;16:2. (In Russ.)
12. Kaptelceva N. Delegate meetings – the school of communism. *Rabotnitsa*. 1924;16:4-5. (In Russ.)
13. Mandate to delegate. *Rabotnitsa*. 1923;10:12. (In Russ.)
14. Smidovich P. Peasant woman participation in the fight against hunger. *Krest'yanka*. 1923;4:17. (In Russ.)
15. Lavrent'eva. From the new life in the village. *Krest'yanka*. 1924;7:25. (In Russ.)
16. Does a female worker need a volunteer organization of life? *Rabotnitsa*. 1923;2:17. (In Russ.)
17. Dosekin V. Cooperation – a friend to the working and peasant woman. *Rabotnitsa*. 1923;4:17. (In Russ.)
18. Kozhanij P. About catering. *Rabotnitsa*. 1923;10:22. (In Russ.)
19. Kuropatkova. Converting a church into a dining room. *Rabotnitsa*. 1925;6:13. (In Russ.)
20. Sanzar N. "Prohorovka". *Rabotnitsa* 1923;10:23-24. (In Russ.)
21. Off the trough and ice-hole. *Rabotnitsa*. 1928;18:14. (In Russ.)
22. Junprof M. At textile women-workers in Yartsevo. *Rabotnitsa*. 1925;12:12. (In Russ.)
23. It is necessary to organize the protection of motherhood and infancy in the village. *Krest'yanka*. 1923;7:32-33. (In Russ.)
24. The nursery is the native child of the working woman. *Rabotnitsa*. 1926;6:14. (In Russ.)
25. Children and parents. *Rabotnitsa*. 1926;6:14. (In Russ.)
26. Sergeeva V. Visiting the little Communards. *Rabotnitsa*. 1923;3:13-14. (In Russ.)
27. Workers, organize the playground. *Rabotnitsa*. 1927;11:12-13. (In Russ.)
28. Urchins – where are they from? *Rabotnitsa*. 1923;5:4-5. (In Russ.)

Информация об авторе

Регина Савосткина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; savostkina@gmail.com

Information about the author

Regina Savostkina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; savostkina@gmail.com

УДК 94(470)«1917»

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-141-150

«Монументальная» версия истории Великой российской революции 1917 г. в современной российской историографии

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть новейшие академические разработки в контексте подготовки к 100-летию юбилею Великой российской революции.

На материалах текстов трех известных профессиональных историков Ю.А. Петрова, В.В. Шелохаева и В.А. Никонова осуществляется историко-научный анализ и конструирование логики исследовательского поиска в том виде, в каком она проявилась в авторском дискурсе. Автор статьи стремится погрузиться в интеллектуальный контекст привлеченных историографических источников с целью выявления и осмысления новационных подходов, сформулированных в текстах данных работ.

Настоящая статья посвящена, прежде всего, анализу конструирования в современном историческом знании версии истории Великой российской революции 1917 г., альтернативной образу революции в советском историографическом проекте. Автор статьи выявляет отличительные черты предложенной историками модели революции 1917 г., поэтому основное внимание сконцентрировано на критериях отбора исторических и историографических источников, составляющих репрезентативную базу для конструирования нового образа Великой российской революции 1917 г.

Ключевые слова: Великая российская революция, версия истории, историографический источник, историографический факт

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. «Монументальная» версия истории Великой российской революции 1917 г. в современной российской историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 141–150. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-141-150

“Monumental” version of the Great Russian revolution history in modern historiography

Natalia V. Illeritskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Abstract. The article attempts to consider the latest academic studies in the context of preparations for the 100th anniversary of the Great Russian Revolution. By the materials of the texts of three famous professional historians Yu.A. Petrov, V.V. Shelokhaev and V.A. Nikonov the author makes the historical and scientific analysis and design of the of research study logic, in the form in which it manifested itself in her discourse. In order to identify and comprehend innovative approaches formulated in those texts the author of the article tends to immerse into the intellectual context of attracted historiography sources. The article is mainly dedicated to the analysis of the construction in the Great Russian revolution constructed in the contemporary historical knowledge of the new version for the Great Russian revolution of 1917 alternative to the image of the revolution in the Soviet historiography. The author of the article reveals distinctive features of the model proposed by historians for the 1917 revolution; therefore, the main attention is focused on the selection criteria of historical and historiography sources that constitute a representative basis for constructing a new image of the Great Russian Revolution of 1917.

Key words: the Great Russian revolution, version of history, historiography source, historiography fact

For citation: Illeritskaya NV. “Monumental” version of the Great Russian revolution history in modern historiography. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;4:141-50. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-141-150

Введение

Осмысление событий, которые привели к масштабному «советскому эксперименту», остается важной задачей современных историков, поэтому судьбоносные явления российской истории XX в. актуализируются и интерпретируются в контексте нового этапа историописания. В современном историческом знании заново сконструирована и бытует «монументальная» версия истории [1 с. 50], методологически включающая традиционные практики политической истории. В этом подходе в процессе подготовки к 100-летию революции 1917 г. был опубликован ряд научных трудов профессиональных историков, которые стали историографическими источниками данной работы: это статья Ю.А. Петрова «Великая российская революция: современные тренды», статья В.В. Шелохаева «Переформатирование партийного пространства России

в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)» и монография В.А. Никонова «Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем». Эти тексты претендуют на историко-научный обобщающий характер, в связи с чем являются наиболее репрезентативными с точки зрения приращения научного знания. Поэтому целью данной статьи стал анализ новейших историографических источников для выявления новационных подходов в конструировании образа российской революции 1917 г.

Современные историографические подходы к истории Великой российской революции

В данном контексте особое значение приобретает статья Ю.А. Петрова «Великая российская революция: современные исторические тренды», опубликованная в материалах Международной научной конференции «Великая российская революция 1917: сто лет изучения» [2 с. 17–20], которая проходила в Москве в октябре 2017 г.

Замысел автора заключается в том, чтобы проанализировать новационные достижения современной исторической науки в разработке проблематики истории российской революции 1917 г. В связи с этим Ю.А. Петров акцентирует внимание на актуальности истории российской революции в современном обществе в связи с тем, что после длительного периода историографического мифотворчества сформировалась научная и общественная потребность перейти к осмыслению революции как необходимого звена непрерывного исторического развития России. Поэтому важным достижением научного сообщества стало представление о революции как о сложном многофакторном процессе. Ученые приходят к выводу, что Великая российская революция прошла в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну, поэтому считают период 1917–1922 гг. единым [2 с. 17].

Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. В советское время отечественная и зарубежная трактовки революции противостояли друг другу, однако в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогичного, но единого историографического пространства. В исследованиях последних лет экономический фактор не считается достаточным объяснением, почему именно в России в ходе Первой мировой войны произошла

революция. Преодолен ленинский постулат о «пауперизации масс» как главная предпосылка нарастания революционного кризиса. В современной историографии исследователи приходят к заключению, что причины революции надо искать в противоречиях, порожденных быстрой модернизацией страны, в трудностях перехода от традиционного общества к обществу современному. [2 с. 18].

Одним из центральных историографических вопросов по-прежнему является проблема характера Февраля 1917 г.: были ли эти события стихийным народным выступлением или это был подготовленный заговор «верхов»? Доминирующей точкой зрения для историков остается утверждение о стихийном характере начала революции.

В последние годы, по мнению автора, набирает популярность «конспирологическая» версия, согласно которой факт падения империи интерпретируется как результат заговора внешних либо внутренних сил [2 с. 19]. Однако массив накопленных исторической наукой эмпирических данных о революционных событиях явно противоречит этой концепции, так как большевики рассматривали революцию в России как «фитиль», от которого должен вспыхнуть пожар мировой революции.

Ю.А. Петров подчеркивает, что историки доказали, как постепенно в массовых движениях нарастали охлократические тенденции. В этих условиях большевики смогли перехватить власть в октябре 1917 г. с помощью радикально настроенных солдат, не желавших воевать. Опираясь на них, большевики разогнали Учредительное собрание, что вызвало рост социальной агрессивности. Представление советской историографии о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается современными исследованиями. Период с осени 1917 г. до весны 1918 г. сейчас представляется историками как новый виток политической борьбы: власть на местах устанавливали не большевизированные Советы, а вооруженные солдаты. Реальный приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России [2 с. 20–21].

Политические партии России в 1917 г.

Историографически тему пролога Великой российской революции продолжает статья В.В. Шелохаева «Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)» [3 с. 32–42]. В тексте статьи определена цель: показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном

этапе их эволюции – в 1917 г. Автор совершенно справедливо начинает с тех исследовательских итогов, которые были достигнуты в исторической науке к началу 90-х годов XX в. В советской историографии, как известно, в качестве методологического основания бытовала ленинская классификация политических партий, которая была малопродуктивна для выяснения положения дел в политическом спектре российских партий. Поэтому, как подчеркивает В.В. Шелохаев, советские историки освещали весь период революционных трансформаций 1917–1920 гг. с позиций «победителей» и «побежденных» [3 с. 33].

Эмигрантская историческая литература осталась в плену «синдрома побежденных», а зарубежная историография подпитывалась в первую очередь трудами эмигрантских авторов. Только в конце 1980-х годов ситуация стала постепенно меняться, но качественный перелом в историописании наступил лишь во второй половине 1990-х годов в ходе подготовки и реализации многотомного проекта «Политические партии России. Документальное наследие» [3 с. 39]. Анализ источников, вошедших в это фундаментальное документальное издание, показал, что политические партии России имели сугубо интеллигентский, неклассовый характер. Этот новационный вывод стал общепризнанным в отечественной и зарубежной историографии. В.В. Шелохаев справедливо отмечает, что именно интеллигентский характер партий предопределил непримиримую политическую и идеологическую борьбу между ними и внутри них по проблеме будущего России. Революция 1917 г. лишь предельно обострила эту ситуацию [3 с. 36–39]. С точки зрения автора, существенный прорыв был сделан тогда, когда исследователи отказались от тенденциозных рассуждений по поводу характера и деятельности этих партий и перешли к осмыслению их места в событиях революции 1917 г.

В результате обобщения современных историографических работ в области исследования российской многопартийности В.В. Шелохаев приходит к следующим выводам. 1. Революция 1917 г. привела к качественному изменению конфигурации российской многопартийности. В Феврале 1917 г. с политической сцены исчезли консервативные партии и организации: революция стала завершающим этапом в их истории. 2. После Февраля 1917 г. наметились существенные изменения в либеральном партийном лагере. Либеральные партии правого фланга и «центра» заметно радикализировались, пытаясь подстроиться под новую политическую реальность. Осталась только одна эффективная либеральная политическая партия – Конституционно-демокра-

тическая. Члены кадетской партии делали все возможное, чтобы не дать революции развиваться, но остановить национальную катастрофу не смогли. 3. Февральская революция и последующие события значительно изменили социалистические партии и организации: произошло резкое разделение их на умеренные и радикальные. Развитие революции 1917 г. превратило социалистов-революционеров и социал-демократов в непримиримых политических противников. 4. После Февральской революции ускорился процесс формирования национальных партий и организаций на фоне сокращения числа общероссийских партий. 5. Революция заставила политические партии пересмотреть их программы и тактические установки. Октябрьский переворот стал совместным делом леворадикальных партий, а не одних только большевиков [3 с. 40].

В результате В.В. Шелохаев приходит к прорывным для современной историографии выводам: российская революция 1917 г. показала неустойчивость российской многопартийности. На победу смогли рассчитывать только партии, опиравшиеся на традиционное массовое сознание народа. Партии парламентского типа вынуждены были сойти с политической сцены [3 с. 42].

В.В. Шелохаев не игнорирует прогностическую функцию историографии. Он пишет, что, несмотря на достижения последних лет, логика развития науки требует дальнейших усилий историков в деле изучения российской многопартийности. К чему же должны историки приложить усилия в первую очередь? По мнению автора статьи, исследователям предстоит большая поисковая работа по введению в научный оборот новых источников из региональных архивов и местной периодической печати. Это значит, что предлагается экстенсивное развитие исторической науки, когда приращение научного знания осуществляется за счет расширения источникового пространства и этот вектор развития рассматривается как основной. Правда, в заключении статьи предлагается обратиться к новым методологическим подходам, в частности к версии новой политической истории. Это позволит проследить процесс принятия партийных решений, их мотивацию и аргументацию, связи с электоральными слоями и т. п. Реализацию такого подхода можно только приветствовать, поскольку он потребует от историков применения современных междисциплинарных методов исследования, что, в свою очередь, в перспективе приведет изучение темы к неклассической рефлексивной модели исторического знания.

Современная версия Октября 1917 г.

Полностью в методологию «монументальной» версии политической истории вписывается фундаментальная конкретно-историческая монография В.А. Никонова «Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем» [4]. При помощи обширнейшего эмпирического материала автор аргументирует те новационные научные разработки, которые уже сложились в современном историописании. Эта книга стала продолжением другой работы В.А. Никонова под названием «Крушение России. 1917», в которой речь шла о Февральской революции.

В своем труде Никонов старается всесторонне обосновать авторскую версию, которая сводится к тому, что в начале 1917 г. не было предпосылок, неумолимо толкавших страну к революции. Россия, по его мнению, оставалась огромной и жизнеспособной страной. Экономическая модель не была идеальной, но она не была и провальной: в социально-экономической структуре России не было ничего, что объективно вело бы страну к разрушению. К 1917 г. российский государственный строй уже не был самодержавным: после революции 1905 г. Россия стала конституционной дуалистической монархией. В произошедшей революции, как считает автор, была вина Николая II, которая состояла в том, что император был кем угодно, но не монархом-политиком [4 с. 1056].

Главная революция, по мнению В.А. Никонова, произошла в феврале 1917 г., но она не может называться буржуазной, поскольку российская буржуазия как класс ее не осуществляла. Февральскую революцию подготовила и осуществила группа элиты – олигархической и интеллигентской, – воспользовавшаяся трудностями войны для установления собственной власти. Российская элита совершенно не понимала историческую природу власти в стране, которой собирались управлять, т. е. не отдавала себе отчета в последствиях разрушения российской государственности в условиях тяжелой войны [4 с. 26–27]. Революция была в основном творение русской интеллигенции: она готовила революцию интеллектуально, она была в первых рядах борцов с самодержавием, она поставляла кадры революционеров и руководителей для всех без исключения политических партий, она же составила Временное правительство. Февральское восстание в Петрограде, как считает автор, было порождено антиправительственной пропагандой, паническими настроениями и бунтом запасных батальонов. Легитимацию перевороту дала Дума. Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства [4 с. 1054].

Автор книги справедливо подчеркивает, что революции 1917 г. и Гражданскую войну современная историческая наука объединяет в один исторический акт, называемый Великой русской революцией 1917–1922 гг. Только в этом событии не было ничего великого. В.А. Никонов оценивает эти события как одну из самых драматичных страниц отечественной истории [4 с. 1054].

С точки зрения В.А. Никонова, Октябрьская революция стала результатом нежизнеспособности Временного правительства, чья легитимность была весьма сомнительна, поскольку власть его не выводилась ни от императорской власти, ни от власти Государственной думы. Население не понимало парламентской формы власти, так как связывало свои представления о народоправстве с теми политическими формами, которые были ему близки, а это были Советы. Именно Советы соединяли в себе корпоративно-общинное представительство, коллективное принятие решений и нерасчлененность власти, что было абсолютно понятно массовому сознанию.

Временное правительство ликвидировало весь государственный аппарат России, разорвало связь российской власти с православной церковью, довело армию до небоеспособности. У Временного правительства не оказалось никакой экономической программы. Советы проявляли гораздо большую инициативу, но они тяготели к перераспределению национального богатства и усилению государственного регулирования. Аграрная реформа понималась исключительно как конфискация земель у помещиков, и это полностью развалило крупные хозяйства. Правительство установило государственную монополию на торговлю хлебом, предписало крестьянам сдавать зерно по твердым ценам и ввело карточную систему на основные продукты питания. В результате к осени в стране был голод и шли голодные бунты. Власть оказалась не способной собирать налоги и включила печатный станок, в результате резко подскочила инфляция и расстроилась вся финансовая система [4 с. 1057–1062].

Внешнеполитический контекст революции определялся, по мнению автора, продолжавшейся Первой мировой войной. К 1917 г. все ведущие воевавшие страны были уже максимально истощены, причем Россия в наименьшей степени. Западные союзники хотели от России активного продолжения военных действий, поэтому идеи российской «демократии» шли в разрез с устремлениями западных столиц. От нашей страны также ждали следования западной модели развития и пропаганды либеральных ценностей. Все это внесло вклад в успех большевиков.

Ведущие политические партии, продолжает рассуждать автор, проседали одна за другой, и скорость их падения зависела сначала

ла от их близости к императору, а затем определялась степень их сопротивления немедленным чаяниям масс. Поэтому, когда большевики приходили к власти, они имели дело с анархией. Революция сломала традиционные общественные рамки, сделав общество бессловным, но одновременно максимально поляризовало его на «трудящиеся массы» (рабочий класс + крестьянство) и всех остальных, обозначенных как «буржуазия». Эта поляризация вызвала скачок классовой ненависти и задала основной стержень Гражданской войне. Крестьянство повсеместно восприняло революцию как начало реализации вековой мечты о «черном переделе» и ждало только сигнала на захват земли. Не дождавшись, мужик сам начал решать аграрный вопрос по справедливости, как он ее понимал [4 с. 1062–1076]. В результате была уничтожена российская империя как историческая форма существования российской государственности, а вместе с ней пала и Россия.

Заключение

Таким образом, в итоге своих разработок все три автора – Ю.А. Петров, В.В. Шелохаев и В.А. Никонов – пришли к солидарным выводам. Это означает, что в современном академическом историческом сообществе сложился интеллектуальный консенсус, смысл которого заключается в следующем: Россия заплатила чрезвычайно высокую цену за революционный эксперимент 1917 г., который стал следствием того, что культурная и политическая элиты страны не справились с задачей эволюционного перехода традиционного патриархального общества к цивилизации модерна. Великая российская революция на долгие годы предопределила развитие России и всего мира. «Короткий XX век» начался с Первой мировой войны и досрочно завершился в 1991 г., когда распалось то государство, которое было порождено российской революцией. За то, что в 1917 г. произошла революция, несет ответственность не русский народ, не низы, а интеллигенция. Она обязана была не допустить перерыва власти, но с этой обязанностью русская интеллигенция не справилась.

В современном историографии истории Великой российской революции 1917 г. сделан шаг вперед по сравнению с советским историографическим проектом: переформатирована сама проблематика истории российской революции 1917 г.; достигнута репрезентативность источниковой базы за счет переосмысления и введения в научный оборот новых документальных источников. Это привело к переопределению исследовательских задач и даль-

нейших ориентиров в разработке тематик российской революции 1917 г. Изменился образ революционных событий, он стал более корректным. Но все эти достижения сделаны в основном за счет экстенсивного освоения интеллектуального пространства. Так что историков ждет впереди большая и интересная работа, важная для самопознания современного общества.

Литература

1. *Поршнева О.С.* Человек в условиях российской революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: Социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральс. ун-та, 2016. 382 с.
2. *Петров Ю.А.* Великая российская революция: современные историографические тренды // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: [ИРИ РАН], 2017. 808 с.
3. *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–42.
4. *Никонов В.А.* Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М.: Изд-во «Э», 2017. 1181 с.

References

1. Porshneva OS. A man in situation of the Great Russian revolution. The main trends and achievements in the study of the issue. V: *1917 in Russia. Socialist idea, revolutionary mythology and practice. Coll. sc. Works.* Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ.; 2016. 382 p. (In Russ.)
2. Petrov JuA. The Great Russian revolution: the main modern historiography trends. V: Petrov YuA., ed. *The Great Russian Revolution of 1917. Centenary of Studies. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow. October 9-11, 2017).* Moscow: [IRI RAN] Publ.; 2017. 808 p. (In Russ.)
3. Shelohaev VV. Re-forming of the political parties in Russia in 1917 year. Historiography findings and studies objectives. *Rossiiskaya istoriya.* 2017;2:32-42. (In Russ.)
4. Nikonov V. October of 1917. Who was nothing that will be all. Moscow: Izdatel'stvo "E" Publ.; 2017. 1181 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Т.Ю. Журавлева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 22.12.2018.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 423

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru